

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ♦ Теория и методология регионоведческих исследований
- ♦ Историческое регионоведение
- ♦ Экономика и природопользование
- ♦ Социальные и демографические структуры
- ♦ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ♦ Политические отношения и управление регионом
- ♦ Мировая система и международные регионы
- ♦ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ♦ Регион в документах и свидетельствах
- ♦ Науковедение
- ♦ Дискуссия
- ♦ Рецензии и обзоры
- ♦ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.12.2023 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич — кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Волыничук Андрей Борисович — доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демьяненко Александр Николаевич — доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна — доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожевников Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе — Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович — кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Лексютин Яна Валерьевна — доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

Литошенко Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович — кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института — Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Римская Татьяна Григорьевна — кандидат исторических наук (г. Находка, Россия).

Рыжова Наталья Петровна — доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (г. Владивосток, Россия)

Шестак Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик — Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки — Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сираой, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич — доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ♦ Theory and Methodology of Regional Studies
- ♦ Historical Regional Studies
- ♦ Economy and Nature
- ♦ Social and Demographic structures
- ♦ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ♦ Political Relations and Management of the Region
- ♦ World System and International Regions
- ♦ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ♦ Region in the Documents and Testimonies
- ♦ Study of Science
- ♦ Discussion
- ♦ Reviews
- ♦ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.12.2023. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, leading methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Tatyana G. Rims kaya – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2023

№ 4 (67)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: МИГРАЦИОННЫЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

От редактора рубрики 9

Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Иностранная
миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды 11

Бреславский А. С. Динамика и типы демографического
развития "городских агломераций" ДФО РФ в 1990-е –
2010-е гг. 23

Тиникова Е. Е. Социальная инфраструктура городов
Хакасии – фактор миграции населения? 36

Яковлев А. И. Повседневность горожан Якутска и
ревитализация традиционной культуры 43

Круглый стол

**Маслов А. А., Владимирова Д. А., Лобода О. В.,
Иванов С. А., Смирнов С. М., Миненко М. А.,
Дышин А. В., Бурлаков В. А., Самойленко П. Ю.**
Развитие российско-китайского стратегического
партнерства на современном этапе в свете визита Си
Цзиньпина в Россию: региональный аспект 52

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Рыжова Н. П. Корейские земледельцы в России: 100
лет повседневного сопротивления. Часть 2 67

Азаревич В. К. Владивостокская крепость в начале
1920-х гг.: от падения Белого Приморья до самоликвидации 78

Ахмыловская Л. А. Сазки Юдзо: творчество в
историко-культурном контексте 89

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Абросимова Е. Е., Ягафарова Э. У. Студенты и
цифровизация высшего образования: социологический
анализ 103

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Подмаскин В. В. Народная экологическая этика
юкагиров в историко-культурной традиции второй
половины XIX – первой четверти XXI в. 111

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Удинкан В. А. Анализ развития субурбий г. Хабаровска 119

Владивосток
2023

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Верхоломов С. А. Архитектура региональной безопасности в Восточной Азии	129
Губин А. В. Влияние малосторонних форматов в сфере безопасности на международные отношения в Восточной Азии	136
Киселёва А. С. Трансформация миграционной политики Австралии в период пандемии COVID-19	147

НАУКОВЕДЕНИЕ

Литошенко Д. А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть 2 ..	164
---	------------

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Тиникова Е. Е. Terra incognita в отечественной урбанистике, подлежащая осмыслению	175
--	------------

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Migration and ethnosocial processes in the regions of Siberia and the Russian Far East

From the editor of the heading	9
Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Foreign Migration in the Russian Far East: Main Trends	11
Breslavsky A. S. Population Dynamics of "Urban Agglomerations" of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation and its Types in the 1990s – 2010s	23
Tinikova E. E. Social infrastructure of towns in Khakassia – factor of population migration?	36
Yakovlev A. I. Yakutsk townspeople everyday life and traditional culture revitalization	43

Round Table

Maslov A. A., Vladimirova D. A., Loboda O. V., Ivanov S. A., Smirnov S. M., Minenko M. A., Dyshin A. V., Burlakov V. A., Samoilenko P. Yu. Development of Russian-Chinese Strategic Partnership at the Present Stage in the Context of Xi Jinping's Visit to Russia: Regional Aspect	52
---	----

Historical Regional Studies

Ryzhova N. P. Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance. Part 2	67
Azarevich V. K. Vladivostok Fortress in the Early 1920s: From the Fall of White Primorye to Self-Liquidation	78
Akhmylovskaya L. A. Saeki Yuzo: art in history and culture context	89

Social and Demographic Structures

Abrosimova E. E., Yagafarova E. U. Students and Digitalization of Higher Education: A Sociological Analysis	103
--	-----

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Podmaskin V. V. Folk ecological ethics of the Yukagirs in the historical and cultural traditions of the second half of the XIX – the first quarter of the XXI century	111
--	-----

Political Relations and Management of the Region

Udinkan V. A. Analysis of the development of the suburbs of Khabarovsk	119
---	-----

World System and International Regions

Verholomov S. A. The architecture of regional security in East Asia	129
--	-----

Vladivostok
2023

Gubin A. V. Influence of minilateral security cooperative formats on international affairs in East Asia	136
Kiseleva A. S. Transformation of Australian migration policy during the COVID-19 pandemic	147
Study of Science	
Litoshenko D. A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part 2	164
Reviews	
Tinikova E. E. Terra incognita in Russian Urbanism, subject to comprehension	175

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozerneya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Современное глобальное общество подвержено социальной трансформации, что выражается в относительно быстрых, глубоких, качественных и не всегда положительных по своему значению преобразованиях во всех областях жизнедеятельности людей. В настоящих условиях общественного развития существуют проблемы изменений в уровне и качестве жизни, в социальной инфраструктуре, которые вызывают усиление социальной дифференциации.

Это особенно актуально в отношении жителей сибирских и дальневосточных российских регионов. Мы полагаем, что место жительства является одним из главных элементов, воздействующих на динамику демографических процессов, на формирование и реализацию миграционных стратегий. Особенности социополитического пространства, географического положения, социального, экономического развития региона, уровень урбанизации, динамика этносоциальных процессов, состояние инфраструктуры могут рассматриваться в контексте основных факторов, влияющих на демографическое поведение и миграционные настроения людей. Поэтому остается открытым вопрос: каким образом "закрепить" и привлечь людей в Сибирь и на Дальний Восток?

Соответственно, преодоление трудностей, которые в настоящее время переживают жители сибирских и дальневосточных регионов, невозможно без достоверных научных знаний о механизмах жизнедеятельности населения данных территорий. Именно эти вопросы стали центральными и объединили исследователей Дальневосточного федерального университета (Владивосток), Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Удан-Уда), Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан), Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (Якутск). В представленных в рубрике статьях авторами используется разнообразный научный инструментарий. Анализ конкретных фактов, источников, различной статистической информации, полевых материалов, результатов количественных и качественных социологических исследований с использованием методов анкетирования, интервью, экспертного опроса позволил комплексно подойти к рассматриваемым проблемам, подтвердить теоретические выводы эмпирическими данными.

Открывает рубрику соавторская статья А.В. Винокуровой и А.Ю. Ардаляновой, в которой рассматриваются основные тенденции иностранной миграции в дальневосточных регионах России. Авторы отмечают, что на сегодняшний день жизнь людей на Дальнем Востоке затруднена целым рядом социально-экономических, социально-политических, эпидемиологических и экологических тенденций, которые стимулируют отток населения в другие российские регионы, воспринимаемые дальневосточниками как более привлекательные, перспективные в плане закрепления на постоянное место жительства. Сформировался устойчивый тренд: во всех субъектах Дальневосточного федерального округа (ДФО) имеет место отрицательный миграционный обмен с другими регионами России, а миграционный обмен с зарубежными странами, в первую очередь с государствами СНГ, характеризуется положительными значениями. В то же время иностранные мигранты на Дальнем Востоке – это, скорее, источник пополнения трудовых, а не демографических ресурсов. По большей части мигранты ориентированы на заработок денежных средств и их последующее использование в своей стране.

С другой стороны, приток иностранных мигрантов в субъекты ДФО в некоторой степени смягчает неблагоприятные тенденции, характерные для большинства дальневосточных регионов: депопуляция, старение и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Процессы эти не новы. Самое заметное снижение численности населения на Дальнем Востоке наблюдалось в середине – конце 1990-х гг. В 2000-е – 2010-е гг. убыль населения в субъектах Дальневосточного федерального округа несколько замедлилась.

Особый интерес в данном отношении представляют дальневосточные городские агломерации, динамика и типы демографического развития кото-

рых в 1990–2010-е гг. представлены в статье А.С. Бреславского. В своей работе автор указывает на общий кризис урбанизационного процесса в ДФО. Одним из его проявлений стала усиливающаяся концентрация населения в десяти из одиннадцати региональных дальневосточных столиц. В условиях ограниченности государственных и частных ресурсов, которые вкладывались и вкладываются в развитие населённых пунктов Дальнего Востока в последние десятилетия, именно городские агломерации, в первую очередь столичные, вероятно, останутся главными "точками" регионального развития, в то время как будущее остальных территорий видится менее определённым.

Одним из факторов, потенциально выталкивающим население из дальневосточных и сибирских городов, может выступать уровень и качество социальной инфраструктуры. Данные аспекты на материалах Республики Хакасия рассматриваются в следующей статье рубрики в авторстве Е.Е. Тиниковой. В своём исследовании она приходит к выводу, что на самом деле состояние социальной инфраструктуры городских поселений не является доминирующим фактором миграции населения. Для жителей городов Хакасии вопросы развития социально-бытовой инфраструктуры в отличие от социально-культурной, выходят на первый план. Но и в системе наиболее злободневных проблем они занимают второстепенные позиции по сравнению с вопросами материального достатка. Это свидетельствует о том, что решение других задач, реализация которых во многом зависит от качества социальной инфраструктуры, пока не входит в число приоритетных.

Завершает рубрику статья А.И. Яковлева, в которой описываются этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия) в контексте социокультурной составляющей. Фокус внимания автора сосредоточен на описании элементов городского пространства, интерьера городских квартир и пр., играющих основную роль в этнокультурной самоидентификации человека. В работе раскрыты два базовых проявления этничности в повседневной городской жизни в Якутии через муралы – монументальное искусство, представленное непосредственно в городской среде, и через отдельные предметы быта, личные вещи. Все они на сегодняшний день выполняют роль инструментов, с помощью которых современные саха сохраняют свои традиции, передавая значимость древних форм, смыслов и символов новым вещам и предметам, появившимся в условиях культурной глобализации и урбанизации.

В целом, представленные в тематической рубрике статьи, не исчерпывая всей этномиграционной проблематики, касающейся развития сибирских и дальневосточных регионов, позволяют расширить наши представления о доминирующих региональных трендах в сфере миграционных и этносоциальных процессов.

А.В. Винокурова

Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды

Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru
Анна Юрьевна Ардалянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardy2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты, характеризующие динамику иностранной миграции в субъектах Дальневосточного федерального округа (ДФО) и тенденции её развития. Также освещаются вопросы, связанные с проблемами "закрепления" иностранных мигрантов на Дальнем Востоке на постоянное место жительства. Эмпирическую базу исследования составили данные региональной статистики, вторичный социологический анализ, результаты собственных наблюдений и интервью. Было установлено, что приток иностранных мигрантов в субъекты ДФО в некоторой степени смягчают неблагоприятные тенденции, характерные для большинства дальневосточных регионов: депопуляция, старение и сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. В то же время иностранные мигранты на Дальнем Востоке – это в первую очередь источник пополнения трудовых, а не демографических ресурсов. По большей части мигранты ориентированы на заработок денежных средств и их последующее использование в своей стране. Поэтому исследование поведенческих стратегий иностранных мигрантов на Дальнем Востоке требует дальнейшего углубления и расширения, в том числе и касательно проблем, затрудняющих их "закрепление" на постоянное место жительства в дальневосточных регионах.

Ключевые слова: демографические процессы, миграционные процессы, иностранные мигранты, принимающее сообщество, уровень и качество жизни, региональное развитие, Дальний Восток

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Для цитирования: Винокурова А. В., Ардалянова А. Ю. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 11–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22>

Foreign Migration in the Russian Far East: Main Trends

Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru
Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardy2004@mail.ru

Abstract. The paper examines the main aspects characterizing the dynamics of foreign migration in the constituent entities of the Far Eastern Federal District (FEFD) and its development trends. Issues related to the problems of "fixing" foreign migrants in the Far East for permanent residence are also covered. The empirical basis of the study consisted of regional statistics, secondary sociological analysis, the results of our own observations and interviews. It was found that the influx of foreign migrants to the subjects of the Far Eastern Federal District to some extent mitigates the unfavorable trends characteristic of most Far Eastern regions: depopulation, aging and a decline in the working age population. At the same time, foreign migrants in the Far East are, first of all, a source of replenishment of labor, rather than demographic resources. For the most part, migrants are focused on earning money and its subsequent use in their country. Therefore, the study of the behavioral strategies of foreign migrants in the Far East requires further deepening and expansion, including regarding the problems that make it difficult for them to "fix" them for permanent residence in the Far Eastern regions.

Key words: demographic processes, migration processes, foreign migrants, host community, level and quality of life, regional development, Far East

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

For citation: Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Foreign Migration in the Russian Far East: Main Trends // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 23–22. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/11-22>

Дальний Восток является одним из приоритетных регионов для развития в РФ, так как обладает большим социально-экономическим потенциалом, что отражено в большом количестве государственных программ и нормативно-правовых актов, направленных на стимулирование развития данной территории [см., например: 20; 23; 24]. Но комплексное развитие и раскрытие экономического потенциала невозможно без наличия необходимых демографических ресурсов.

Самое заметное снижение численности населения на Дальнем Востоке наблюдалось в середине – конце 1990-х гг. В основном этот процесс был

обусловлен миграционным оттоком, что неоднократно отмечалось в работах отечественных исследователей, занимающихся изучением данной проблематики [см. подробнее: 2; 4; 5; 7; 12; 21]. Дополним, что основной причиной миграции из дальневосточных регионов, конечно же, стала крайне неблагоприятная социально-экономическая ситуация: многомесячные задолженности по выплате заработной платы. Это касалось и бюджетников (врачи, учителя), а также работающих на градообразующих предприятиях в сфере транспорта, рыбодобывающей промышленности, горнорудной промышленности и пр. Уровень цен был существенно выше, чем в среднем по стране. В тот период отмечались веерные отключения электроэнергии, вообще работа ЖКХ была крайне неудовлетворительной, и это при ежегодном росте тарифов, опять же выше, чем в среднем по России. Также имела место транспортная изоляция от центральной части страны. Тогда ещё не было такого количества авиарейсов в Москву и другие западные регионы, не было субсидированных билетов, плоских тарифов и пр. Всё это послужило факторами, выталкивающими людей с Дальнего Востока, особенно с его северных и островных территорий.

Отметим ещё один немаловажный момент. В указанный период (1990-е гг.) шло сокращение Вооружённых сил (ВС) РФ. Это затронуло и военнослужащих, находившихся на Дальнем Востоке. Военные покидали регион. Но это же не только сами военнослужащие, но и члены их семей. Именно эта социальная категория дала высокий миграционный отток из Приморья в рассматриваемый период [см. подробнее: 8; 9].

Если говорить о снижении рождаемости в 1990-е гг., то в связи с развалом СССР и последовавшими за этим социальными трансформациями (на повседневном уровне это проявлялось в гиперинфляции, дефиците товаров и продуктов питания, ухудшении качества медицинских услуг и пр.) люди существенно скорректировали свои репродуктивные планы, стали откладывать рождение детей до "лучших времён". Рост смертности был обусловлен теми же самыми причинами: ухудшение качества и снижение возможностей доступа к медицинским услугам. Стрессовые ситуации, связанные с потерей работы, невозможностью прокормить семью, привели к росту смертности, особенно мужчин в трудоспособном возрасте, по причине роста социальных девиаций: алкоголизации, суицидального поведения и др. Также увеличилась смертность в связи с ростом заболеваемости сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями, в связи с ростом производственного травматизма и пр.

В 2000-е гг. убыль населения в субъектах Дальневосточного федерального округа (ДФО) начинает сокращаться, что также отмечается российскими исследователями [см., напр.: 17; 25]. В данном контексте мы бы хотели обратить внимание на следующее. В первую очередь снизилась интенсивность миграционного оттока, другими словами, к середине 2000-х гг. те, кто могли, уже уехали. Далее, есть часть населения, кто хотел бы уехать с Дальнего Востока, но не имеет для этого достаточных ресурсов, в том числе и материальных, необходимых для переезда в другой регион РФ. И этот фактор имеет весомое значение в снижении миграционной активности. Например, существенные различия в стоимости жилья делают фактически невозможным переезд в регион с более высоким уровнем жизни. И только в-третьих, можно сказать, что в середине нулевых объективно улучшилась социально-экономическая ситуация в ДФО, что также способствовало снижению миграционной и естественной убыли населения.

В 2010–2020-е гг. мы также имеем тенденцию снижения общей численности населения на Дальнем Востоке. Но если обратиться к статистическим данным, то эти показатели весьма и весьма неоднородны (табл. 1).

На основе данных, представленных в таблице 1, наглядно видна общая тенденция, характерная практически для всех субъектов ДФО – на Дальнем Востоке численность населения продолжает снижаться. Исключениями являются Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия. И если Якутия на протяжении рассматриваемого десятилетнего периода демонстрирует устойчивую положительную динамику, то в Бурятии рост численности населения нестабилен. Например, увеличение данного показателя отмечается в 2012–2017 гг., далее в 2018 г. зафиксировано его снижение, затем в 2019–2020 гг. – снова рост, а в 2021 г. – опять снижение. Но если характеризовать динамику

Табл. 1. Изменение общей численности населения в субъектах ДФО за период 2012–2021 гг., оценка на конец года; тыс. чел.
Table 1. Change in the total population in the FEFD subjects for the period 2012–2021., end of year estimate; thousand pers.

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ДФО	8318,5	8290,9	8277,0	8260,3	8245,8	8222,6	8188,6	8169,2	8124,0	8091,2
Республика Бурятия (РБ)	971,8	973,9	978,5	982,3	984,1	984,5	983,3	985,9	985,4	982,6
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	955,6	954,8	956,9	959,7	962,8	964,4	967,0	972,0	982,0	992,1
Забайкальский край	1095,2	1090,4	1087,5	1087,5	1079,0	1072,8	1065,8	1059,7	1053,5	1043,4
Камчатский край	320,6	319,9	317,2	316,1	314,7	315,5	314,7	313,0	311,7	312,7
Приморский край	1947,2	1938,5	1933,3	1929,0	1923,1	1913,0	1902,7	1895,9	1877,8	1863,0
Хабаровский край	1342,1	1339,9	1338,3	1334,5	1333,3	1328,3	1321,5	1315,7	1301,1	1298,9
Амурская область	816,9	811,3	809,9	805,7	801,8	798,4	793,2	790,0	781,9	772,5
Магаданская область	152,3	150,3	148,1	146,4	145,6	144,1	141,2	140,1	139,0	137,7
Сахалинская область	493,3	491,0	488,4	487,3	487,4	490,2	489,6	488,3	485,6	484,1
Еврейская автономная область (ЕАО)	172,7	170,4	168,4	166,1	164,2	162,0	159,9	158,3	156,5	153,3
Чукотский автономный округ (ЧАО)	50,8	50,5	50,5	50,2	49,8	49,4	49,7	50,3	49,5	50,0

Источник: составлено авторами на основе: [6].

Source: compiled by the authors based on: [6].

Табл. 2. Естественное движение населения по субъектам ДФО в 2022 году, чел.
Table 2. Vital population movement in the FEFD subjects in the 2022, pers.

	Родилось	Умерло	Естественный прирост, убыль (-)
ДФО	80 530	106 109	-25 579
Республика Бурятия (РБ)	10 985	11 979	-994
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	11 824	8 319	3 505
Забайкальский край	11 135	13 801	-2 666
Камчатский край	2 992	3 845	-853
Приморский край	16 150	27 690	-11 540
Хабаровский край	12 404	18 209	-5 805
Амурская область	6 967	11 346	-4 379
Магаданская область	1 174	1 709	-535
Сахалинская область	4 972	6 444	-1 472
Еврейская автономная область (ЕАО)	1 430	2 272	-842
Чукотский автономный округ (ЧАО)	497	495	2

Источник: составлено авторами на основе: [14].

Source: compiled by the authors based on: [14].

численности населения РБ в целом за последние десять лет, то имеет место общий положительный прирост.

Динамика численности населения зависит от показателей естественного и миграционного прироста. Согласно оперативным данным за 2022 г., в целом по Дальневосточному федеральному округу зафиксирован отрицательный естественный (-25 579 чел.) и миграционный (-37 927 чел.) прирост населения. Детально указанные показатели по каждому субъекту ДФО можно представить следующим образом (табл. 2 и 3).

Как показывают представленные данные, в 2022 г. положительный естественный прирост сохраняется только в Якутии (+3505 чел.) и Чукотском автономном округе (но здесь естественный прирост составляет статистически незначительную величину, +2 чел.). В остальных дальневосточных регионах число умерших существенно превышает число родившихся.

Если же говорить о миграции населения на Дальнем Востоке, то основная тенденция налицо – миграционный обмен с другими российскими регионами характеризуется отрицательными значениями, другими словами, из субъектов ДФО в другие субъекты РФ выехало людей больше, чем приехало. А вот что касается миграционного обмена с зарубежными странами, то здесь произошли изменения.

Ранее миграционный обмен с зарубежными странами, по большей части с государствами СНГ, был положительным. В качестве подтверждения данного тезиса приведём статистические данные за 2021 г., показывающие сальдо миграции, т. е. разницу между прибывшими и выбывшими за пределы субъектов ДФО иностранными мигрантами (табл. 4).

Как видим, практически во всех субъектах Дальневосточного федерального округа, согласно данным за 2021 г., было зафиксировано положительное сальдо миграции (прибыло больше, чем выбыло) как с зарубежными странами в целом, так и с государствами СНГ в частности. Исключение составляет ЕАО, где был отмечен отрицательный миграционный обмен, и Забайкалье, где данный показатель нулевой. Среди дальневосточных регионов лидерами по приёму иностранных мигрантов из стран СНГ являются Якутия, Хабаровский край, Сахалинская область, Приморье и Камчатка.

Но в 2022 г. ситуация кардинально поменялась, миграционный обмен практически всех субъектов ДФО с зарубежными странами характеризуется

Табл. 3. Миграция населения по субъектам ДФО в 2022 году, чел.
Table 3. Population migration in the FEFD subjects in the 2022, pers.

	Миграция в пределах России			Миграционный обмен с зарубежными странами		
	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост, убыль (-)	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост, убыль (-)
ДФО	250 624	275 056	-24 432	52 745	66 240	-13 495
Республика Бурятия (РБ)	37 348	39 345	-1 997	2 119	2 423	-304
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	37 745	40 773	-3 028	16 203	17 141	-938
Забайкальский край	22 613	27 924	-5 311	664	831	-167
Камчатский край	9 623	10 106	-483	3 297	5 807	-2 510
Приморский край	56 642	61 205	-4 563	7 841	13 836	-5 995
Хабаровский край	37 778	40 911	-3 133	13 042	12 951	91
Амурская область	23 036	25 175	-2 139	1 551	2 482	-931
Магаданская область	5 403	6 825	-1 422	1 229	1 469	-240
Сахалинская область	11 995	13 840	-1 845	6 077	8 272	-2 195
Еврейская автономная область (ЕАО)	3 620	4 825	-1 205	30	112	-82
Чукотский автономный округ (ЧАО)	4 821	4 702	119	692	916	-224

Источник: составлено авторами на основе: [14].

Source: compiled by the authors based on: [14].

отрицательными величинами (выбыло больше, чем прибыло) [см. подробнее: 14]. Исключение составляет только Хабаровский край, где за рассматриваемый период зафиксировано положительное сальдо миграции именно в отношении миграционного обмена с зарубежными странами. Полагаем, что такое резкое изменение показателей миграционной мобильности произошло в связи с последними политическими событиями – специальная военная операция (СВО) на Украине, объявление частичной мобилизации в сентябре 2022 г. Помимо этого, следует отметить изменения экономического характера, рынок труда стал для иностранных мигрантов менее привлекательным за счёт изменения курса доллара и роста цен.

В то же время оперативные данные за первый квартал 2023 г. говорят о произошедших позитивных изменениях – в большинстве дальневосточных регионов имеет место положительный миграционный обмен с зарубежными странами за исключением Забайкальского и Приморского краёв, Чукотского автономного округа, что представлено в *таблице 5*.

Иностранная миграция на российском Дальнем Востоке в некоторой степени компенсирует демографические потери, связанные с естественной убылью населения. Кроме того, поскольку имеет место отток коренных дальневосточников в другие регионы России, и в основном Дальний Восток покидают молодёжь и другие наиболее активные категории населения трудоспособного возраста, что неоднократно отмечалось российскими авторами [см. подробнее: 10; 11; 13], фиксировалось результатами наших исследований [см. подробнее: 1; 3], то и в данном отношении приток иностранных мигрантов выполняет компенсаторную функцию.

Табл. 4. Миграционный обмен с зарубежными странами: общие итоги по субъектам ДФО за 2021 год, чел.

Table 4. Migration exchange with foreign countries: general results for the FEFD subjects of the Far Eastern Federal District in the 2021, pers.

	С зарубежными странами – всего	Со странами СНГ	С другими зарубежными странами
ДФО	34 681	31 216	3 465
Республика Бурятия (РБ)	1 248	1 011	237
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	11 813	11 464	349
Забайкальский край	168	168	-
Камчатский край	2 917	2 780	132
Приморский край	3 389	3 280	609
Хабаровский край	8 739	7 151	1 588
Амурская область	756	802	-46
Магаданская область	610	616	-6
Сахалинская область	3 993	3 461	532
Еврейская автономная область (ЕАО)	-16	-	-16
Чукотский автономный округ (ЧАО)	569	483	86

Источник: составлено авторами на основе: [26].

Source: compiled by the authors based on: [26].

Статистика Министерства внутренних дел РФ показывает, что большинство мигрантов из стран СНГ, прибывая в субъекты Дальневосточного федерального округа, в качестве основной цели указывают ведение трудовой деятельности, в связи с работой [см. подробнее: 16]. Другими словами, именно "трудовой" мотив выступает в качестве ведущего при принятии решения о миграции.

Далее остановимся на том, каковы перспективы "закрепления" иностранных мигрантов в регионах Дальнего Востока. В данном ключе особое значение имеет концепт "миграционная мобильность". Так, по мнению А.В. Переведенцевой, собственно миграционная мобильность практически не зависит от места первоначального проживания и является выражением общей жизненной активности индивида. На основе проведенного исследования разработана соответствующая типология мигрантов (супермобильные, среднемобильные, маломобильные мигранты, а также "возвращенцы" [см. подробнее: 18].

Среди современных научных инициатив следует отметить и трехлетнее сравнительное исследование жизни трудовых мигрантов и их семей (проведенное в России и на родине информантов), при участии В. М. Пешковой [см. подробнее: 19]. Были выявлены особенности формирования и реализации жизненных планов трудовых мигрантов. В частности, на основе нарративных интервью представлены первоначальные планы и ожидания информантов, связанные с миграцией. Сами интервьюируемые преимущественно интерпретировали факт трудовой миграции в их жизни как часть плана домохозяйства по повышению своего благосостояния. Основными планами трудовых мигрантов являлись: краткосрочные (оформление миграционных документов, поиск работы и жилья); среднесрочные (приобретение крупных покупок, поездки на родину); долгосрочные (свадьба, дети, приобретение или строительство жилья).

Табл. 5. Миграционный обмен субъектов ДФО с зарубежными странами за 1 квартал 2023 года, чел.
Table 5. Migration exchange between FEED subjects and foreign countries in the 1st quarter 2023, pers.

	Миграционный обмен субъектов ДФО с зарубежными странами – всего		
	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост, убыль (-)
ДФО	13 713	10 750	2 963
Республика Бурятия (РБ)	452	466	-14
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	3 792	2 826	966
Забайкальский край	140	140	0
Камчатский край	769	665	104
Приморский край	1 569	2 166	-597
Хабаровский край	3 450	2 305	1 145
Амурская область	1 202	350	852
Магаданская область	302	214	88
Сахалинская область	1 949	1 505	444
Еврейская автономная область (ЕАО)	10	9	1
Чукотский автономный округ (ЧАО)	78	104	-26

Источник: составлено авторами на основе: [15].

Source: compiled by the authors based on: [15].

С учётом представленных исследований К. Н. Сердюковым были сформулированы основные модели, репрезентирующие основные поведенческие миграционные стратегии иностранных граждан, прибывающих в субъекты ДФО, и дана их количественная оценка¹:

- модель "рабочего года" – иностранные трудовые мигранты большую часть года проводят в регионах ДФО, уезжая домой на 1-3 месяца в отпуск (36,5%);
- "специфицированная" модель – иностранные трудовые мигранты приезжают на определённую работу, уезжая домой по её окончании (24,7%);
- "сезонная" модель – иностранные трудовые мигранты приезжают в наиболее благоприятное для заработка время года, на сезон (до 6 месяцев) (18,8%);
- "краткосрочная" модель – иностранные трудовые мигранты приезжают лишь на короткий срок (до 3 месяцев) (10,6%);
- "нециркулярная" модель – иностранные трудовые мигранты практически безвыездно находится на территории ДФО (9,4%) [см. подробнее: 22].

Как видим, всего лишь около 10% иностранных трудовых мигрантов продолжительное время находятся на территории субъектов Дальневосточ-

¹ Исследование проведено на территории Приморского края в 2019 г. с использованием метода анкетирования (n=255). Респондентами выступили трудовые мигранты из стран СНГ. Выборочная совокупность целевая (неслучайная). Построение выборки осуществлялось по методу доступных случаев, отбор респондентов производился в "местах скопления". Отметим, что для обозначения размера случайных колебаний неслучайных выборок нет общепринятого названия. Для него можно использовать понятия "ошибка оценивания", "ошибка отбора", а можно пользоваться привычным термином "статистическая погрешность", который используется при построении случайных выборок. В данном случае при уровне надежности 85% и статистической погрешности 5% минимально необходимый размер выборочной совокупности должен составлять не менее 208 респондентов (n=208). Соответственно, имеющийся массив удовлетворяет требованиям репрезентативности.

Табл. 6. Субъекты ДФО – лидеры по количеству прибывших мигрантов из стран СНГ, чел. (2021 г.)
Table 6. FEFD subjects – leaders in the number of migrants arriving from CIS countries, pers. (2021)

Субъекты ДФО \ СТРАНЫ СНГ	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан	Армения
Республика Саха (Якутия)	7 924	1 815	634	3 237
Хабаровский край	2 324	3 375	1 170	1 307
Сахалинская область	3 167	538	388	476
Приморский край	2 250	761	2 629	654

Источник: составлено авторами на основе: [26].

Source: compiled by the authors based on: [26].

ного федерального округа, рассматривают для себя перспективу получения российского гражданства.

Но демографическая и экономическая ситуация в субъектах ДФО ставит на повестку дня вопрос о расширении международной трудовой миграции, в том числе и за счёт привлечения на постоянное место жительства на Дальний Восток иностранных граждан в рамках реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Официальная статистика показывает, что в 2022 г. в регионы Дальневосточного федерального округа по данной госпрограмме переселилось 4041 чел., лидерами являются Приморье (1294 чел.) и Хабаровский край (1201 чел.) [см. подробнее: 27]. Показатели весьма и весьма скромные, от общего числа прибывших на Дальний Восток иностранных мигрантов участники Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников составляют всего лишь 7,5%.

Это подтверждается и результатами наших экспедиций в различные субъекты ДФО (Приморье, Хабаровский край, Якутия, Бурятия), реализованных в 2023 г. в рамках гранта РНФ № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи"². Исследование выполнено в рамках разведывательного стратегического плана, полученные нами данные и сделанные на их основе выводы на данный момент следует оценивать как предварительные.

Большинство иностранных мигрантов, прибывающих в субъекты ДФО – это выходцы из центральноазиатских государств и Закавказья – Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Армении (табл. 6).

Представленные данные репрезентируют, что имеет место определённая дифференциация. Например, в Якутии большинство иностранных мигрантов – это граждане Киргизии. В Хабаровском крае подавляющее большинство составляют выходцы из Таджикистана, в Приморье – из Узбекистана. Как показали результаты проведённых нами экспертных интервью с представителями различных региональных властных структур, численность мигрантов из Таджикистана на Дальнем Востоке будет продолжать расти, поскольку для выходцев из этой страны допускается наличие двойного гражданства. Именно они становятся активными участниками Госпрограммы по оказанию содействия переселению соотечественников, но данный момент говорить о высоких численных показателях не приходится.

² Исследование проведено с опорой на метод неформализованного интервью. В качестве информантов выступили сами мигранты, предприниматели, обеспечивающие мигрантов рабочими местами, религиозные деятели и общественные активисты национальных диаспор, представители различных региональных властных структур. Всего было проведено тридцать два интервью (n=32). Полевые работы проводились весной 2023 года на территории следующих субъектов ДФО: Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Республика Бурятия.

Доминирующей социальной категорией среди иностранных мигрантов, находящихся на Дальнем Востоке, являются те, кто ориентирован на непродолжительное пребывание здесь, при этом чётко выражена направленность на получение высоких доходов в короткие сроки: "... *приехали вместе с братом сюда к дяде, денег быстренько заработать ... здесь заработать хорошие деньги намного проще...*" (С. муж, 18 лет, гражданин Узбекистана); "... *хочу денег поднять, потом можно домой возвращаться ... при хороших деньгах ... тебя уважают...*" (М., муж., 19 лет, гражданин Таджикистана). И если среди мигрантов распространены такие установки, то, соответственно, с их стороны и не наблюдается особого стремления интегрироваться в принимающее сообщество. Задумываться об этом они начинают, если принимается решение остаться на Дальнем Востоке на продолжительный срок и/или постоянное место жительства: "... *это сейчас, когда сюда перебираться задумал, как-то вокруг смотреть начал ... много знакомых появилось ... пока зарабатывал, даже не задумывался. А зачем? Большую часть времени ты на работе или в разъездах ... проблемы в основном через дядю решал...*" (К., муж., 27 лет, гражданин Узбекистана).

Приезжая в дальневосточные регионы на заработки, иностранные мигранты преследуют краткосрочные цели, связанные с быстрым ростом своего материального благосостояния и возвратной миграцией: "... *мы все же в первую очередь хотим тут денег поднять, желательно побольше, а потом домой вернемся. Я-то сам, скорее всего, приеду еще ... а вот брат нет, он младший, он с родителями останется...*" (Б., муж., 20 лет, гражданин Таджикистана).

Возможность достижения целей, которые ставят перед собой наши информанты, не вызывает у них сомнений. Они уверены, что смогут реализовать все свои планы. Вероятно, в этом случае проявляется высокий уровень семейной сплоченности и дружеской поддержки.

Таким образом, иностранные мигранты на Дальнем Востоке – это, скорее, источник пополнения трудовых, а не демографических ресурсов. Согласно имеющимся исследовательским и статистическим данным, иностранная миграция в регионах ДФО носит временный характер. По большей части мигранты ориентированы на заработок денежных средств и их последующее использование в своей стране. Следовательно, исследование поведенческих стратегий иностранных мигрантов на Дальнем Востоке требует дальнейшего углубления и расширения, в том числе и касательно проблем, затрудняющих их "закрепление" на постоянное место жительства в дальневосточных регионах.

Литература

1. Ардальянова А.Ю., Бадараев Д.Д., Бийжанова Э.К., Винокурова А.В., Калинина И.В., Костина Е.Ю., Купряшкин И.В., Орлова Н.А. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 69–76.
2. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Внутренняя миграция как политическая проблема, или Как и почему уезжают жители Дальнего Востока России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики. 2020. № 1 (96). С. 74–97.
3. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю. Куда и зачем едут дальневосточники (на материалах Приморского края) // Respublica Literaria. 2021. Т. 2. № 3. С. 73–84.
4. Демографические контуры регионов России / под ред. Л.П. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2009. 171 с.
5. Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В.Ф. Колбанова, Л.П. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2012. 417 с.
6. Динамика основных показателей социально-экономического положения субъектов Дальневосточного федерального округа // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/78493> (дата обращения: 14.10.2023).
7. Зубрицкий А. Статистика не дает корректного представления о масштабах оттока // Дальневосточный капитал. 2018. № 6. С. 26–30.

8. Ковалевский А.В., Бляхер Л.Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 120–127.
9. Колесниченко К.Ю. Роль военнослужащих в социально-демографических процессах на российском Дальнем Востоке в 30-е – 90-е гг. XX века // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы II всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Владивосток, 7-8 декабря 2016 года). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. С. 408–410.
10. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Стратегия развития человеческого капитала Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 184–193.
11. Миграционные процессы в дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа / под общ. ред. Н.М. Байкова. Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2013. 284 с.
12. Мотрич Е.Л. Социальное качество населения Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 1 (70). С. 11–30.
13. Мотрич Е.Л., Зубков В.В. Миграционные процессы в современном демографическом развитии Дальневосточного федерального округа: состояние и проблемы // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 149–159.
14. Основные социальные показатели Дальневосточного федерального округа за 2022 год // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: https://25.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%92%D0%A4%D0%9E%D0%D1%81%D0%BE%D1%86_2022.pdf (дата обращения: 21.10.2023).
15. Основные социальные показатели Дальневосточного федерального округа за 1 квартал 2023 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: https://25.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%92%D0%A4%D0%9E%D0%D1%81%D0%BE%D1%86_2023_I%20%D0%BA%D0%B2.pdf (дата обращения: 21.10.2023).
16. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (дата обращения: 23.10.2023).
17. Патиорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–2018 гг. // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 123–142.
18. Переведенцева А.В. Влияние миграционной мобильности на жизненный путь молодежи в конце 80-х – начале 90-х годов XX века: специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук; Институт социологии Российской академии наук. М., 2003. 28 с.
19. Пешкова В.М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48–62.
20. Постановление Правительства РФ "Об утверждении условий программы "Дальневосточная ипотека" от 07 декабря 2019 года № 1609 (ред. от 09.09.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339796/ (дата обращения: 04.10.2023).
21. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Туан Куонг, Ху Ву Куок. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2016. № 3. С. 23–32.
22. Сердюков К.Н. Показатели социологического опроса, характеризующие жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья в Приморском крае // Свидетельство о регистрации базы данных 2023620399, 30.01.2023. Заявка № 2022623123 от 21.11.2022. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1010344&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения: 21.10.2023).
23. Федеральный закон "О свободном порте Владивосток" от 13.07.2015 года № 212-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 04.10.2023).
24. Федеральный закон "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 04.10.2023).
25. Храмова М.Н. Миграционные процессы в Приморском крае: факторы и закономерности // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 59–64.
26. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (дата публикации: 29.07.2022) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 21.10.2023).

27. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (дата публикации: 22.09.2023) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения: 21.10.2023).

References

1. Ardalyanova A.Yu., Badaraev D.D., Biyzhanova E.K., Vinokurova A.V., Kalinina I.V., Kostina E.Yu., Kupryashkin I.V., Orlova N.A. Modern Far Eastern Border: Institutional Transformations and Center-Peripheral Processes // *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. No 4. P. 69–76. (In Russ.).
2. Bliakher L.E., Grigorichev K.V. Internal Migration as a Political Problem, or Why and How Residents of the Russian Far East Move Out // *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast*. 2020. No. 1 (96). P. 74–97. (In Russ.).
3. Vinokurova A.V., Ardalyanova A.Yu. Where and Why are the Far Easterners Going (Based on Materials from Primorye Territory) // *Respublica Literaria*. 2021. Vol. 2. No 3. P. 73–84. (In Russ.).
4. Demographic Contours of Russian Regions / ed. by L.L. Rybakovskii. M.: Econ-Inform, 2009. 171 p. (In Russ.).
5. Demographic Present and Future of Russia / ed. by V.F. Kolbanov, L.L. Rybakovskii. M.: Econ-Inform, 2012. 417 p. (In Russ.).
6. Dynamics of the Main Indicators of the Socio-Economic Situation of the Subjects of the Far Eastern Federal District // Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Primorye Territory. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/78493> (accessed 14.10. 2023). (In Russ.).
7. Zubritskii A. Statistics Do Not Give a Correct Idea of the Scale of Outflow // *Far Eastern Capital*. 2018. No. 6. P. 26–30. (In Russ.).
8. Kovalevskii A.V., Blyakher L.E. Far Eastern Migration: Peculiarities of the Interpretation. Example of the Khabarovsk Territory Case // *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. № 3. P. 120–127. (In Russ.).
9. Kolesnichenko K.Yu. The Role of Military Personnel in the Socio-Demographic Processes in the Russian Far East in the 30s–90s. XX century // *Problems of Modeling Social Processes: Russia and the Asia-Pacific Countries: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Vladivostok, December 7-8, 2016)*. Vladivostok: Far Eastern Federal University. P. 408–410. (In Russ.).
10. Kostina E.Yu., Orlova N.A. Strategy for the Development of Human Capital of the Russian Far East // *Power and Administration in the East of Russia*. 2022. No. 3 (100). P. 184–193. (In Russ.).
11. Migration Processes in the Far Eastern Region of Russia: Experience of the Complex Analysis / ed. by N.M. Baykov. Khabarovsk: FEIM – Branch of RANEPa, 2013. 284 p. (In Russ.).
12. Motrich E.L. Social Quality of the Population of the Far East // *Power and Administration in the East of Russia*. 2015. No. 1 (70). P. 11–30. (In Russ.).
13. Motrich E.L., Zubkov V. V. Migration Processes in Modern Demographic Development of the Far Eastern Federal District: State and Problems // *Social Policy and Sociology*. 2021. T. 20. No. 1 (138). P. 149–159. (In Russ.).
14. Main Social Indicators of the Far Eastern Federal District in the 2022 // Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Primorye Territory. URL: https://25.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%92%D0%A4%D0%9E%20_%D1%81%D0%BE%D1%86_2022.pdf (accessed 21.10. 2023). (In Russ.).
15. Main Social Indicators of the Far Eastern Federal District in the 1st Quarter 2023 // Territorial Authority of the Federal State Statistics Service in the Primorye Territory. URL: https://25.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%92%D0%A4%D0%9E%20_%D1%81%D0%BE%D1%86_2023_1%D0%BA%D0%B2.pdf (accessed 21.10. 2023). (In Russ.).
16. Basic Indicators of the Migration Situation in the Russian Federation in the January – December 2022 with Distribution by Countries and Regions // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (accessed 23.10. 2023). (In Russ.).
17. Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Population Dynamics of Priority Geo-strategic Territories of Russia in 2010–2018 // *Vestnik Instituta Sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 123–142. (In Russ.).
18. Perevedentseva A.V. The Influence of Migration Mobility on the Life Path of Young People in the late 80s – early 90s of the XX century: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": abstract of the dissertation for the scientific degree of candidate of sociology sciences; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M., 2003. 28 p.
19. Peshkova V.M. Life Plans of Central Asian Migrants in Russia: Narratives and Practices // *Etnograficheskoe obozreniye*. 2017. No 3. P. 48–62. (In Russ.).
20. Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Conditions of the Far Eastern Mortgage Program" dated 07.12.2019, No. 1609 (as amended on 09.09.2023) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339796/ (accessed 04.10. 2023). (In Russ.).

21. Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Khramova M.N., Bui Tuan Kuong, Hu Vu Quoc. Population Migration as a Key Component of the Demographic Development of the Russian Far East // Scientific Review. Series 1. Economics and Law. 2016. No. 3. P. 23–32 (In Russ.).
22. Serdyukov K.N. Indicators of a Sociological Survey Characterizing the Life Strategies of Foreign Labor Migrants from CIS countries in the Primorye Territory // Database Registration Certificate 2023620399, 30.01.2023. Application No. 2022623123 dated 21.11.2022. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1010344&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (accessed 21.10.2023). (In Russ.).
23. Federal Law "On the Free Port of Vladivostok" dated 13.07.2015, No. 212-FZ (as amended on 13.06.2023) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (accessed 04.10. 2023). (In Russ.).
24. Federal Law "On the Specifics of Providing Citizens with Land Plots that are in State or Municipal Ownership and Located on the Territories of the Constituent Entities of the Russian Federation that are Part of the Far Eastern Federal District, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 01.05. 2016, No. 119-FZ (as amended on 29.12.2022) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (accessed 04.10. 2023). (In Russ.).
25. Khramova M. N. Migration Processes in the Primorye Territory: Factors and Patterns // Regional Problems. 2015. T. 18. No. 3. P. 59–64. (In Russ.).
26. Population and Migration of the Russian Federation in 2021 (Date of Publication: 29.07.2022) // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (accessed 21.10.2023). (In Russ.).
27. Population and Migration of the Russian Federation in 2022 (Date of Publication: 22.09.2023) // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (accessed 21.10.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru
Анна Юрьевна Ардалянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardy2004@mail.ru

Information about the authors

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru
Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardy2004@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2023

Одобрена после рецензирования 17.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 01.11.2023

Approved 17.11.2023

Accepted 23.11.2023

Динамика и типы демографического развития "городских агломераций" ДФО РФ в 1990-е – 2010-е гг.

Анатолий Сергеевич Бреславский
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия, breslavsky@imbt.ru

Аннотация. Автором проанализированы итоги и типы демографического развития 14 городских агломераций (ГА) 11 регионов ДФО РФ за последние 30 лет. Показано, как на общем негативном фоне лишь в 3 из 14 ГА (причем не самых крупных – Благовещенской, Улан-Удэнской, Якутской) наблюдался общий прирост населения, в то время как в остальных 11 – убытие. Несмотря на активное жилищное строительство в пригородных зонах большинства региональных столиц Юга Дальнего Востока, которое мы наблюдаем в последние десятилетия, далеко не везде эти территории смогли восполнить демографические потери 1990-х гг.

Ключевые слова: *Дальний Восток, городские агломерации, городское население, урбанизация, субурбанизация*

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект "Патриотизм и идентичность в современных социально-политических условиях: основания, типы, ресурсы консолидации", 123091800021-3) по Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель – академик РАН В.А. Тишков).

Для цитирования: Бреславский А. С. Динамика и типы демографического развития "городских агломераций" ДФО РФ в 1990-е – 2010-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 23–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>

Population Dynamics of "Urban Agglomerations" of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation and its Types in the 1990s – 2010s

Anatoliy S. Breslavsky
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
Ulan-Ude, Russia, breslavsky@imbt.ru

Abstract. The author analyzes and divides into four types the results of demographic development of 14 urban agglomerations in 11 regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation over the past 30 years. It is shown that, against a general negative background, there was total population growth just in 3 out of 14 agglomerations (and not the largest ones – Blagoveshchensk, Ulan-Ude and Yakutsk agglomerations), while in the other 11 population decreased. Despite the intensive housing construction in the suburban areas of most regional capitals in the south of the Far East in recent decades, not all these territories were able to repopulate after the demographic crisis of the 1990s.

Key words: *Far East, urban agglomerations, urban population, urbanization, suburbanization*

The research was carried out within the state assignment (project "Patriotism and identity in modern socio-political conditions: grounds, types, resources of consolidation", No 123091800021-3) of the Program of Scientific Research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity, 2023-2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

For citation: Breslavsky A. S. Population Dynamics of "Urban Agglomerations" of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation and its Types in the 1990s – 2010s // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 23–35. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/23-35>

Введение

Данная статья – часть более широкой исследовательской программы автора, нацеленной на изучение истории трансформации городского, пригородного и агломерационного расселения в регионах Дальневосточного федерального округа РФ (далее – ДФО) в постсоветский период. В работе, связанной с анализом статистических демографических данных, мы опирались на базовые принципы и методы исторического исследования, в т.ч. статистический метод. Проведенный нами ранее анализ структур и численности населения городских населенных пунктов (городов и пгт) во всех 11 субъектах ДФО за 1989–2020 гг.¹ указал на общий кризис урбанизационного процесса в регионе.

¹ В 2018–2023 гг. нами были опубликованы отдельные статьи по всем 11 регионам ДФО (см. РИНЦ).

Содержательно он проявился в утрате городами и пгт региона части (а где-то и всех) градообразующих предприятий, перспектив экономического роста; в реорганизации значительной части пгт в сельские населенные пункты; в существенном сокращении численности городского населения и т. д. Одним из выражений этого кризиса в регионах стала и усиливающаяся концентрация населения в 10 из 11 региональных центров на фоне демографического угасания или застоя в большинстве остальных городских населенных пунктов.

При этом за последние три межпереписных периода общий прирост населения фиксировался только в 5 из 11 региональных центров ДФО: Якутске (на феноменальные 90,5%), Улан-Удэ (24,1%), Благовещенске (17,5%), Южно-Сахалинске (14%) и Хабаровске (2,8%). Единственным региональным центром, доля населения которого в общей численности соответствующего региона не увеличилась за последние три десятилетия, был Петропавловск-Камчатский (табл. 1). При этом никакой предельно высокой концентрации населения в региональных центрах ДФО за 30 лет не произошло. Только в Магадане и Петропавловске-Камчатском на момент ВПН–2020 г. проживало более 50% населения соответствующего региона, в то время как в остальных – меньше (табл. 1).

Такой подход к оценке концентрации населения в региональных центрах, однако, не учитывает демографических изменений, произошедших в их пригородных зонах. А мы знаем, что как минимум с середины 1990-х гг. на периферии значительного числа крупных городов на постсоветском пространстве наблюдался прирост частной застройки и числа жителей, который нередко опережал рост самих городов в этот период или происходил вопреки депопуляции центральных городских районов [26; 27]. Этот пригородный рост был следствием как продолжающейся урбанизации, так и постепенно набиравшей обороты субурбанизации – движения населения, капитала, экономики из центральных городских районов в пригородные. Как отметил недавно Н. В. Мкртчян со своим коллегой, "ближние пригороды крупных городов в 2010-е годы – это самые динамично растущие за счет внутренней миграции территории России" [12, с. 58]. Особенно подчеркнем: не сами крупные города, а их ближние пригороды названы наиболее динамично растущими территориями России.

Так ли это в случае с дальневосточными городами? Как изменилось в 1990–2010-е гг. население их пригородных зон и шире – формирующихся вокруг них городских агломераций (ГА)? Росло ли их население вместе с ростом города-ядра или вопреки его упадку? Ответить на эти вопросы непросто, поскольку такие категории, как "пригород", "пригородная зона", "агломерация" отсутствуют в официальной российской статистике, и нельзя лишь перейти к расчетам уже "готовых" данных. Пригородные зоны и агломерации нужно конструировать, осознавая, что они подвижны: их границы меняются, когда связи между теми или иными территориями усиливаются или, наоборот, ослабевают. Чтобы ответить на поставленные выше вопросы, необходимы, прежде всего, полевые исследования в каждом из регионов, способные очертить границы пригородной зоны / агломерации, формирующейся вокруг конкретного города. В том или ином случае они могут совпадать или не совпадать с границами городских округов (ГО) или, например, муниципальных районов (МР), окружающих города. Есть и более реалистичная альтернатива, когда для оценки пригородного роста, потенциала субурбанизации проводится анализ пристольных территорий в целом [13]. Такой подход при всех его "уязвимостях" дает нам хотя бы общие представления об интересующих нас явлениях и процессах, которые могут быть уточнены в ходе дальнейших полевых исследований. Хороший пример – исследование К. В. Григоричева по Сибири и Дальнему Востоку [8]. Сам я также опирался на этот подход в случаях, когда границы тех или иных ГА ДФО были не до конца определены соответствующими региональными властями.

Критика городских агломераций ДФО

В отношении конструирования "городских агломераций" современный ДФО, пожалуй, выделяется среди прочих макрорегионов страны. К 2020 г. на территории округа, судя по официальным региональным нормативно-правовым документам, было законодательно заявлено о как минимум 13 (формирующихся) ГА: Авачинской (Петропавловск-Елизовской), Биробиджанской, Бла-

Табл. 1. Доля населения региональных центров ДФО в общей численности населения соответствующих регионов (1989–2020 гг.), %
Table 1. Population share of regional centers of the Far Eastern Federal District in the total population of the corresponding regions (1989–2020), %

№	Город	1989	2002	2010	2020	Изменение, пунктов
1	Анадырь	10,8	20,2	25,5	27,8	17
2	Биробиджан	38,8	40,3	42,6	46,5	7,7
3	Благовещенск	19,3	24,1	25,7	31,4	12,1
4	Владивосток	28,0	28,6	30,2	32,6	4,6
5	Магадан	39,2	53,6	60,8	66,6	27,4
6	Петропавловск-Камчатский	57,6	55	55,7	56,5	-1,1
7	Улан-Удэ	33,8	36,5	41,6	44,7	10,9
8	Хабаровск	37,3	40,4	42,8	47,7	10,4
9	Чита	26,5	27,3	29,2	33,3	6,8
10	Южно-Сахалинск	22,4	31,8	36,4	38,8	16,4
11	Якутск	17,2	22,1	28,1	35,6	18,4

Источник: составлено автором на основе: [5; 6; 7; 10].

Source: compiled by the authors based on: [5; 6; 7; 10].

говещенской, Владивостокской, Магаданской, Находкинской, Свободненской, Улан-Удэнской, Хабаровской, Читинской, Южно-Сахалинской, Якутской, а также о Комсомольской (в документах ее называют ГА "Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный"). В 2021–2023 г. зашла речь и об Анадырской ГА: вначале план ее развития представил Губернатор Чукотского автономного округа [21], а в 2023 г. мы услышали о ней и из уст Президента РФ [25].

Перечень этих ГА, очевидно, вызвал у ученых–специалистов вопросы, поскольку подавляющая их часть не соответствует традиционным критериям, выработанным еще в СССР [2, с. 189–190], а также в общем и новом подходе к делимитации ГА [21]. Речь идет о таких классических критериях, как численность населения "ядра" ГА и его "спутниковой зоны", количество городских населенных пунктов в границах ГА, доля городского населения и т.п. Так, по одной и наиболее авторитетных методик, созданной в Институте географии РАН, численность населения ядра агломерации должна быть не менее 250 тыс. чел., а общее число городских населенных пунктов в пределах агломерации должно быть равно или превышать пять [1, с. 189]. К 2020 г. первому критерию соответствовали лишь Владивостокская, Хабаровская, Улан-Удэнская, Читинская и Якутская ГА, в то время как второму – формально только одна из них – Хабаровская (табл. 2). Не зря один из наиболее авторитетных российских географов-урбанистов Г.М. Лаппо с коллегами в 2007 г. отметил на территории нынешнего ДФО помимо Владивостокской лишь 4 потенциальные ГА, не достигшие к тому времени необходимой зрелости: Хабаровскую, Читинскую, Комсомольскую и Улан-Удэнскую [11, с. 50]. Более того, как мы видим в табл. 2, в большинстве ГА ДФО произошло сокращение числа городских населенных пунктов. Это было связано, как показывают наши исследования, главным образом с преобразованием пгт в сельские населенные пункты, ликвидацией пгт в результате включения их территории в состав ближайших городов, а также в связи с утратой пгт своего статуса в ходе их включения в состав городских округов. Обозначенные изменения произошли в регионах ДФО в основном уже к началу 2005 г. Иными словами, традиционные научные критерии не позволяют нам говорить об истинности

Табл. 2. Число городских населенных пунктов в границах ГА ДФО, 1989–2020
 Table 2. Number of urban settlements in agglomerations of the Far Eastern Federal District, 1989–2020

№	Наименование ГА	Количество городских населенных пунктов	
		01.01.1990	01.01.2021
1	Анадырская	3	2
2	Биробиджанская	1	1
3	Благовещенская	3	1
4	Владивостокская	14	4
5	Комсомольская	10	4
6	Магаданская	11	7
7	Находкинская	6	2
8	Петропавловск-Елизовская	5	4
9	Свободненская	3	3
10	Улан-Удэнская	10	3
11	Хабаровская	6	5
12	Читинская	4	3
13	Южно-Сахалинская	19	6
14	Якутская	7	3

Источник: составлено автором на основе исследования административно-территориальных преобразований в границах ГА ДФО РФ 1989–2020 гг.

Source: compiled by the author based on a study of administrative-territorial transformations within the boundaries of the CA of the Far Eastern Federal District, 1989–2020.

подавляющей части "городских агломераций" региона. Именно поэтому в названии статьи мы взяли ГА в кавычки.

Анализ состава 14 административно выделенных ГА ДФО показывает, что большая их часть включила в себя помимо центральных городов – городских округов (ГО) пригородные муниципальные районы (МР) / городские округа целиком – без учета реальных связей между отдельными населенными пунктами, входящими в их состав, и городами-центрами этих ГА. В целом к такому подходу возникает множество оправданных замечаний.

Оставляя за пределами данной статьи окончательный ответ об "истинности" ГА, выделенных региональными властями ДФО, и причинах этих действий, поднятый нами ранее [4], предлагаем обратить внимание на территориально-административные границы изучаемых ГА, их состав, а также на то, как изменялась численность их населения в 1990–2010-е гг. Это позволит нам главным образом уточнить реальные масштабы концентрации населения в "столичных районах" ДФО в этот период, определить общую направленность их демографического развития. В расчетах мы опирались на данные общегосударственных переписей 1989, 2002, 2010 и 2020 гг. [5; 6; 7; 10]. При этом нами были ретроспективно учтены все административные преобразования в границах изучаемых ГА с января 1989 г. по декабрь 2020 г., включая реорганизации, упразднения отдельных населенных пунктов. Последовательность ГА выстроена нами исходя из численности их населения на момент переписи 2020 г. (по убыванию).

Динамика населения ГА ДФО в 1989–2020 гг.

Владивостокская агломерация в пример остальным ГА ДФО хорошо осмыслена, в том числе благодаря работам сотрудников ТИГ ДВО РАН и ИИАЭ ДВО РАН (см., например: [3]). В общих расчетах в состав Владивостокской ГА нами были включены населенные пункты, входящие на момент переписи 2020 г. в состав Владивостокского, Артемовского ГО, Надеждинского и Шкотовского МР (без учета г. Большой Камень с подчиненными его администрации населенными пунктами). В таком составе агломерация обозначена в действующем соглашении о ее создании и Стратегии СЭР Приморского края до 2030 г. [17]. В иных – более широких границах она была представлена в части академических исследований [1].

Анализ статистических данных показывает, что с 1989 по 2020 гг. население Владивостокской ГА уменьшилось на 47,3 тыс. чел. (5,5%). В абсолютных и относительных показателях основные потери населения произошли в 1990-е гг. (64 тыс. чел.). В 2002–2010 гг. общее население ГА уменьшилось лишь на 5,1 тыс. чел., а в 2010–2020 гг. выросло на 21,8 тыс. чел. При этом надо помнить, что население ядра агломерации – г. Владивосток – уменьшилось за три десятилетия на 30,3 тыс. чел. (4,7%). Эти потери не полностью, но были компенсированы ростом численности населения города в 2010-е гг. В то же время остальные населенные пункты Владивостокского ГО в совокупности с 1989 г. показали 19% прирост населения (5 тыс. чел.), главным образом за счет поселков Русский и Трудовое. С 1989 г. выросло и население Артемовского ГО (5,3%, 6 тыс. чел.). Надеждинский муниципальный район, несмотря на близость к ядру агломерации, в изучаемый период потерял 8,5% населения (3,6 тыс.). При этом в 2010-е гг. численность его жителей уже практически не менялась. Наибольшие демографические потери в составе современной Владивостокской ГА в 1989–2020 гг. были зафиксированы в наиболее отдаленном от ее "ядра" Шкотовском МР. За этот период он потерял более половины своих жителей (53,4%, 24 тыс. чел.). И это без учета г. Большой Камень, пережившего серьезный экономический кризис в связи с реорганизациями градообразующего предприятия ВПК.

В состав Хабаровской ГА официально были включены г. Хабаровск как единственный населенный пункт одноименного ГО, а также два пристольных МР: Хабаровский МР и МР им. Лазо Хабаровского края [19]. Административный характер формирования границ агломерации проявился в игнорировании пристольных муниципальных образований, расположенных западнее Хабаровска – на территории Сидовичского МР Еврейской автономной области. В обозначенном составе (без учета поселений ЕАО) численность населения Хабаровской ГА с 1989 по 2020 г. уменьшилась на 12,3 тыс. чел. – 1,6%. Потери могли быть большими, если бы не демографический рост Хабаровска в 2010-е гг. (на 40 тыс. чел., 7%). Показав в 2002, 2010 гг. откат от достигнутых ранее показателей в численности населения, к 2020 г. город не только восполнил все ранние потери относительно 1989 г., но и вновь приблизился к историческому максимуму в численности своих жителей, став крупнейшим городом ДФО. Ближайший к нему пристольный Хабаровский МР продемонстрировал противоречивые тенденции демографического развития. С одной стороны, с 1989 до 2002 г. численность его населения с коррективами успела вырасти с 85 до 90 тыс. чел., с другой – последующие переписи последовательно фиксировали лишь уменьшение числа его жителей (до 82 тыс. чел.). Как итог: с 1989 по 2020 г. общие потери населения района составили 3 тыс. чел. (3,6 %). Более отдаленный от региональной столицы МР им. Лазо потерял в этот период многократно больше – 40% населения (25,9 тыс. чел.), что свидетельствовало о куда меньшей вовлеченности этой территории в субурбанизационные и агломерационные процессы внутри Хабаровской ГА.

После включения Республики Бурятия и Забайкальского края в состав ДФО в 2018 г. третьей по численности населения в регионе стала Улан-Удэнская ГА. По замыслу региональной власти она включила в себя помимо собственно городского округа "г. Улан-Удэ" четыре окружающих его МР республики: Заиграевский, Иволгинский, Прибайкальский и Тарбагатайский [24]. С 1989 по 2020 гг. население ГА непрерывно росло от переписи к переписи, в основном за счет г. Улан-Удэ и Иволгинского района, основная часть поселений которого находится на незначительном расстоянии от столицы Бурятии.

Население ГО "г. Улан-Удэ" в обозначенный период выросло с 367,9 до 437,5 тыс. чел., а число жителей Иволгинского МР – в 2,6 раза – 162% (с 24,7 до 64,8 тыс. чел.), что стало рекордным "относительным" показателем на всей территории ДФО. Ни один другой МР или ГО в 11 регионах не показал большего относительного прироста. Показательно, что отдельные населенные пункты этого района за три постсоветских десятилетия выросли в 6–20 с лишним раз. Например, улус. Нур-Селение (в 24 раза – со 135 до 3256 чел.). Значимый прирост населения по итогам 30 лет показал и Тарбагатайский МР (7 тыс. чел., 38,5%), особенно ближайшее к Улан-Удэ "Саянтуйское" сельское поселение, число жителей которого с 1989 по 2020 гг. выросло с 2,2 до 12,2 тыс. чел., т.е. более чем в 5 раз. В оставшихся двух пристольных районах – Заиграевском и Прибайкальском – ситуация была иной. Из-за транспортной удаленности их основных населенных пунктов от Улан-Удэ в 1990–2010-е гг. они не смогли сохранить прежние показатели численности населения. Число жителей Заиграевского МР уменьшилось с 56,5 до 50 тыс. чел. (10,2%), а Прибайкальского, отделенного от Улан-Удэ с двух сторон перевалами ("Пыхта" и "Мандрик"), – с 31,1 до 24,2 тыс. чел. (22,3%). И вновь мы видим, более отдаленные районы ГА заметно проигрывают в показателях ближайшим.

Читинская ГА в видении региональной власти включила в себя г. Чита (единственный населенный пункт в составе одноименного ГО) и окружающий его Читинский МР [23]. В обозначенных границах население Читинской ГА в 1989–2020 гг. уменьшилось с 428 до 405 тыс. чел. (5,3%). В Чите после заметного снижения численности жителей в 1989–2002 гг. (на 49 тыс. чел., 13,4%) в последующие межпереписные периоды (2002–2010, 2010–2020) наблюдался небольшой прирост населения, который лишь частично компенсировал потери 1990-х гг. В целом с 1989 по 2020 гг. население города уменьшилось на 32 тыс. чел. (8,7%). Число жителей пристольного Читинского МР по итогам 1989–2010 гг. оставалось практически неизменным, а в 2010-е гг. заметно возросло. Как следствие с 1989 по 2020 гг. общий прирост населения района составил чуть менее 15% (9 тыс. чел.), что заметно выделяло его среди остальных муниципалитетов края, стабильно терявших население.

В состав формирующейся Якутской ГА правительством республики были включены населенные пункты, входящие в состав ГО "г. Якутск", ГО "Жатай", расположенные на левом берегу р. Лена, и пгт Нижний Бестях Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия), расположенный на противоположном берегу [9]. В этом составе население Якутской ГА с 1989 по 2020 гг. выросло с 221 до 389 тыс. чел. – на рекордные для ДФО 75,7% (167 тыс. чел.). В основе этого роста, как и в Улан-Удэ, была бурная сельско-городская миграция в региональный центр, который в этот период вырос на 90,5%: со 186 до 355 тыс. чел., и стабильный естественный прирост населения в регионе. Одновременно п. Жатай, сохранивший свою административную независимость от администрации Якутска, также продемонстрировал сильный демографический рост (на 40% – с 8,1 до 11,4 тыс. чел.). Расположенный на противоположном берегу р. Лена (все еще без постоянного сообщения с Якутском) пгт Нижний Бестях вырос лишь на 1,1 тыс. чел., однако в относительных показателях к 1989 г. это составило значимые 27,5%. Возможное строительство моста через р. Лена, очевидно, способно расширить территориальный потенциал Якутской ГА, которая пока концентрируется на левом берегу.

ГА "Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный" включила в себя помимо ГО "г. Комсомольск-на-Амуре" (второй по величине город Хабаровского края, единственный населенный пункт в составе округа) окружающие его Амурский (включая г. Амурск), Комсомольский и Солнечный МР Хабаровского края [19]. С 1989 по 2020 гг. оба города и все три района теряли население от переписи к переписи. ГА в целом потеряла в этот период 138,5 тыс. чел. или почти треть населения (28,4%). В абсолютных показателях наибольшие потери были зафиксированы в Комсомольске-на-Амуре (76,8 тыс. чел., 24%), а в окружающих его МР и расположенном рядом г. Амурск вместе взятых этот показатель составил сопоставимые 61,7 тыс. чел. По сравнению с концом 1980-х гг. Амурский и Солнечный районы потеряли существенные 40–41% населения, г. Амурск – 34%, Комсомольский район (территории которого в наибольшей мере примыкают к Комсомольску-на-Амуре) – 29%.

Южно-Сахалинская ГА, как заявлено в стратегии развития региона [18], включила в себя населенные пункты ГО "г. Южно-Сахалинск" и пристольных ГО ("Анивский", "Долинский", "Корсаковский", "Невельский", "Холмский"), которые до начала 2005 г. были МР области. С 1989 по 2020 гг. население ГА уменьшилось с 410 до 321 тыс. чел., т.е. на 89 тыс. чел. (21,5%). При этом ее центр – ГО "г. Южно-Сахалинск" демографически рос за счет внутренних мигрантов. С 1989 по 2002 гг. численность населения самого Южно-Сахалинска, выросла на 15,7 тыс. чел., в 2002–2010 гг. – еще на 6,6 тыс. чел., росла она, по оценке статистических служб, и в 2010-е гг., но на момент переписи 2020 г. не превысила значение 2010 г. В окружающих столицу области МР / ГО складывалась обратная ситуация. За три десятилетия более 26% населения потерял – Корсаковский ГО, 41–42% – Анивский и Долинский, а более отдаленные Холмский и Невельский – 53 и 60% своего населения соответственно.

Состав Благовещенской ГА был обозначен в региональной стратегии СЭР неопределенно, включив в себя лишь "часть" ближайших к столице поселений Благовещенского и Ивановского МР, причем окончательный перечень этих поселений не был определен [14]. Для решения задач нашего исследования мы рассмотрели Благовещенскую ГА в составе Благовещенского ГО и двух пристольных МР (Благовещенского и Ивановского), что в целом соответствует большинству региональных стратегий делимитации стольных ГА и подходу к исследованию пристольных территорий, о котором шла речь во введении [8; 13]. С 1989 по 2020 гг. население Благовещенской ГА увеличилось с 259 до 302 тыс. чел. (на 16,5%) благодаря демографическому росту ГО "г. Благовещенск" (на 18%, 38 тыс. чел.) и окружающих его населенных пунктов Благовещенского МР. Население этого МР за три десятилетия в целом выросло на 87,5% (15,9 тыс. чел.), что по "относительным" параметрам обещало ему второе "место" среди всех пристольных МР ДФО (после Иволгинского МР в Бурятии). При этом чуть более отдаленный от Благовещенска Ивановский МР в этот период потерял 34% своего населения (11,1 тыс. чел.), что подтвердило обозначенную выше закономерность.

В состав Авачинской (Петропавловск-Елизовской) ГА были включены помимо Петропавловска-Камчатского г. Вилучинск (ЗАТО), г. Елизово и формирующий основную часть пригородной зоны столицы Камчатского края Елизовский МР, включая пгт Вулканный [15]. В открытых данных переписи 1989 г. не были учтены г. Вилучинск и пгт. Вулканный Елизовского МР, т.к. информация по ним была закрыта и не публиковалась. Поэтому в расчетах по ГА в целом мы отталкиваемся от 2002 г. Общее население агломерации с 2002 по 2020 гг. уменьшилось на 15% (43 тыс. чел.). С учетом кризисных 1990-х гг. даже без Вилучинска и Вулканного потери были куда выше (126,3 тыс. чел.). Так, число жителей г. Петропавловска-Камчатского с 1989 по 2002 гг. сократилось на 82,7 тыс. чел., г. Елизово – на 5,4 тыс. чел., Елизовского МР (без учета г. Елизово, пгт Вулканный) – на 4,6 тыс. чел.

В состав Находкинской ГА, часто включаемой во Владивостокскую конурбацию – полицентрическую агломерацию Юга Приморья, региональные власти включили Находкинский, Партизанский городские округа и Партизанский МР между ними [17]. С 1989 по 2020 гг. население ГА уменьшилось с 277 до 211 тыс. чел. (на 66 тыс. чел., 24%), в том числе Находкинского ГО – на 45,8 тыс. чел. (24,5 %), Партизанского ГО – на 21 тыс. чел. (34%). При этом динамика населения Партизанского МР в этот период в итоге оказалась умеренно положительной (1%), что вызывает отдельный исследовательский интерес.

В состав Магаданской ГА помимо ГО г. Магадан были включены два пристольных ГО: Ольский и Хасынский [16] (оба образованы в 2015 г. на основе одноименных МР). Население ГА в 1989–2020 гг. сократилось с 216 до 111 тыс. чел., т.е. почти наполовину – 48,4% (105 тыс. чел.), в то время как население всей области в этот период уменьшилось на 64,6% (249 тыс. чел.). В абсолютных показателях наибольшее сокращение числа жителей произошло в Магаданском ГО (67 тыс. чел., 41%). При этом число жителей Ольского ГО уменьшилось за три десятилетия на 13,8 тыс. чел. (61,7%), а Хасынского – на 24 тыс. чел. (77,9%).

"Базой для формирования Свободненской перспективной агломерации являются два развивающихся центра – это г. Свободный и ЗАТО Циолков-

ский с включением поселений Свободненского и Шимановского районов", – отмечается в Стратегии СЭР Амурской области до 2025 г. [14]. Для решения задач данной статьи мы рассмотрели в качестве составных частей этой ГА Свободненский и Шимановский МР в целом, в т.ч. г. Шимановск. Население территорий ГА в этом составе с 1989 по 2020 гг. уменьшилось на треть (32%, 42,8 тыс. чел.): со 132 тыс. чел. (без учета п. Углегорск – будущего г. Циолковского, данные по которому не публиковались в переписи 1989 г.) до 89 тыс. чел. (с учетом г. Циолковского). Только в г. Циолковский статистические службы фиксировали прирост населения от переписи к переписи (в общем слабо сопоставимый с масштабами и значением строительства космодрома "Восточный"), в то время как в остальных из озвученных муниципальных образований число жителей лишь снижалось.

Биробиджанская ГА упоминается в официальных документах региональной власти как "городская агломерация г. Биробиджана" [22], но без прямого обозначения входящих в нее территорий. Не ясно, например, входили в это понятие Биробиджанский МР полностью или как минимум с. Птичник этого района, расположенное на восточных границах города. Для целей настоящей статьи в расчетах мы использовали данные по всему Биробиджанскому МР, опоясывающему столицу региона со всех сторон. В обозначенном составе население Биробиджанской ГА с 1989 по 2020 гг. уменьшилось с 99 до 80 тыс. чел. (18,9%), в то время как население ЕАО уменьшилось на 30% (65,4 тыс. чел.). При этом если численность жителей Биробиджана сократилась на 16,2% (13,6 тыс. чел.), то Биробиджанского МР – уже на 33,2% (5,1 тыс. чел.).

Под "Анадырской ГА" региональные власти сегодня понимают ГО "г. Анадырь" и пгт Угольные Копи, расположенный на противоположной стороне Анадырского лимана [21]. В обозначенном составе (с учетом заброшенного поселка Шахтерский) население Анадырской ГА с 1989 по 2020 гг. уменьшилось с 33,1 до 16,8 тыс. чел. (на 49%), в то время как число жителей Анадыря – на 3,9 тыс. (22,5%), а пгт Угольные Копи – на 9,1 тыс. чел. (73,8%).

Заключение

Оставив пока в стороне окончательный ответ об "истинности" 14 ГА ДФО, административно "созданных" региональными властями, в статье мы обратили внимание на итоги демографического развития составляющих их территорий в постсоветский период. Наше предположение изначально было таковым: даже на фоне демографического упадка центральных городов население их пригородных зон могло расти в логике современных процессов субурбанизации, активной частной застройки на периферии региональных столиц (как минимум на юге ДФО). 80-дневная полевая экспедиция автора по всем 11 региональным центрам округа в марте-июне 2023 г. подтвердила, что в большинстве из них наблюдается активное освоение частными застройщиками пригородных территорий. Оно имеет место в разной мере в Улан-Удэ, Якутске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Южно-Сахалинске, в Биробиджане и Петропавловске-Камчатском, крайне незначительно – в Магадане и фактически отсутствует в Анадыре. При этом предпринятые нами статистические расчеты продемонстрировали, что лишь три из 14 рассмотренных ГА по итогам трех последних переписей населения показали общий прирост населения (табл. 3). Причем ими стали не самые крупные и инфраструктурно развитые ГА региона, а ГА, формирующиеся вокруг городов, население которых тридцать лет назад не превышало 180–360 тыс. чел. (Благовещенская, Улан-Удэнская и Якутская). Это может выглядеть необычно, поскольку, например, в постсоветские десятилетия более распространенным был ускоренный прирост населения в крупнейших городах, оставшихся наиболее привлекательными для размещения новых производств.

Произведенные расчеты позволяют нам говорить как минимум о четырех типах демографического развития городских агломераций ДФО РФ по итогам 1990–2010-х гг.

1 тип – агломерации, в которых в этот период демографически вырос как центральный город / городской округ, так и его пригородная зона в целом (при том что отдельные, как правило, более отдаленные от ядра агломерации территории, могли терять население). Такими стали уже упомянутые выше Улан-Удэнская, Якутская и Благовещенская ГА. Якутск,

Табл. 3. Динамика населения городских агломераций ДФО в 1989–2020 гг., тыс. чел.
Table 3. Population dynamics of urban agglomerations of the Far Eastern Federal District of Russia in 1989–2020, thousands.

№	Наименование ГА	Год проведения переписи				Убытие/прирост населения, тыс. чел.	Убытие/прирост населения, %
		1989	2002	2010	2020		
1	Анадырская	33,1	15,2	16,8	16,8	-16,3	-49,26
2	Биробиджанская	99,1	90,2	87,3	80,3	-18,8	-18,9
3	Благовещенская	259,5	270,7	265,9	302,4	42,8	16,5
4	Владивостокская	861,7	797,6	792,5	814,3	-47,4	-5,5
5	ГА "Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный"	486,4	423,6	392,3	347,8	-138,6	-28,4
6	Магаданская	216,9	129,3	121,2	111,7	-105,2	-48,4
7	Находкинская	277,6	263,5	237,7	211,1	-66,5	-23,9
8	Петропавловск-Елизовская (Авачинская)	н/д*	289,4	266,8	246,4	-43	-14,8
9	Свободненская	132,1	113,4	104,7	89,3	-42,8	-32,3
10	Улан-Удэнская	498,8	509,5	535,7	602,9	104,1	20,8
11	Хабаровская	750,6	725,8	709	738,3	-12,3	-1,6
12	Читинская	428,8	379,4	389,5	405,8	-23	-5,3
13	Южно-Сахалинская	410,2	348	333,3	321,9	-88,3	-21,5
14	Якутская	221,6	249,6	308,6	389,4	167,7	75,7

Примечание:

* не рассчитано, поскольку данные по г. Вилючинск, пгт. Вулканный не публиковались в ВПН-1989 г.

Источник: составлено авторами на основе: [5; 6; 7; 10].

Source: compiled by the authors based on: [5; 6; 7; 10].

Улан-Удэ и Благовещенск, как мы отмечали в начале статьи, стали лидерами по темпам демографического прироста среди всех столиц ДФО за последние 30 лет. Очевидно, они стали и мощными генераторами пригородной частной застройки. Именно здесь мы выявили рекорсменов "пригородного" роста – Иволгинский район Бурятии, Благовещенский район Амурской области. Одновременно более удаленные от трех городов районы уже заметно отличались по демографическим показателям от ближайших (здесь мы фиксируем уже привычное убывание населения), что стало общей закономерностью во всех регионах.

2 тип – агломерации, в которых центральный город / городской округ демографически вырос, а в пригородной зоне было зафиксировано общее убывание населения. К этому типу в изучаемый период можно отнести Хабаровскую и Южно-Сахалинскую ГА. И Хабаровск, и Южно-Сахалинск за 1989–2020 гг. в целом успели вырасти на 2,8 и 14% соответственно. Однако этого не хватило, чтобы компенсировать потери их пристоличных МР / ГО. Показательно, что даже в ближайших к ним МР / ГО была зафиксирована убыль населения (в том числе и в последние 10 лет), не говоря о более отдаленных частях соответствующих ГА. Это не означает, однако, что отдельные ближайшие к Хабаровску и Южно-Сахалинску пригородные населенные пункты не показывали положительной динамики.

Табл. 4. Доля населения ГА ДФО в общем населении соответствующих регионов в 1989–2020 гг., %

Table 4. Population share of urban agglomerations of the Far Eastern Federal District of Russia in the total population of the corresponding regions in 1989–2020, %

№	Наименование ГА	1989	2002	2010	2020
1	Анадырская	21	28,2	33,4	35,4
2	Биробиджанская	45,8	47,2	49,4	53,4
3	Благовещенская	24,5	29,9	32	39,4
4	Владивостокская	38,1	38,5	40,5	44,1
5	Комсомольская	26,6	29,4	29,1	26,9
6	Магаданская	56,3	70,7	77,2	82,1
7	Находкинская	12,2	12,7	12,1	11,4
8	Петропавловск-Елизовская	н/д*	80,6	82,8	84,4
9	Свободненская	12,5	12,5	12,6	11,6
10	Улан-Удэнская	47,9	51,9	55,1	61,6
11	Хабаровская	46,7	50,5	52,8	57,1
12	Читинская	31,1	32,8	35,1	40,4
13	Южно-Сахалинская	57,8	63,6	66,9	68,9
14	Якутская	20,5	26,2	32,2	39,1

Примечание:

* не рассчитано, поскольку данные по г. Вилючинск, пгт. Вулканный не публиковались в ВПН-1989 г.

Источник: составлено авторами на основе: [5; 6; 7; 10].

Source: compiled by the authors based on: [5; 6; 7; 10].

3 тип – агломерации, в которых население центрального города / городского округ убыло, а его пригородная зона – выросла. Единственным примером такой агломерации в ДФО стала Читинская ГА. Население Читы по итогам 30 лет уменьшилось на 8,7% (32 тыс. чел.), хотя понемногу росло в 2000–2010-е гг., в то время как окружающий Читу Читинский МР в 1989–2020 гг. показал прирост населения на 14,5% (9 тыс. чел.). При этом общее население ГА по итогам трех десятилетий, как мы видим, не выросло.

Наконец, 4 тип – агломерации, в которых население убыло как в центральном городе / городском округе в целом, так и в его пригородной зоне в целом. К этому типу можно отнести оставшиеся 8 ГА: Авачинскую, Анадырскую, Биробиджанскую, Владивостокскую, Комсомольскую, Магаданскую, Находкинскую и Свободненскую. Учитывая ограничения в объеме статьи, отдельно остановимся лишь на крупнейшей Владивостокской ГА. В 2010-е гг. Владивосток вернулся к позитивной демографической динамике, несмотря на стабильно отрицательные показатели естественного прироста в регионе и высокие показатели выездной миграции. Однако ни это, ни небольшой прирост населения в остальных населенных пунктах городского округа не позволили столице Приморья компенсировать потери 1990-х гг. Одновременно умеренно положительную динамику сохранил г. Артем, по направлению к которому по существу и происходило основное развитие всей агломерации, субурбанизационных процессов. По всей видимости, именно поэтому Надеждинский район и тем более Шкотовский район, формально входящие

в состав агломерации, в изучаемый период не получили от этого ощутимых "демографических" дивидендов.

Мы видим, что Владивостокская, Хабаровская, Читинская ГА, сохранили в 2020-е гг. темпы прироста населения 2010-х гг., могут "добраться" хотя бы до показателей конца 1980-х гг. И все же эти результаты будут вполне посредственными на фоне бурно растущих глобальных городов мира, расположенных в том же Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При этом доля 12 из 14 ГА ДФО в общем населении соответствующих регионов в 1989–2020 гг. выросла (табл. 4). Произошло это на фоне общего снижения численности жителей во всех субъектах ДФО в этот период. В наибольшей степени это проявилось в отношении столичных агломераций, в то время как удельный вес "промышленных" ГА в общем населении регионов либо незначительно вырос (Комсомольская ГА), либо незначительно уменьшился (Находкинская, Свободненская ГА). При этом если в 1989 г. только в 3 из 14 ГА проживало более 50% населения соответствующего региона (Магаданская, Петропавловск-Елизовская, Южно-Сахалинская), то к 2020 г. этот список пополнили также Биробиджанская, Улан-Удэнская и Хабаровская ГА (табл. 4).

Вне относительно этого становится все более очевидной тенденция к концентрации населения ДФО в границах ГА региона, что стало отражением как общероссийских, так и глобальных тенденций. В условиях ограниченности государственных и частных финансовых ресурсов, которые направлялись и направляются на развитие населенных пунктов ДФО РФ в последние десятилетия, именно ГА, вероятно, останутся главными "точками" развития в соответствующих регионах, в то время как будущее остальных территорий все еще менее определено.

Литература

1. Авдеев Ю. А. Владивостокская агломерация: проблемы и варианты ее развития // Тихоокеанская география. 2021. № 1 (5). С. 21–30.
2. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202.
3. Бакланов П. Я., Авдеев, Ю. А., Романов, М. Т. Новый этап в развитии г. Владивостока и его агломерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 3 (38). С. 27–46.
4. Бреславский А. С. Городские агломерации на Дальнем Востоке России: "региональные фантазии" или отображение реальных трендов? // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. С. 203–206.
5. Всероссийская перепись населения 2002 г. // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php (дата обращения: 07.09.2023).
6. Всероссийская перепись населения 2010 г. // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php (дата обращения: 07.09.2023).
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 07.09.2023).
8. Григоричев К. В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 175–189.
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 г. 2077-З № 45-VI. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550299670> (дата обращения: 31.01.2023).
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1> (дата обращения: 10.11.2022).
11. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.
12. Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 68 (1). С. 44–63.
13. Мкртчян Н. В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–37.
14. Постановление Правительства Амурской области от 13.07.2012 г. № 380. URL: <https://docs.cntd.ru/document/961723123> (дата обращения: 31.01.2023).

15. Постановление Правительства Камчатского края от 27.07.2010 г. № 332-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446224042> (дата обращения: 31.01.2023).
16. Постановление Правительства Магаданской области от 05.03.2020 г. № 146-пп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699/titles/7PS5AL> (дата обращения: 31.01.2023).
17. Постановление Администрации Приморского края от 28.12.2018 г. № 668-па. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322279> (дата обращения: 31.01.2023).
18. Постановление Правительства Сахалинской области от 24.12.2019 г. № 618. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561676850> (дата обращения: 31.01.2023).
19. Постановление Правительства Хабаровского края от 13.06.2018 г. № 215-пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006> (дата обращения: 13.01.2023).
20. Райсих А. Э. Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 54–96.
21. Роман Копин представил проект развития Анадырской агломерации // МК. Чукотка. URL: <https://www.mk-chukotka.ru/economics/2022/08/02/roman-kopin-predstavil-proekt-razvitiya-anadyrskoy-aglomeracii.html> (дата обращения: 14.09.2023).
22. Распоряжение Правительства Еврейской автономной области от 22.06.2018 г. № 209-пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550127778> (дата обращения: 14.09.2023).
23. Распоряжение Правительства Забайкальского края от 24.05.2019 г. № 173-р. URL: <https://karceg.ru/5798/rasporyazhenie-prav-z-k-173-r-ot-24-05-2019/> (дата обращения: 31.01.2023).
24. Распоряжение Правительства Республики Бурятия от 22.05.2019 г. № 270-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561406892> (дата обращения: 31.01.2023).
25. Сопровождение по развитию дальневосточных городов // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/72198> (дата обращения: 11.09.2023).
26. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / Ed by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. 360 p.
27. Stanilov K., Hirt S. Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat, 2009. 166 p.

References

1. Avdeev Yu. A. Vladivostok agglomeration: problems and options for its development // Pacific Geography Journal. 2021. No. 1 (5). P. 21–30. (In Russ.).
2. Antonov E.V. Urban agglomerations: approaches to the allocation and delimitation // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 180–202. (In Russ.).
3. Baklanov P. Ya., Avdeev Yu. A., Romanov M. T. A New Phase in Development of Vladivostok City and Its Agglomeration // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9, No 3 (38). P. 27–46. (In Russ.).
4. Breslavsky A.S. Urban agglomerations in the Russian Far East: "regional fantasies" or a reflection of real trends? // Transborder region of the East of Russia in modernization processes of the XX–XXI centuries (to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia). Ulan-Ude: Publishing house of BSC SB RAS, 2023. P. 203–206. (In Russ.).
5. All-Russian Population Census 2002 // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
6. All-Russian Population Census 2010 // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
7. All-Union Population Census 1989 // Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
8. Grigorichev K.V. Suburbanization in the East of Russia: regional mosaic of the global trend // Republics in the East of Russia: trajectories of economic, demographic and territorial development. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 2018. P. 175–189. (In Russ.).
9. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated December 19, 2018 No. 45-VI. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550299670> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
10. Results of the All-Russian Population Census 2020 // Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580?print=1> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
11. Lappo G.M., Polyak P.M., Selivanova T.I. Agglomerations of Russia in the XXI century // Bulletin of the Regional Development Fund of the Irkutsk Region. 2007. No. 1. P. 45–52. (In Russ.).
12. Mkrtchyan N.V., Gilmanov R.I. Big cities of Russia and their suburbs as centers of attraction of internal migrants // Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences. 2023. No. 68(1). P. 44–63. (In Russ.).
13. Mkrtchyan N.V. Near-capital areas of Russia: population dynamics and migration balance // What do we know about modern Russian suburbs? Ulan-Ude: Publishing house BSC SB RAS, 2017. P. 26–37. (In Russ.).
14. Decree of the Government of the Amur Region dated July 13, 2012 No. 380. URL: <https://docs.cntd.ru/document/961723123> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).

15. Decree of the Government of the Kamchatka Region of July 27, 2010 No. 332-p. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446224042> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
16. Decree of the Government of the Magadan Region dated 03/05/2020 No. 146-pp. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699/titles/7PS5AL> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
17. Resolution of the Primorsky Region Administration dated December 28, 2018 No. 668-pa. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322279> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
18. Decree of the Government of the Sakhalin Region No. 618 dated December 24, 2019. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561676850> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
19. Resolution of the Government of the Khabarovsk Region dated June 13, 2018 No. 215-pr. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
20. Raysikh A.E. Defining the boundaries of urban agglomerations in Russia: model creation and results // *Demographic Review*. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 54–96. (In Russ.).
21. Roman Kopin presented a project for the development of the Anadyr agglomeration // MK. Chukotka. URL: <https://www.mk-chukotka.ru/economics/2022/08/02/roman-kopin-predstavil-proekt-razvitiya-anadyrskoy-aglomeracii.html> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
22. Order of the Government of the Jewish Autonomous Region dated June 22, 2018 No. 209-rp. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550127778> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
23. Order of the Government of the Trans-Baikal Territory dated May 24, 2019 No. 173-r. URL: <https://kapceg.ru/5798/rasporyazhenie-prav-z-k-173-r-ot-24-05-2019/> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
24. Order of the Government of the Republic of Buryatia dated May 22, 2019 No. 270-r. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561406892> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
25. Meeting on the development of Far Eastern cities // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/72198> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
26. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / Ed by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. 360 p.
27. Stanilov K., Hirt S. Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat, 2009. 166 p.

Информация об авторе

Анатолий Сергеевич Бреславский, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, e-mail: breslavsky@imbt.ru

Information about the author

Anatoliy S. Breslavsky, Candidate of Historical Sciences, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia, e-mail: breslavsky@imbt.ru

Поступила в редакцию 15.09.2023

Одобрена после рецензирования 10.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 15.09.2023

Approved 10.11.2023

Accepted 23.11.2023

Научная статья
УДК 94(47+57):364.122.5
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/36-42>

Социальная инфраструктура городов Хакасии – фактор миграции населения?

Елена Евгеньевна Тиникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, lena.tinikova.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме зависимости миграционного оборота городских поселений и миграционных установок горожан от уровня развития социальной инфраструктуры республики. В фокусе внимания находятся две группы поселений: административный центр Хакасии и моногорода. Автор исходит из того, что формирование и развитие отраслей городской социальной инфраструктуры в каждой из них имеет свой набор характерных черт. В основе исследования лежат данные официальной муниципальной и региональной статистики, а также результаты социологических опросов населения. Опросы, направленные в том числе на изучение удовлетворенности качеством жизни, были проведены под руководством автора среди жителей городских поселений Хакасии в 2018 г.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, города, Хакасия, горожане, городская среда, миграция

Для цитирования: Тиникова Е. Е. Социальная инфраструктура городов Хакасии – фактор миграции населения? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 36–42. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/36-42>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/36-42>

Social infrastructure of towns in Khakassia – factor of population migration?

Elena E. Tinikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of dependence of the migration turnover of urban settlements and residents' migration attitudes on the development level of social infrastructure of the republic. The focus of attention is on two groups of settlements: the administrative center of Khakassia and single-industry towns. The author proceeds from the fact that the formation and development of branches of urban social infrastructure has its own set of characteristic features in each of these groups. The research is based on the data of official municipal and regional statistics, as well as the results of sociological surveys of the population. Surveys, aimed among other things at studying satisfaction with the quality of life, were conducted among residents of urban settlements of Khakassia in 2018.

Key words: social infrastructure, towns, Khakassia, residents, urban environment, migration

For citation: Tinikova E. E. Social infrastructure of towns in Khakassia – factor of population migration? // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 36–42. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/36-42>

Историческая урбанистика как относительно новая отрасль научного знания сформировалась на стыке нескольких научных дисциплин. Ее междисциплинарный характер проявляется не только в заимствовании методологического аппарата и методов смежных научных направлений, но и в предмете исследования. Изучение города как объекта науки позволяет максимально широко и содержательно рассмотреть его отдельные части. Городская инфраструктура в таком контексте становится предметным полем историков урбанистов.

В современном социально-гуманитарном знании изучению городской социальной инфраструктуры уделяется серьезное внимание, поскольку от ее уровня развития зависит качество жизни конкретного поселения.

Традиционно под социальной инфраструктурой принято понимать систему условий для рациональной организации всех основных видов деятельности человека, а также совокупность учреждений и организаций, технического обеспечения, направленных на решение задач воспроизводства населения и способствующих формированию достойного уровня и качества жизни человека [4, с. 178].

Социальная инфраструктура города представляет собой систему, базирующуюся на двух основных элементах: социально-бытовой и социально-культурной инфраструктурах. Социально-бытовая инфраструктура имеет целью обеспечить комфортные условия жизни человека как биологического существа путем повышения уровня развития жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения, пассажирского транспорта и связи, торговли и общественного питания, здравоохранения. Социально-культурная инфраструктура направлена на наращивание качества человеческого капитала и охватывает образовательную, рекреационную, культурную и спортивные сферы [6, с. 58]. Стабильный рост этих подсистем способствует эффек-

тивной жизнедеятельности человека в городской среде и обеспечивает таким образом процветание города.

Официальная статистика позволяет измерить качество социально-бытовой инфраструктуры городов Хакасии через показатели общей площади жилых помещений на душу населения, количества лечебно-профилактических организаций, аптек, объектов бытового обслуживания населения, парикмахерских, магазинов, предприятий общественного питания, организаций, занимающихся техобслуживанием и ремонтом ТС, машин и оборудования, протяженности автодорог, общего пользования местного значения, а также улиц, проездов, набережных; качество социально-культурной инфраструктуры – количество городских спортивных сооружений, школ и дошкольных образовательных организаций (*табл. 1*).

Абакан как административный центр республики на фоне остальных городов отличается высокими показателями развития по всем рассматриваемым критериям. Лишь по степени асфальтированности автодорог он уступает Абазе, а по уровню освещенности улиц – Саяногорску. Если исключить из расчетов Абакан, то лидером среди хакасских городов по общей площади жилых помещений на душу населения, по числу спортивных сооружений, аптек, магазинов, ресторанов, кафе, баров, школ является Саяногорск. С учетом того, что его численность в четыре раза ниже столичного города и в 1,5 раза – Черногорска, то для такого небольшого города с численностью 46 тыс. чел. (в 2020 г.) это весьма неплохие показатели. Обусловлены они двумя факторами. Во-первых, молодостью самого города, который был основан в 1975 г., поэтому и его инфраструктура на данный момент еще относительно не изношена. Во-вторых, наличием на территории муниципального образования таких промышленных гигантов, как Саяно-Шушенская ГЭС и алюминиевых заводов, которые обеспечивают город высокооплачиваемыми рабочими местами. Второй по численности город региона – Черногорск – отличается развитием детско-юношеского спорта и количеством лечебно-профилактических организаций.

Данные официальной статистики не всегда полно отражают фактическую картину действительности, поэтому их необходимо комбинировать с субъективными оценками жителей городов о степени их удовлетворенности качеством жизни.

Опросы, направленные в том числе на изучение удовлетворенности качеством жизни, были проведены под руководством автора среди жителей городских поселений Хакасии в 2018 и 2021 гг. Они позволили проследить взаимосвязь между уровнем качества организации городской среды и нацеленностью жителей на переезд.

Опрос 2018 г. проводился во всех городах региона ($n = 1000$), 2021 г. – в моногородских поселениях республики – это четыре нестоличных города ($n = 1000$). Анкета содержала вопросы, касающиеся социально-экономических проблем развития поселений и удовлетворенности горожан качеством городской среды.

Один из первых вопросов в анкете "Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?" позволяет определить степень значимости локальной идентичности для респондентов в ряду глобальной, российской, региональной, этнической, семейной, групповой. Наиболее выраженными среди опрошенных оказались региональная и российская идентичности: "жителем республики Хакасия" ощущают себя 52,6% и "жителем своей страны" – 42,5%. Локальная идентичность оказалась также весьма важной. Отождествляют себя с жителями города 29,2% опрошенных. Интересно, что в разрезе поселений количество респондентов, ответивших "жителем города", значительно разнится. Ярче всего локальная идентичность выражена у жителей Черногорска (47,9%), менее всего – Саяногорска (25,7%) и Сорска (25%). Чаще идентифицируют себя как жителя конкретного города женщины. Также при анализе ответов была выявлена зависимость между локальной идентичностью респондентов и их возрастом: чем старше – тем локальная идентичность выражена сильнее. Так, в возрастной группе до 24 лет ощущают себя "жителем города" лишь 26,4% опрошенных, в то время как в возрастной группе 55 лет и старше – 32,5%.

Ответ на вопрос об удовлетворенности своей жизни в городе (*табл. 2*) показал, что среди жителей Абазы и Сорска среди опрошенных практически

Табл. 1. Социальная инфраструктура городов Хакасии в 2019 г.
Table 1. Social infrastructure of the cities of Khakassia in 2019

Показатели	Абакан	Абаза	Саяногорск	Сорск	Черногорск
Общая площадь жилых помещения на душу населения (м ²)	28,4	24,3	27,1	25,7	23,4
Спортивные сооружения	254	22	129	25	113
Детско-юношеские спортивные школы	19	1	1	1	2
Лечебно-профилактические организации	19	1	4	1	5
Аптеки	101	6	33	6	23
Объекты бытового обслуживания населения	1177	85	193	20	193
Парикмахерские	352	15	40	8	48
Техобслуживание и ремонт ТС, машин и оборудования	166	12	39	3	61
Магазины	1746	169	395	105	369
Столовые, закусочные	160	14	28	6	32
Рестораны, кафе, бары	228	10	31	4	18
Протяженность автодорог общего пользования местного значения (км)	352,5	135,9	119,2	66,5	270,9
Из них с твердым покрытием (в %)	74,2	78,6	42,0	43,9	52,4
Общая протяженность улиц, проездов, набережных (км)	352,5	135,9	247,3	66,5	270,9
Из них освещенных (в %)	72,7	38,2	79,1	20,0	40,5
Дошкольные образовательные организации	54	4	14	4	24
Школы	22	3	16	3	14

Источник: составлено автором на основе: [1; 2, с. 5, 7, 9, 11, 13].

Source: compiled by the authors based on: [1; 2, с. 5, 7, 9, 11, 13].

не оказалось тех, кто полностью удовлетворен своей жизнью здесь. Ответ "совсем не удовлетворен" опять же чаще всего встречается у абазинцев. Вместе с тем именно жители Абазы в большинстве своем "скорее удовлетворены" (60%) своей жизнью.

Расширенное представление о факторах, влияющих на удовлетворенность горожан своей жизнью, дают ответы на вопросы об экономической ситуации в городе, безопасности обстановки в нем, состоянии межнациональных отношений, работе предприятий, учреждений и ведомств.

Треть опрошенных городских жителей Хакасии вне зависимости от места жительства оценили экономическую ситуацию в своем населенном пункте как неустойчивую. Характеристика экономики города как "крайне нестабильная" чаще всего звучала в ответах черногорцев и абазинцев. В условиях зависимости жителей Абазы от работы рудника, который в эти годы практически перестал функционировать, их опасения понятны. Черногорск как монопрофильный город, изначальной специализацией которого была добыча угля, в постсоветский период также оказался в тяжелом положении. Многие шахты были закрыты, привычный образ жизни черногорцев был сломан. Несмотря на возобновление работы разрезов Черногорский и Степной, ряда других промышленных предприятий, жители, помня о былом экономическом процветании города, склоны негативно оценивать настоящее положение дел.

Табл. 2. Удовлетворенность своей жизнью, %.
 Распределение ответов на вопрос "Насколько Вы удовлетворены своей жизнью сегодня?"
 Table 2. Satisfaction with one's life, %.
 Distribution of the answer to the question "How satisfied are you with your life today?"

Варианты ответа	Абакан	Абаза	Саяногорск	Сорск	Черногорск
Удовлетворен полностью	16,9	2,2	20	6,3	16,7
Скорее удовлетворен	50,4	60,0	37,1	43,8	39,6
Скорее не удовлетворен	22,4	20,0	34,3	37,5	37,5
Совсем не удовлетворен	5,7	17,8	5,7	6,2	6,2
Затрудняюсь ответить	4,6	0,0	2,9	6,2	0,0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Большинство респондентов характеризуют обстановку в городе как "безопасную" (60%) и "спокойную" в сфере межнациональных отношений (54%). Вместе с тем в ответах жителей Абакана встречались такие характеристики данной сферы, как "иногда напряженное" (25%) и "напряженное, но без конфликтов" (15%). В остальных городах республики подобные ответы были единичными. Вероятно, это обусловлено полиэтничной городской средой административного центра региона, более широкими миграционными потоками.

Особое недовольство среди опрошенных жителей хакасских городов вызывают проблемы качества оказания медицинских услуг, бытового обслуживания населения, транспортной доступности отдельных городских территорий, состояние и качество дорожного полотна, уровень благоустройства дворов. В разрезе городских поселений ответы респондентов выборочно представлены в *таблице 3* (показаны "проблемные точки" в развитии городов по оценкам жителей). Жители Черногорска чаще остальных негативно оценивали работу муниципальных предприятий города. Особо не удовлетворены они качеством своих дорог, благоустройством дворов и жилищно-коммунальным обслуживанием. Работа дорожных служб вызвала больше всего нареканий со стороны респондентов всех городов. Помимо этого, абазинцы оставили отрицательные отзывы о работе учреждений в области здравоохранения, жители Сорска недовольны уровнем благоустройства дворов, саяногорцы – и тем, и другим. Относительно неплохо на этом фоне выглядит работа школьных и дошкольных учреждений, а также предприятий в сфере бытового обслуживания и транспортной системы в оценках горожан.

Среди основных проблем, волнующих респондентов, чаще всего звучали проблемы, связанные с наличием жилья и его качеством (50,3%). Сегодня нормой комфортности жилищных условий является обеспеченность жильем 33 м² и более на человека [5]. В городской местности Хакасии общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, не соответствует указанному показателю: в 2020 г. она равнялась 27,4 м².

Важными индикаторами городских условий жизни являются показатели обеспеченности водопроводом и канализацией. Официальные данные Красноярскстата позволяют проследить динамику удельного веса площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом и канализацией, в общей площади всего жилищного фонда начиная с 2008 г. В период 2008–2020 гг. данные показатели по республике выросли с 66,5% до 76,5% по обеспеченности водопроводом, с 64,3% до 72,7% – канализацией. По существу, именно эти цифры являются показателями реального уровня урбанизированности населения Республики Хакасия. По городским поселениям эти же данные представлены начиная с 2011 г. Обеспеченность водопроводом в городе в указанные годы выросла с 86,7% до 89,5%, канализацией – с 85% до 88,2%. В целом в 2020 г. городской жилищный фонд Хакасии оборудован горячим водоснабжением на 81,4%, отоплением – 90,6%, ваннами – 77%. Доля площади

Табл. 3. Неудовлетворительная оценка работы учреждений и ведомств жителями городов, в %
 Table 3. Unsatisfactory assessment of the work of institutions and departments by city residents, in %

	Абакан	Абаза	Саяногорск	Сорск	Черногорск
Школы	4,2	5,1	9,4	0,0	6,7
Дошкольные	4,0	5,0	9,4	0,0	6,7
Здравоохранение	32,6	50,0	48,5	61,4	45,5
Бытовое обслуживание	17,6	17,5	24,2	20,6	30,0
Транспорт	10,4	26,8	15,2	47,6	25,0
Дорожные службы	48,4	86,4	70,6	75,6	66,7
ЖКХ	41,4	57,5	50,0	6,1	37,5
Благоустройство дворов	27,1	60,5	17,6	15,6	50,0

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

городского жилищного фонда, обеспеченной всеми видами благоустройства, в общей площади городского жилищного фонда республики составила 78,9%.

Одним из главных признаков, определяющих уровень благоустройства города – его людность. Как правило, чем выше людность – тем более благоустроено городское поселение. Данное правило подтверждается примером Абакана. Основные официальные показатели благоустройства жилищного фонда столицы Хакасии выглядят достаточно солидно: в 2016 г. 97,1% жилых помещений города были оборудованы водопроводом, 95,8% – водоотведением (канализацией), 80,8% – ванными (душем), 90,9% – горячим водоснабжением, 96,3% – отоплением [3, с. 39].

Наиболее значимыми для респондентов являются проблемы материального плана, связанные с наличием работы, жилья, качеством городского благоустройства. А также особо острой проблемой все еще остается низкая обеспеченность объектами здравоохранения и медицинским кадрами в регионе. Доступность объектов социально-культурной инфраструктуры в меньшей степени волнуют горожан, несмотря на разные возможности пользования ими в повседневной жизни.

Опрос 2018 г. также позволил исследовать миграционные настроения городских жителей. В анкете были представлены вопросы, связанные с желанием респондентов сменить место жительства и его причинами. На вопрос о желании переехать из своего городского поселения утвердительно ответили 30% опрошенных.

Среди основных причин, по которым респонденты хотели бы переехать (на рисунке 1 приведены ответы русских и хакасов), чаще всего были названы отсутствие собственного жилья (24% – усредненные оценки по русским и хакасским респондентам), трудности с устройством на работу (16%), выход на пенсию (16%) и низкая заработная плата (15%).

Анализ анкет показал, что значимым фактором в градации мотивов переезда горожан является их национальная принадлежность. Так, главным мотивом смены места жительства среди хакасов является отсутствие собственного жилья в городе (30%), остальные мотивы указывались значительно реже. У русских, помимо названного мотива (18%), популярным является ответ "выход на пенсию" (18%). Также русские чаще хакасов говорят об отсутствии перспектив в городе.

Анализ ответов по направлению потенциальной миграции показал, что 40% потенциальных мигрантов планируют переехать в другой город за пределами Хакасии, 35% – в сельскую местность республики, 12% – в другой город Хакасии, 9% – в другую страну и 4% – в другое село за пределами республики.

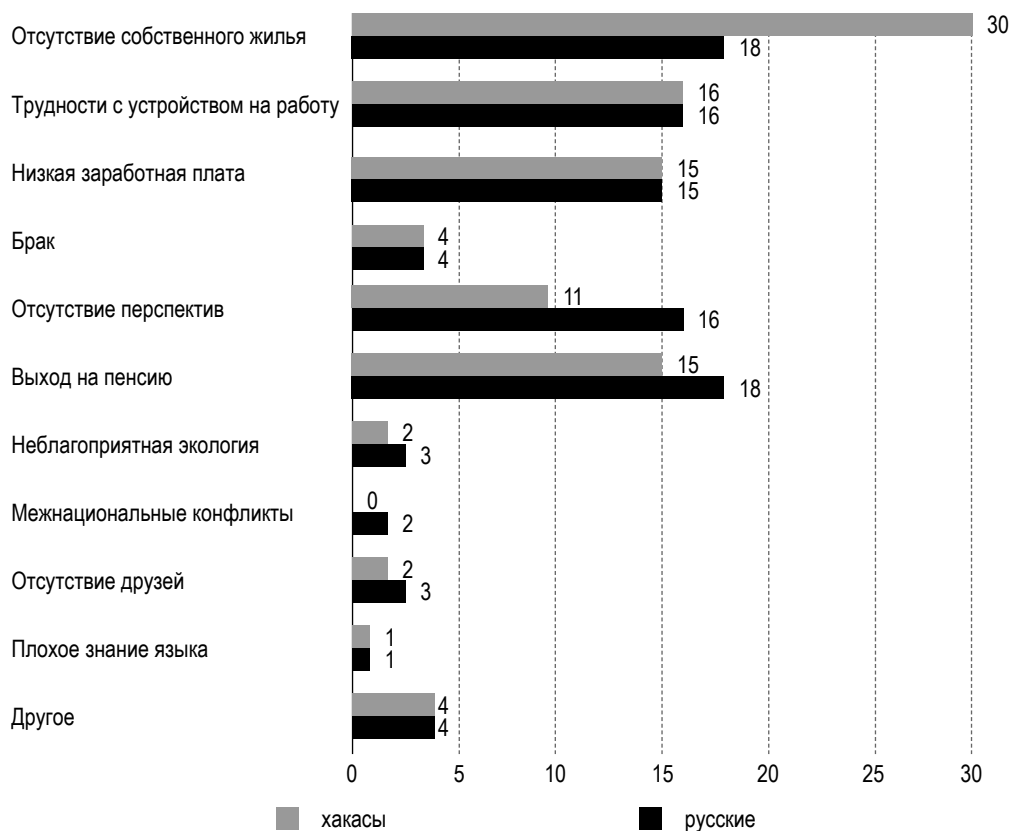

Рис. 1. Мотивы переезда горожан в другой населенный пункт, в %.

Fig. 1. Motives for citizens moving to another locality, in %.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Интерес представляет градация ответов респондентов на указанные вопросы, исходя из их места жительства. Менее всего склонными к переезду оказались респонденты относительно отдаленных от центра городских поселений. 80% жителей Сорска и 78% Абазы не планируют менять место своего проживания. При этом если жители данных населенных пунктов и планируют уезжать, то переезд планируется в пределах республики. Напротив, жители Абакана, Черногорска, Саяногорска и Аскиза задумываются о переезде в города за пределами Хакасии.

Если обобщить мотивы потенциального переезда опрошенных, то ситуация на рынке труда для большинства из них играет ключевое значение при выборе места жительства. Эта категория респондентов в качестве основных проблем своих городских поселений указывала экономические проблемы и на вопрос "Как в ближайшие 5 лет изменится обстановка в вашем городе?" чаще остальных останавливалась на ответах "останется как прежде" и "скорее ухудшится".

Второй большой группой потенциальных мигрантов являются горожане, не имеющие собственного жилья. Съем жилья в городской местности сегодня – это большая нагрузка для любого личного или семейного бюджета. Эта статья расходов становится основной для людей с невысокими заработками, а также для семей с детьми. Поэтому многие респонденты из этой группы являются людьми семейными и ориентированы они на переезд в другие населенные пункты Хакасии.

Результат нашего исследования показывает, что на самом деле качество социальной инфраструктуры городских поселений не является домини-

рующим фактором миграции населения. Для жителей городов вопросы развития социально-бытовой инфраструктуры, в отличие от социально-культурной, на сегодняшний день являются более актуальными. Но и в системе наиболее злободневных проблем они занимают второстепенные позиции по сравнению с вопросами материального достатка. Это свидетельствует о том, что базовый уровень потребностей в безопасности (по пирамиде потребностей Маслоу) среди респондентов горожан Хакасии не удовлетворен, поэтому и решение других задач, реализация которых во многом зависит от качества социальной инфраструктуры, пока не входит в число приоритетных.

Литература

1. База данных показателей муниципальных образований. Официальный сайт муниципальной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 13.09.2023).
2. Ко дню городов – города Республики Хакасия в 2019 году. Красноярск: Красноярскстат, 2020. 13 с.
3. Летопись городов Сибири. Абакан – 85 лет: стат. сб. Абакан, 2017. 110 с.
4. Милоенко Е.В. Теоретические подходы к понятию социальной инфраструктуры // Международный научный журнал "Инновационная наука". 2015. № 9. С. 177–179.
5. Постановление Правительства Республики Хакасия от 12.08.2011 № 519 "Об установлении региональных стандартов по оплате жилья и коммунальных услуг в Республике Хакасия". URL: <https://docs.cntd.ru/document/459603273> (дата обращения: 13.09.2023).
6. Смирнова И.Н. Социальная инфраструктура города в оценках жителей г. Иваново // Вестник Ивановского государственного университета. 2018. Вып. 1. С. 56–61.

References

1. Database of indicators of municipalities. Official website of the municipality Noy State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (accessed 13.09.2023). (In Russ.).
2. For the Day of Cities - cities of the Republic of Khakassia in 2019. Krasnoyarsk: Krsanoyarskstat, 2020. 13 p. (In Russ.).
3. Chronicle of the cities of Siberia. Abakan – 85 years old: stat. Sat. Abakan, 2017. 110 p. (In Russ.).
4. Miloenko E.V. Theoretical approaches to the concept of social infrastructure // International scientific journal "Innovative Science". 2015. No. 9. P. 177–179. (In Russ.).
5. Decree of the Government of the Republic of Khakassia dated August 12, 2011. No. 519 "On the establishment development of regional standards for payment of housing and utilities in the Republic of Khakassia.". URL: <https://docs.cntd.ru/document/459603273> (accessed 13.09.2023) (In Russ.).
6. Smirnova I.N. Social infrastructure of the city as assessed by residents of Ivanovo // Bulletin of Ivanovo State University. 2018. Vol. 1. P. 56–61. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Information about the author

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Поступила в редакцию 22.09.2023

Одобрена после рецензирования 17.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 22.09.2023

Approved 17.11.2023

Accepted 23.11.2023

Повседневность горожан Якутска и ревитализация традиционной культуры

Айтал Игоревич Яковлев

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова;
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Аннотация. В статье описываются социокультурные процессы в Якутии, которые показывают развитие этнического самосознания народа саха. Основное внимание сосредоточено на выявлении маркеров, репрезентирующих этнокультурные элементы в повседневной культуре горожан и селян. В качестве опорных точек в исследовании данного вопроса нами выбраны муралы (монументальная архитектурная живопись), а также предметы обихода, личные вещи и предметы, окружающие человека в его повседневной жизни. Главная целевая установка состоит в описании элементов городского пространства, интерьера городских квартир и пр., играющих основную роль в этнокультурной самоидентификации человека.

Ключевые слова: *повседневность, городское пространство, культурная среда, традиционная культура, вещный мир городской и сельской семьи*

Для цитирования: Яковлев А. И. Повседневность горожан Якутска и ревитализация традиционной культуры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 43–51. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/43-51>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/43-51>

Yakutsk townspeople everyday life and traditional culture revitalization

Aital I. Yakovlev

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University;
"Man in the Arctic" of the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North SB RAS,
Yakutsk, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Abstract. The paper describes sociocultural processes in Yakutia, which show the development of the ethnic self-awareness of the Sakha people. The main attention is focused on identifying markers that represent ethnocultural elements in the everyday culture of townspeople and villagers. As reference points in the study of this issue, we selected murals (monumental architectural painting), as well as household items, personal belongings and objects surrounding a person in his everyday life. The main goal is to describe the elements of urban space, the interior of city apartments, etc., which play a major role in a person's ethnocultural self-identification.

Key words: *everyday life, urban space, cultural environment, traditional culture, city and rural family thing world*

For citation: Yakovlev A. I. Yakutsk townspeople everyday life and traditional culture revitalization // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 43–51. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/43-51>

Введение

Вопрос формирования этнокультурной идентичности в повседневной жизни и анализ развития этого социокультурного явления, его последствий для общества и государства в условиях кризиса культурной глобализации не просто становится актуальной проблемой, но и выходит на первый план как одна из основных стратегических задач современной России. Проблема развития "этнического самосознания", "этнокультурной идентичности" не замыкается конкретно на каком-то одном народе, этносе. Эта проблема является всеобъемлющей и опирается на широкий спектр политико-экономических, социокультурных процессов, характерных для конкретного региона России и современного российского общества в целом.

Теоретические и практические работы, направленные на изучение этнической культуры, её отдельных проявлений, не ограничиваются описанием, раскрытием её особенностей в национальных субъектах Российской Федерации. Вопросы, касающиеся проявления этнокультурной идентичности, выходят за методологические рамки исторических, историко-антропологических исследований. Чтобы раскрыть это сложный вопрос, в данной статье будет проанализирован "вещный" мир, который окружает человека. Мир личных вещей и предметов обихода формирует внутренний мир индивида и его представление о внешней среде. Личные вещи и предметы обихода, которые имеют конкретный функционал (повседневное значение) и смысловую нагрузку (сакральное значение), являются важными элементами для определения этнокультурной идентичности человека.

Статья направлена на описание социокультурных процессов в Якутии, которые показывают развитие этнического самосознания народа. В качестве опорных точек в исследовании данного вопроса нами выбраны муралы (монументальная архитектурная живопись), а также предметы обихода, личные вещи и предметы, окружающие человека в его повседневной жизни.

Методология исследования опирается на концепцию восприятия повседневного пространства, разработанную З. Бауманом, М. Маклюэном [см. **подробнее: 1; 8**]. Также нами используется теория взаимодействия человека (индивида) с окружающей средой, представленная в трудах Э. Дюркгейма, П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдьё [см. **подробнее: 4; 2; 3**].

В дополнение к этому следует отметить соавторскую монографию В. Б. Игнатевой, Е. Г. Маклашовой, А. Г. Томаска, где представлена общая картина социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) (РС (Я)) на современном этапе. Кроме того, исследователями затрагиваются вопросы этнодемографического развития Якутии, в том числе даётся демографический прогноз развития сёл и городов с точки зрения экономической и хозяйственной составляющих. Представлена интерпретация основных элементов материальной (хозяйственной) базы культуры жизнеобеспечения современных жителей республики. В целом данная работа может быть отнесена к разряду фундаментальных для понимания современных тенденций развития демографических и этносоциальных процессов в Якутии в социально-экономическом контексте [см. **подробнее: 7**].

При работе со сложными, неоднозначными понятиями в современной историко-антропологической, этнологической науке – "сакральное пространство", "сакральный мир" – в рамках этой статьи опираемся на труды Е.Н. Романовой, С. Г. Жамбаловой, Л. И. Винокуровой [см. **подробнее: 11; 5; 3**]. Полностью соглашаясь с позициями авторов, определяем, что окружающий мир человека состоит из двух частей: "сакральный" и "профанный". Углубляясь в цитируемые труды, в данной статье выстраиваем собственный каркас определения этих двух понятий на нематериальный (сакральный) и материальный (профанный) мир. При этом разграничиваем повседневность человека как место, где одновременно существуют материальный и нематериальный (символический) мир.

Также стоит принять во внимание практически все исследования ведущих ученых Сибири и Дальнего Востока России: философов, историков, урбанистов, культурологов, социологов, регионоведов, раскрывающих образы и символы города, его улиц, площадей, одежду горожан, украшения. В то же время работ, описывающих личные вещи, носящие признаки этничности в современной культуре саха, не так много. Складывается ситуация, схожая с проблемой современных историков, изучающих повседневную жизнь горожан, проживавших в период конца XIX – начала XX вв., когда есть какое-то количество фотографий, письменных описаний быта города, но как только надо определить внутреннее убранство, отдельные детали интерьера и то, как предметы "взаимодействовали" с человеком, как предметы формировали частный мир в его доме, эти вопросы остаются открытыми.

Значимым в методологической базе является то, что в статье использованы качественные методы исследования: интервью, включенное наблюдение с элементами непосредственного участия. Эмпирические методы ложатся в основу актуальных для современной многонациональной России историко-антропологических исследований городской и сельской среды. В ходе исследования автором были проведены глубинные и экспертные интервью, в том числе и с художниками, скульпторами, артистами, ювелирами. Всё это даёт возможность сравнить опубликованные материалы (интервью в СМИ) и личную позицию профессионалов, трансформирующих социокультурную среду современной Якутии.

Исходя из этого, мы ставим перед собой следующую основную исследовательскую задачу: описать содержание "домашнего мира" горожанина, относящего себя к народу саха.

Предметы повседневного обихода (посуда, инструменты, мебель и др.) и личные вещи, обладающие традиционной формой и функцией в конкретной культуре, можно рассматривать как внешнюю (материальную) атрибутику для выражения человеком своей этнокультурной идентичности. Дополни-

тельным признаком этничности является украшение предмета или личной вещи этническими узорами. В настоящее время в современной якутской культуре можно наблюдать, как традиционные формы, узоры, названия вещей присуждаются новым предметам, ранее не существовавшим у народа саха. Например, керамический и фарфоровый чорон¹, сделанный в Китае и расписанный в Якутии [12]. Этот факт выступает особенностью современной культуры саха, когда предмет, смысл предмета, относящийся к традиционной культуре, обретает новое назначение или становится полноценной частью современного мира в новом исполнении. К таковым можно отнести снежные очки, традиционный костюм. Отдельно отметим, что также существуют предметы или личные вещи, носящие традиционные черты, произведенные фабричным способом за пределами Республики Саха (Якутия).

Муралы и этничность в городах Якутии

Массовое строительство каменных зданий в городах Якутии начинается с середины XX в. с началом новой волны промышленного освоения края. Появляются новые города – Мирный, Нерюнгри, Алдан. Якутск, столица республики, также начинает отстраиваться камнем, появляются асфальтовые дороги, площади, новые здания университета, научных институтов, финансируется строительство государственных, республиканских предприятий.

В последнее время власти регионального и муниципального уровня уделяют большое внимание городской среде, в частности, внешней облику строящихся объектов. При планировке новых зданий заказчики стараются использовать традиционные мотивы в архитектуре, включать их в дизайн внутренних помещений и прилегающих территорий. Стоит понимать, что в основе своей Якутск отстроен в бетоне в советский период, из-за этого старые "дизайнерские" решения (отдельные барельефы, советские муралы) или утратили свою смысловую актуальность, или потеряли свой внешний вид и качество.

Актуализация, обновление внешнего вида и внутреннего планирования, декорирование помещений в традиционном стиле стало одним из проявлений сложного социокультурного процесса этнизации современного городского пространства. Примером этому является создание новых муралов, опирающихся на этнические темы, узоры и создающие определенную символическую нагрузку конкретному месту.

В Якутске к концу 2023 г. можно насчитать 44 мурала и объекта уличной монументальной живописи (граффити, стрит-арт и др.). Авторами монументальной живописи в городах Якутии являются как иностранные художники, так и художники из других регионов и городов России. Но наиболее известными, полюбившимися местным жителям, являются работы местных художников. Например, работы Кыыдааны Игнатьевой. В своих интервью она как раз объясняет, что мотивами и сюжетами для создания муралов выступают местная история и традиции. Художница старается раскрыть через традиционные образы культуру и историю родного края: "Одна из последних моих работ – мурал "Женщина в золотом" по заказу "Сэрбэкэ". На торце двухэтажного здания они хотели видеть рисунок, который бы олицетворял дух магазина. Специально для них нарисовала эскиз женщины в золотом убранстве и самое главное – красивые меха. Тем самым я хотела показать спокойную и одухотворенную женщину в богатом одеянии. Ещё на рисунке можно заметить красивые варежки, узор которых обозначает женское начало" [6].

Муралы можно определить как одну из форм "колонизации" носителями традиционной культуры новой для них среды, а именно городской среды, созданной в советскую эпоху, которая не носила ярко выраженной этнической "окраски". Через работы местных художников, дизайнеров народ саха пытается внести элементы собственной этнической культуры в современную городскую и сельскую среду, не имеющей с традиционной культурой жизнеобеспечения народа практически никакой связи. Этот феномен можно назвать культурным явлением и даже общероссийским трендом. Об этом говорит и Кыыдаана Игнатьева: "В прошлом году ездила в Северную Осетию. С мест-

¹ Чорон (якут. чороон) – традиционный ритуальный деревянный сосуд для хранения и питья кумыса.

ными ребятами, которые участвовали в архитектурном воркшопе, мы вместе искали интересные "фишки", которые могли бы использовать в дизайне... Для себя поняла, что многие национальные республики чем-то похожи друг на друга" [6]. При личной беседе и наблюдении за постами в социальных сетях видно, что художница остро воспринимает проблемы мирового или всероссийского масштаба, волнуясь, как они отразятся на традиционной культуре народа саха. Являясь непосредственным автором трансформации традиционной культуры, имея достаточный медийный капитал, Кыыдана Игнатьева влияет на формирование этнокультурной идентичности не только в городах Якутии, но и в сельской среде.

В данном ключе уместно привести цитаты из проведённых нами интервью: *"...чувствовала гордость от того, что на моих глазах наносится мурал, подошла и поблагодарила художника. Помню, рассказывала сыну, что стала частью истории. Ежедневно любовалась произведением. Художник прикоснулся к нашей культуре, внес своё видение искусства и культуры. И мне нравится, что это именно чорон – знак изобилия, достатка, вечности"* (жен., 38 лет, проживает в доме с муралом по адресу улица Ломоносова, 29/1, присутствовала при создании мурала "Чорон"). Далее информант отмечает, что появление муралов является закономерностью, естественным развитием культуры и искусства в Якутии. При общении с друзьями, соседями, коллегами у неё не возникало вопроса о каком-либо отрицании, негативном восприятии тематически этнического мурала.

Опора муралов на сюжеты фольклора, описание составных частей традиционной культуры жизнеобеспечения является одним из примеров этнизации городского пространства, попытки найти народом саха своё место в изменяющемся мире.

Этничность в семейном быте горожан

Для большей объективности быт горожан мы попытаемся раскрыть в сравнении со структурой повседневности сельской семьи – описав ритмы повседневной жизни. В отличие от сельской семьи, городская семья в большинстве своем двуязычна – говорит на русском и якутском языках. Кроме того, у городских семей в сравнении с сельскими имеются серьезные различия в питании, организации повседневной жизни (досуг и занятость). Но в связи с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека, улучшением сельской инфраструктуры, развитием транспортной сети, появлением рейсовых автобусов, курсирующих между районными центрами и Якутском, различия между городскими и сельскими семьями нивелируются. В то же время в структуре повседневной жизни городской семьи специфика сохраняется в связи с сезонностью и накладывает свой отпечаток на организацию досуга, занятость, жилищные условия. Появление высокоскоростной интернет-связи в якутских деревнях приводит к стиранию границ между сельским и городским образом жизни. Так, например, сельская семья может заказать практически любые товары через интернет и обустроить свой быт не хуже, чем городская семья.

В частности, в хозяйственной жизни современной сельской семьи в Якутии чётко можно проследить сезонные ритмы, например, сенокос (лето), охота и рыбалка (весна, осень), летний и зимний уход за крупным рогатым скотом и лошадьми. Сельская семья имеет достаточно жёсткую гендерную градацию повседневного пространства. Дом, теплица, придомовая территория полностью контролируется женщиной. Мужчина регулирует жизнь вне дома: двор, гараж, хлев, всего того, что связано с сенокосными и пастбищными угодьями. Также мужчина задействован в решении различных вопросов, связанных с привлечением соседей, родственников для выполнения тяжёлой физической работы.

Горожане составляют 53% от общей численности населения Республики Саха (Якутия), другими словами, половина населения Якутии живёт в условиях отрыва от традиционной культуры жизнедеятельности своих предков – скотоводов, оленеводов, охотников и рыболовов. Это выражается прежде всего в нивелировании, стирании гендерной спецификации при решении членами семьи каких-либо бытовых, хозяйственных вопросов.

Промышленное освоение региона способствует росту городского населения за счёт внешних и внутренних мигрантов. Цифровизация всех сфер по-

всёдневности приводит к отходу от традиционных ритмов жизни, которые ещё сохраняются в сельской среде. Дистанцирование от традиционной культуры жизнеобеспечения саха влияет на изменения в мировоззрении и мироощущении человека. Этот тезис можно проследить в статье по результатам компаративного исследования в Якутске и Стокгольме [10]. Оставаясь один на один, лицом к лицу перед давлением культурной глобализации, сталкиваясь с глубокими и сложными формами трансформации собственной (традиционной) культуры, человек теряется, испытывает кризис идентичности. В этих условиях человек ищет опору для сохранения своей идентичности, в качестве таковой и выступает историческая (коллективная) память. Так, например, в материальном плане человек начинает окружать себя вещами и предметами, отсылающими его к традиционной культуре. В сакральном плане человек начинает "заполнять" традиционными смыслами предметы и вещи, которые никак не связаны с его родной культурой.

Главное отличие городской семьи от сельской семьи представлено в окружающем их природном ландшафте и культуре жизнеобеспечения: жилище, мебель, предметы быта, одежда, украшения. Эти факторы являются основой для формирования разных структур повседневной жизни. Как было указано в начале статьи, повседневность – это место, где одновременно существует материальный (профанный) и нематериальный (символический) мир. Повседневная культура – это мир, заполненный вещами, символами и смыслами, которые заложены в эти вещи и предметы.

На повседневную жизнь городской и сельской семьи в Якутии сильно влияет сезонность: 220 дней снега, скоротечное лето с экстремальными температурами формируют определённый ритм жизни. В этом плане придомовая территория, городские общественные пространства под открытым небом в течение зимнего времени переходят в категорию "чужого", необжитого места, выпадают из повседневного ритма жизни, так как городская семья перестаёт ими пользоваться из-за экстремальных климатических условий.

Для сельской семьи уход за двором, колка дров, добыча льда для питья, уход за скотом в хлеве полностью переходят в руки мужчины. В современной якутской деревне семьи часто держат свои табуны в конебазах, огороженных аласах, куда пригоняют лошадей якутской породы, чтобы они пережидали холодную зиму под присмотром человека с достаточным количеством сена. В досоветский период сельская семья откочевывала в сайылык, а зимой в кыстык². В современной Якутии, увы, не все семьи живут, придерживаясь традиционного ритма. Но, несмотря на это, сезонные сельскохозяйственные работы до сих пор определяют повседневность сельской семьи. Экстремальные температуры, тяжелый рискованный труд в тайге, где малейшая ошибка может стоить жизни. Такая ситуация обостряется зимой, и люди ограничивают посещение леса, дальних аласов³ практически до полной остановки. Имеются только единичные случаи, когда только мужчины – промысловые охотники, коневоды, оленеводы – посещают эти места.

Так якутская природа до сих пор сохраняет устоявшийся с древности ритм жизни и заполняет традиционными смыслами окружающее пространство, "очищая" от людей окружающий мир, в котором мы живём. Окружающий человека мир опять заполняется архаичными символами и становится жилищем иччи⁴ или злых демонов – абааһы. Таким образом суровая якутская природа сохраняет сакральные смыслы (мифы, легенды, верования) в повседневной жизни человека.

Если частный мир сельской семьи – это свой двор, алас и окружающий лес, то жизненное пространство городской семьи начинается со входной двери в квартиру в многоквартирном доме. В городских условиях человек сам создаёт и внедряет в "бездушное", "пустое" место понятную для него сакральность пространства. Этнофор (носитель этнической культуры) начинает обставлять

² Сайылык (якут.) – летние пастбища, летники. Кыстык (якут.) – зимние жилища, места зимовки

³ Алас (якут. алаас) – таёжные, термокарстовые образования, с озером посередине и степной растительностью вокруг озера.

⁴ Иччи (якут. иччи) – буквально дух, хозяин.

квартиру мебелью, посудой, на которой нанесены традиционные узоры. Этнический маркер помимо узоров также может носить внешняя форма вещей. Сейчас особой популярностью пользуется домашняя посуда, декоративные керамические изделия, стилизованные под разные общепонятные для народа саха формы: посуда в форме сэргэ⁵, зимней юрты, камелька и др. Существует ряд компаний, занимающихся как раз производством и сбытом керамических изделий.

Одним из крупных предприятий, которое использует этническую тематику для своей работы, является компания "Камелек", существующая с 2005 г. "За все эти годы [компания] выпустила тысячи экземпляров красивой посуды, начиная с традиционной утвари: чоронов, кытыйа, заканчивая уникальными, красивейшими сервизами. На волне подъёма национального самосознания появился интерес к своему, родному, люди захотели строить якутские балаганы, обустраивать интерьер в якутском стиле, поэтому неудивительно, что под всё это необходимыми стали и бытовая утварь, посуда, текстиль. Потом всё это перенесётся и в другие сферы: детские вещи, молодёжную модную одежду, бижутерию, аксессуары" [9].

Ольга Григорьева, предприниматель, директор компании "Камелек", занимающейся продажей товаров из керамики, фарфора, дерева и других натуральных материалов, в своём интервью чётко обозначила основные предметы современной материальной культуры саха, которые могут играть роль маркеров этнокультурной идентичности в повседневной жизни. Функционально их можно разделить на две группы: предметы, которые используются в быту постоянно, и предметы, используемые редко, в определённое время (например, по праздникам или значимым семейным датам).

К постоянно используемым в быту предметам можно отнести мебель, инструменты, посуду, повседневную одежду, игрушки, бытовую технику. Здесь этничность вещи ярко представлена в нанесённых на нее традиционных узоров или аппликаций, а также в их функциональном назначении. Например, практически у каждой городской семьи в квартирах есть якутский нож, деревянные мутовки для сбивания сливок, керамические и деревянные чороны, наборы стилизованной якутской посуды на разное количество персон. Некоторые виды посуды, традиционно сделанные из дерева, представлены в керамическом виде, которые помимо родной формы украшены якутскими узорами. Функция керамического чорона практически не поменялась, из него пьют традиционные кисломолочные продукты (кымыс, быырпах) на праздниках, торжественных мероприятиях. Мужчина в селе всегда при выходе из дома на работу или охоту берет с собой нож.

Следующая категория предметов представлена вещами, которые используются по значимым семейным датам, праздникам различного уровня. Прежде всего, в эту группу входят традиционный костюм и его отдельные элементы (*кур* – якутский наборный пояс, *дэйбиир* – комаромахалка из хвоста лошади, *кыл сэлэппэ* – шляпа, сумки, украшения, обувь и пр.). Так, например, зачастую прямо при входе в квартиру висит комаромахалка, на специальных полках или в специально отведённых местах хранится праздничная посуда, выполненная в традиционной форме. При личной беседе с хозяевами квартиры, комаромахалке придают функции оберега, очищения пространства. Хозяева могут подолгу рассказывать, когда они его получили в подарок (ценятся именно как дар, сделанный во время свадеб, юбилеев и пр.) или где купили, кто мастер, во время каких праздников выносят из дома, как элемент традиционного костюма.

Из новых предметов можно отметить специальные сосуды для хранения пуповины новорожденного. Сделаны они в форме воронов с крышками виде урасы⁶, украшены традиционными якутскими узорами. Маленькие копии традиционных камельков, выполняющих роль своеобразных алтарных дымокуров. Они сделаны из глины, украшены традиционными узорами. Камельки имеют стилизованные лица старика, духа-хозяина огня Хатан Тэмиэрийэ. Все

⁵ Сэргэ (якут. сэргэ) – коновязь, ритуальный деревянный столб.

⁶ Ураса (якут. ураһа) – традиционное летнее жилище якутов. Построено из жердей, бересты в форме конуса

эти предметы хранятся в отдельном месте, и считается, что они оберегают семью от зла и напастей.

Дополним, что местные фирмы, магазины, занимающиеся продажей одежды, выходят на производителей и договариваются о том, чтобы на повседневную одежду и аксессуары наносили якутские узоры. Так появляются современные футболки, спортивные костюмы, кепки с якутскими узорами. Эту одежду охотно носят, не взирая на возраст и пол.

Особой ценностью, конечно, пользуются серебряные украшения. В Якутии работают свыше 30 ювелирных компаний, которые занимаются производством традиционных украшений, создают предметы роскоши. Главным материалом является в основном серебро, которое традиционно считается "чистым" металлом у саха. Также популярны изделия из мамонтовой кости, различных драгоценных и полудрагоценных камней. Распространены вещи и предметы, инкрустированные серебром и золотом. Такие предметы показывают статус хозяина, его благосостояние, идентифицируются владельцами как обереги.

Таким образом, всё вышеуказанное даёт возможность и горожанам, и сельским жителям называть окружающие их предметы, личные вещи "сахалы куттаах" – вещи с якутской душой. Повседневный мир, быт современных саха заполнен не только унифицированными вещами современных россиян, которые можно купить в магазинах, заказать в интернете, но также предметами и вещами, которые сохранили свою традиционную форму и смысловую нагрузку. Характерно, что личные вещи, предметы обихода поменяли материал, из которого они сделаны, способы их создания. Например, керамические, фарфоровые чороны. Современные саха имеют чёткое понимание символического и функционального назначения любого предмета с этническим маркером "якутский", "сахалы". При этом не так важно, исконно этот предмет или личная вещь является частью традиционной культуры или это новодел, продукт мировых торговых компаний.

Заключение

В целом нами сделана попытка раскрыть два основных проявления этничности в повседневной городской жизни в Якутии: через муралы – монументальное искусство, представленное непосредственно в городской среде, и через отдельные предметы быта, личные вещи. Все они на сегодняшний день являются инструментами, с помощью которых современные саха сохраняют свои традиции, передавая значимость древних форм, смыслов и символов новым вещам и предметам, появившихся в условиях культурной глобализации и урбанизации.

Одной из основных задач муралов в Якутске является формирование коллективной памяти у горожан – чувства "сопричастности" к общему прошлому, одной культуре. В XXI в., когда вопрос этнокультурной идентичности в России вышел на первое место, муралы стали одним из основных инструментов для трансформации городской среды, общественного и частного пространства. Через муралы, монументальную живопись и городской стрит-арт современные саха "осваивают" новую среду – нетипичную для традиционной культуры жизнеобеспечения скотоводов.

Предметы повседневного обихода приобретают частную и общепринятую смысловую нагрузку (узоры, формы, функциональное содержание). Предметы, монументальные архитектурные произведения искусства, этнически маркированные (узоры, формы, функции), вкрапленные в окружающий городской и сельский ландшафт, имеют глубокий смысл и значение для современных саха. Главное то, что они являются инструментами для выражения этнокультурной идентичности народа. Предметы и личные вещи, которые маркированы как "якутские", "традиционные", дают возможность человеку найти опору в современном многомерном мире.

Литература

1. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69–80.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Винокурова Л. И. Фактор холода в Якутии и сельские повседневные практики // Цивилизационные аспекты развития арктических регионов России: сборник статей по итогам II научно-практической конференции. М.: Институт мировых цивилизаций, 2021. С. 88–98.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
5. Жамбалова С. Г. Ольхон в XXI веке: традиции и инновации в системе жизнеобеспечения населения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 57–66.
6. Захарова Е. Кыыдаана Игнатьева: "Все мои работы – симбиоз одного вдохновения" // Улус Медиа: [новостной интернет-портал]. URL: <https://ulus.media/2023/07/09/kyydaana-ignatieva-vse-moi-raboty-simbioz-odnogo-vдохновения/> (дата обращения: 16.09.2023).
7. Игнатьева В. Б., Маклашова Е. Г., Томаска А. Г. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Новосибирск: Наука, 2022. 296 с.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2003. 212 с.
9. Ольга Григорьева: "В производстве якутской посуды начинается новый этап" // Мой бизнес: [портал малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия)]. URL: <https://мойбизнес14.pf/news/olga-grigoreva-v-proizvodstve-yakutskoj-posudy-nachinaetsya-novyy-etap/> (дата обращения: 16.09.2023).
10. Подойницына И.И. Мультикультурализм и культурная глобализация в шведском и якутском вариантах (опыт компаративного исследования) // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 139–158.
11. Романова Е. Н. Ландшафт в культуре памяти // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (5). С. 93–98.
12. Якутские чороны: традиции и современность // Симэх [Национальный центр народного прикладного искусства и художественных промыслов]. URL: <https://simekh-sakha.com/yakutskie-choronyi-traditsii-i-sovremennost/> (дата обращения: 16.09.2023).

References

1. Bauman Z. The dispute about postmodernism // Sociological Journal. 1994. № 4. P. 69–80 (In Russ.).
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
3. Vinokurova L. I. The cold factor in Yakutia and rural everyday practices Civilizational aspects of the development of the Arctic regions of Russia // Materials of the II scientific and practical conference: collection of articles. Moscow: Institute of World Civilizations, 2021. P. 88–98. (In Russ.).
4. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / trans. from French, compilation, afterword and notes by A. B. Hoffman. Moscow: Canon, 1995. 352 p. (In Russ.).
5. Zhambalova S. G. Olkhon in the XXI century: traditions and innovations in the life support system of the population // North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2020. № 3 (32). P. 57–66. (In Russ.).
6. Zakharova E. Kyйдаана Ignatieva: "All my works are a symbiosis of one inspiration" // Ulus Media. URL: <https://ulus.media/2023/07/09/kyydaana-ignatieva-vse-moi-raboty-simbioz-odnogo-vдохновения/> (accessed 16.09.2023) (In Russ.).
7. Ignatieva V. B., Maklashova E. G., Tomaska A. G. Ethnosocial processes in Yakutia: modern perspective and development prospects. Novosibirsk: Nauka, 2022. 296 p. (In Russ.).
8. McLuhan M. Understanding Media: External human extensions / translated from English by V. G. Nikolaeva. Moscow: Kuchkovo field, 2003. 212 p. (In Russ.).
9. Olga Grigorieva: "A new stage begins in the production of Yakut dishes" // My business. URL: <https://мойбизнес14.pf/news/olga-grigoreva-v-proizvodstve-yakutskoj-posudy-nachinaetsya-novyy-etap/> (accessed 16.09.2023) (In Russ.).
10. Podojnicyna I.I. Multiculturalism and Cultural Globalization in Swedish and Yakut variants (comparative research experience) // Nauchnyj dialog. 2015. № 1 (37). S. 139–158. (In Russ.).
11. Romanova E. N. Landscape in the culture of memory // Arctic XXI century. Humanities. 2015. № 2 (5). P. 93–98. (In Russ.).
12. Yakut chorons: traditions and modernity // Simekh [National Center of Folk Applied Arts and Crafts]. URL: <https://simekh-sakha.com/yakutskie-choronyi-traditsii-i-sovremennost/> (accessed 16.09.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия; научный сотрудник Лаборатории «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the author

Aytal I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Researcher, Laboratory "Man in the Arctic", Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Поступила в редакцию 20.09.2023

Received 20.09.2023

Одобрена после рецензирования 15.11.2023

Approved 15.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Развитие российско-китайского стратегического партнерства на современном этапе в свете визита Си Цзиньпина в Россию: региональный аспект

Алексей Александрович МАСЛОВ
Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия, office@iaas.msu.ru
Диана Альбертовна ВЛАДИМИРОВА
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vkadimirova.da@dvfu.ru
Оксана Витальевна ЛОБОДА
Дальневосточный юридический институт МВД России;
Приморское отделение Российского Общества Политологов,
Владивосток, Россия, tenderspike@mail.ru
Сергей Александрович ИВАНОВ
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, isaras9@outlook.com
Сергей Маратович СМІРНОВ
Морской государственный университет им. адм. Г.И.Невельского, Владивосток, Россия, ssmirnov@msun.ru
Максим Александрович МИНЕНКО
ООО "ЛТ Агро трейд", Владивосток, Россия, Ruse08@mail.ru
Алексей Викторович ДЫШИН
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dyshin.va@dvfu.ru
Виктор Алексеевич БУРЛАКОВ
Дальневосточный федеральный университет;
Дальневосточный юридический институт МВД России;
Приморское отделение Российского Общества Политологов,
Владивосток, Россия, burlakov.va@dvfu.ru
Петр Юрьевич САМОЙЛЕНКО
Дальневосточный федеральный университет;
Приморское отделение Российского Общества Политологов, Владивосток, Россия, samoylenko.pyu@dvfu.ru

Ключевые слова: российско-китайские отношения, Дальний Восток, стратегическое партнерство, Си Цзиньпин, приграничные связи

Для цитирования: Маслов А. А., Владимирова Д. А., Лобода О. В., Иванов С. А., Смирнов С. М., Миненко М. А., Дышин А. В., Бурлаков В. А., Самойленко П. Ю. Развитие российско-китайского стратегического партнерства на современном этапе в свете визита Си Цзиньпина в Россию: региональный аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 52–66. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/52-66>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/52-66>

Development of Russian-Chinese Strategic Partnership at the Present Stage in the Context of Xi Jinping's Visit to Russia: Regional Aspect

Alexej A. MASLOV
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, office@iaas.msu.ru
Diana A. VLADIMIROVA
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vkadimirova.da@dvfu.ru
Oksana V. LOBODA
Far Eastern Institute of Law Education of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Primorsky Branch of Russian Society of Political Scientists
Vladivostok, Russia, tenderspike@mail.ru
Sergei A. IVANOV
Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, isaras9@outlook.com
Sergej M. SMIRNOV
Maritime State University named after adm. G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia, ssmirnov@msun.ru
Maxim A. MINENKO
"LT Agro Trade" LLC, Vladivostok, Russia, Ruse08@mail.ru
Alexej V. DYSHIN
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dyshin.va@dvfu.ru
Viktor A. BURLAKOV
Far Eastern Federal University;
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Primorsky Branch of Russian Society of Political Scientists
Vladivostok, Russia, burlakov.va@dvfu.ru
Petr Yu. SAMOILENKO
Far Eastern Federal University;
Primorsky Branch of Russian Society of Political Scientists
Vladivostok, Russia, samoylenko.pyu@dvfu.ru

Key words: *Russian-Chinese relations, Russian Far East, strategic partnership, Xi Jinping, cross-border relations*

For citation: Maslov A. A., Vladimirova D. A., Loboda O. V., Ivanov S. A., Smirnov S. M., Minenko M. A., Dyshin A. V., Burlakov V. A., Samoilenko P. Yu. Development of Russian-Chinese Strategic Partnership at the Present Stage in the Context of Xi Jinping's Visit to Russia: Regional Aspect // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 52–66. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/52-66>

В марте 2023 г. состоялся государственный визит Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина в Москву. В мае Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин посетил Китайскую Народную Республику с официальным визитом. Данные события можно рассматривать в качестве важной вехи в укреплении российско-китайских отношений.

Прошедший 20 июня 2023 г. на базе Приморского отделения Российского общества политологов и кафедры Тихоокеанской Азии ВИ-ШРМИ ДВФУ при участии журнала "Ойкумена" круглый стол был посвящен рассмотрению будущих перспектив и трендов развития стратегического партнерства двух великих держав, а также определению места и роли российского Дальнего Востока в этом процессе.

Самойленко П.Ю.: Уважаемые участники, всем добрый день, мы готовы начинать нашу работу. Круглый стол "Развитие российско-китайского стратегического партнерства на современном этапе" организован Приморским региональным отделением Российского Общества Политологов, кафедрой Тихоокеанской Азии ВИ-ШРМИ ДВФУ и редакцией регионоведческого научного журнала "Ойкумена". Я сегодня выступаю модератором нашего мероприятия и надеюсь, что в рамках докладов и дискуссии мы затронем широкий спектр тем, в том числе имеющих междисциплинарный характер, касающихся двусторонних отношений на современном этапе. В условиях массовых западных санкций против России и схожего санкционного давления на КНР многие аспекты двусторонних отношений могут иметь новое прочтение. Это и проблемы стратегического партнерства двух стран, их влияние на трансформацию современной архитектуры международной и региональной безопасности, внешнеэкономическое и инвестиционное сотрудничество, проблемы гуманитарного взаимодействия и развития востоковедческого образования в соответствии с актуальными задачами сегодняшнего дня и меняющейся международной конъюнктурой. Существенно и влияние двусторонних отношений на приоритетные проекты ускоренного развития российского Дальнего Востока и его активную интеграцию с ведущими экономиками АТР, в том числе преференциальные режимы Территорий опережающего развития (ТОР), Свободного порта Владивосток (СПВ), Специального административного района (САР) на острове Русском, трансграничной логистики через регионы Дальневосточного федерального округа. Все это мы и будем обсуждать сегодня. Первое слово предоставляется одному из организаторов мероприятия, заведующей кафедрой Тихоокеанской Азии ВИ-ШРМИ ДВФУ Диане Альбертовне Владимировой.

Владимирова Д.А.: Уважаемые коллеги! Весна была чрезвычайно насыщена двусторонними визитами правительственных делегаций КНР и РФ. Основная цель, как нам видится, это подтверждение стратегического партнерства и укрепление экономических связей. Особое внимание привлекает участие российской делегации в бизнес-форуме в Шанхае, который открылся 23 мая. Российская и зарубежная пресса по-разному оценивают результаты визита российской делегации во главе с премьер-министром М. Мишустиним. Российская газета "Ведомости" сообщает о несостоявшейся встрече М. Мишустина с его визави премьером Госсовета Ли Кэцяном. Однако им всё же удалось встретиться в Пекине, заметим, что состоялась деловая встреча М. Мишустина и Председателя КНР Си Цзиньпина.

Агентство Bloomberg News сообщило, что на российско-китайский бизнес-форум были приглашены российские бизнесмены, находящиеся под западными санкциями – из таких отраслей, как производство удобрений, сталелитейная и горнодобывающая промышленность.

Хун Юн, эксперт аналитического центра по цифровой интеграции, в интервью Global Times от 23 мая сказал, что Шанхай был выбран местом

проведения китайско-российского бизнес-форума, вероятно, из-за его важной позиции в китайско-российском экономическом сотрудничестве: "Будучи крупнейшим экономическим центром Китая, Шанхай имеет сильное присутствие в сфере торговли, финансов и логистики. Кроме того, Шанхай является важным окном для реформ и открытости Китая и имеет тесные культурные и межличностные связи с Россией". По данным Шанхайской муниципальной комиссии по коммерции, объем импортно-экспортной торговли Шанхая с Россией значительно вырос с 28,045 млрд юаней в 2015 г. до 60,889 млрд юаней в 2022 г. В период с 2013 по 2022 гг. в Шанхае было создано 602 новых российских проекта с совокупным фактическим объемом инвестиций в 110 млн долларов США.

В ходе российско-китайского бизнес-форума были озвучены уже имеющиеся результаты двустороннего сотрудничества и перспективы на ближайшее будущее. По-прежнему Россия делает ставку на импорт энергетических ресурсов, по сообщению агентства Bloomberg News на февраль месяц, импорт вырос до 88 млрд. долларов. Ожидается рост поставок российских энергоносителей в Китай примерно на 40 процентов.

Во время своего визита в Китай российский премьер-министр продолжил продвигать соглашение по газопроводу "Сила Сибири-2". После завершения строительства Россия будет поставлять в Китай 50 миллиардов кубометров газа в год через территорию Монголии. В прошлом году по газопроводу "Сила Сибири-1" в Китай было поставлено 15,5 млрд. кубометров газа. Ожидается, что к 2025 г. объём газа, поставляемого Россией в Китай, увеличится до 38 миллиардов кубометров. Если строительство газопровода "Сила Сибири-2" будет завершено, ожидается, что к 2030 г. объем поставок российского газа в Китай достигнет 98 миллиардов кубометров.

Выступая на форуме, М. Мишустин сказал: "Я уверен, что в этом году мы сможем выполнить поставленную главами двух государств задачу – довести объем торговли между двумя странами до 200 миллиардов долларов США". При этом необходимо отметить, что товарооборот между нашими странами – это всего лишь 2% от общего товарооборота КНР.

На фоне неплохих перспектив двустороннего сотрудничества встает вопрос – насколько в этот процесс будет интегрирован российский Дальний Восток? Пока мы можем лишь говорить о стабильных гуманитарных связях: обмены студентами, совместные конференции, приём студентов на платное обучение в ВУЗы РДВ, аспиранты, желающие защититься в нашей стране, музейные выставки и др. Но и здесь не всё так благополучно, как хотелось бы. По личному наблюдению, могу отметить, что в наши ВУЗы едут не самые талантливые студенты (но такие есть!), около 20% китайских студентов – полный "балласт", не знающие и не овладевшие русским языком, не пытающиеся адаптироваться к новым социокультурным реалиям.

Возможно, если малый и средний бизнес РДВ расширит свое сотрудничество с КНР, то и в области образования произойдут качественные изменения.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, уважаемые коллеги, есть ли вопросы?

Бурлаков В.А.: А как сегодня действует Китай – ведь это у нас часто принято торопиться, а в их культуре, напротив, многие решения постепенны, расчетливы, стоит ли нам ожидать быстрой реакции в таких новых условиях?

Владимирова Д. А.: Да, действительно, китайцам не присуща такая "спешка". Китай традиционно выжидателен, поэтому вряд ли мы можем ожидать каких-то скоропалительных решений и действий... Но перестраиваться и вести себя по-другому, безусловно, нужно...

Самойленко П.Ю.: Спасибо за исчерпывающий ответ, слово предоставляется Алексею Александровичу Маслову.

Маслов А.А.: Уважаемые коллеги! То, что сейчас происходит в развитии наших отношений с Китаем, во многом неэффективно, потому что у нас многие оценивают двухстороннее сотрудничество в координатах "за нас" или "против нас", Китай же очень прагматичен, сдержан и старается получить максимум выгоды.

Главный вопрос для них не торговля, а надежное долговременное политическое партнерство, ведь Китай в настоящее время строит свою модель мирового влияния на основе контроля финансовых потоков, международного

банкинга, выстраивает свою мировую логистику. Проблема Китая сегодня и в том, что старая модель развития "по Дэн Сяопину" себя уже исчерпала, и Китая, который был еще лет десять назад, уже не будет, в том числе и в наших отношениях.

Новая китайская модель основана на высоких технологиях и экспорте капитала. Он сталкивается с санкциями и противодействием, но упорно движется по этому пути. По этой модели Китай рассчитывал превратиться в высокотехнологичную державу за 10-15 лет, но жизнь внесла свои коррективы, и теперь наша страна стала быстро встраиваться в китайские модели развития – "Один пояс – Один путь", международную логистику, поскольку стала распадаться выстраиваемая Китаем стратегия работы с Европой, к примеру, модель "17 восточноевропейских государств + КНР". От Китая начинает отворачиваться Запад, и перед Поднебесной встает выбор между попытками дальнейшей работы с западными экономиками и пророссийским нейтралитетом. И сегодня мы видим, что геополитически Китай уже стоит именно на этих позициях, и партнерство наших стран развивается.

Но если мы спускаемся на уровень экономики и бизнеса, то видим, что тут ситуация принципиально иная. Объявив "Разворот на Восток", мы не подтянули интеллектуальные "резервы обеспечения". Наш бизнес привык работать с западными партнерами, а с работой на Востоке нужны принципиально иные подходы. И то, что хорошо смотрелось как теоретическая модель на бумаге, в реальной жизни смотрится плохо. Мы регулярно даем свои прогнозы и экспертные оценки широкому кругу заказчиков – и государственным структурам, и бизнесу, это все делается. И в этой ситуации мы как раз сталкиваемся с тем, что требуется принципиально иное качество "человеческого материала". Нужен подробный мониторинг того, что происходит в Китае, обработка гигантского объема информации, больших данных по этому направлению. Это показывает статистика. К примеру, суммарный объем наших инвестиций в Китай с начала 90-х годов – порядка 40 миллиардов долларов. Это столько, сколько Китай сегодня в год вкладывает в США или европейские экономики. Мы пока реально не готовы к обслуживанию таких объемов реального сотрудничества в двухсторонних отношениях.

Сегодня Китай вкладывает капитал либо в стратегически важные ресурсы, либо покупает известные, раскрученные бренды всемирно известных компаний, либо инвестирует в инфраструктуру – к примеру, в морские порты на стратегически важных для логистики направлениях, в дороги и коммуникации. В этом плане отдельные наши проекты, к примеру "Ямал-СПГ", которые с участием китайцев "пошли" очень хорошо. Но в целом, исходя из таких стратегических геоэкономических интересов Китая, мы у себя в России мало что можем предложить. Китай приходит на что-то готовое – и докапитализирует, доразвивает. А у нас в этом смысле ему нечего делать – дороги мы не продаем, порты тоже редко, известных с мировым именем компаний "на продажу" у нас, в общем-то, тоже нет. Там, где возможно, – как "Роснефть", в которую частично вложился Китай, – это уже сделано. Поэтому большого объема реально интересных для китайского бизнеса и государственных хозяйствующих субъектов бизнес-предложений и инвестиционных проектов у нас почти нет.

Аналогичная картинка складывается и когда наш бизнес сегодня идет в Китай – попытки просто что-то продавать туда экспортом или найти там просто делового партнера – это работает, но малоэффективно, это уровень 1990-х годов. Китайская экономика сегодня работает принципиально по-другому, это надо изучать. Российская агропродукция, российский биофарм и некоторые другие направления – это разумно и перспективно для сотрудничества, но это надо "докручивать" в рамках процедурных аспектов бизнес-сотрудничества.

Наша задача сегодня, – по сути, работать по китайской модели, которую начали "обкатывать" в эпоху Дэна Сяопина – "рынок в обмен на технологии". Не нужно просто импортировать китайскую продукцию, нужно получать технологии, добиваться того, чтобы они учили наш персонал и добавленная стоимость образовывалась здесь. Поскольку мы не можем конкурировать с Китаем по себестоимости производства и издержкам, то необходимо переходить всем на вертикально-ориентированный бизнес, когда мы им даем сколько-то процентов капитала нашей компании, а они нас впускают в свой ритейл на опре-

деленную долю рынка. Возникает четкая взаимосвязанная система сдержек и противовесов, где все выигрывают только когда работают вместе, формируется синергия. Этого пока мало, нет опыта.

Успешно у нас с Китаем сегодня работает либо малый бизнес на уровне приграничного сотрудничества, и бесценный опыт тут накоплен как раз на Дальнем Востоке, либо, напротив, крупные национальные корпорации. А вот средний бизнес как раз пока не у дел. В целом критически важный момент сегодня – это именно интеллектуальное обеспечение российско-китайских, равно как и российско-азиатских отношений в целом, по ключевым направлениям – и бизнес, и гуманитарное сотрудничество. Тем более что впереди нас ждут очень серьезные испытания. Если сегодня мы не подготовим специалистов, которые смогут работать с современным Китаем, будут знать в режиме реального времени как он меняется, то в будущем мы так и не сможем выйти из складывающейся "ловушки сотрудничества", когда у нас банально нет кадров и интеллектуальных ресурсов для обслуживания растущих объемов партнерства и реализации практических проектов.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, Алексей Александрович, у меня с ходу есть вопрос: насколько сегодня политическое сближение с Китаем и стратегическое партнерство могут повлечь за собой экономическую интеграцию, ведь кроме общего роста сальдо внешней торговли мы пока не видим серьезных изменений?

Маслов А.А.: Да, Вы правы, Китай действительно четко отделяет политику от экономики, и прежде всего нам самим нужно стремиться следить за изменениями в Китае и использовать их в своих национальных интересах, в том числе в сфере бизнеса и инвестиций. Прежде всего, надо понимать, как работать с деловым Китаем, как "упаковывать" проекты, как предлагать реально интересные Китаю бизнес-планы – с этим пока проблемы. Основная из них – отсутствие практики у многих российских компаний, хотя китайский рынок для них не закрыт, но нужно четко понимать особенности. Хороший пример – опыт европейского и американского бизнеса, который интегрировался на китайский рынок еще в 1980-е – 1990-е годы институционально, не как товары, а как партнеры и бизнес-единицы. И это во многом работает вне зависимости даже от политического диалога конкретного момента – пример тому это китайско-американские отношения.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, коллеги есть еще вопросы?

Владимирова Д. А.: Алексей Александрович, а что на Ваш взгляд нужно делать в сфере востоковедческого образования, что менять в методологии, ведь все движется, и эту "машину" нужно перезапустить очень быстро?

Маслов А.А.: Сегодня нужно готовить не просто специалистов с языком и со знанием географии Китая, как было долгое время, нужно готовить синологов, знающих, что в режиме реального времени меняется в Поднебесной – как трансформируются элиты, как они мыслят и принимают решения, какие манеры в бизнесе, где центры принятия решений и в чем их специфика. Сегодня мы ожидаем, что в скором времени у нас в стране будет принята государственная программа поддержки востоковедения и африканистики, и мы возлагаем определенные надежды на нее. Основная надежда сегодня на основные центры востоковедения уже сложившиеся – в Москве, Санкт-Петербурге и Владивостоке. Нужны совместные семинары, сетевые программы, постоянный обмен данными и более активная работа в Китае. Главная задача – открыться внешнему миру и интегрироваться с меняющейся Азией. Надо заново отстраивать систему подготовки, и сразу же по ходу процесса отлаживать ее – за 5–7 лет мы справимся.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, слово предоставляется представителю академической науки – Сергею Александровичу Иванову.

Иванов С. А.: Уважаемые коллеги! В первой половине 2010-х годов я интенсивно занимался российско-китайскими приграничными связями и для этого мероприятия опять погрузился в эту проблематику. В связи с этим мне, с одной стороны, легко к ней подступиться. С другой – уже начав анализировать эмпирику, я испытал разочарование из-за того, как мало изменилось в приграничье двух стран, несмотря на глобальные изменения, которые пришли с пандемией и затем конфликтом на Украине. Я увидел нарастание тех тенденций, которые начались еще в конце 2000-х годов, когда усиливающаяся

яся политическая централизация и консолидация бизнеса привели к вытеснению локальных акторов политическими игроками более высокого уровня и крупными корпорациями, интерес которых никак не связан с развитием юга Дальнего Востока. Например, такие проекты развития приграничных территорий, как "ПТЭК Пограничный-Суйфэнхэ", окончательно уступили место обсуждению возможностей участия приграничья в больших проектах вроде проекта "Один пояс – один путь" или политики "Разворота на Восток". Можно возразить, что это положительная тенденция – репутация нереализованного ПТЭК крайне сомнительна. Однако он хоть как-то был связан с местной экономикой, в случае же с повестками национального уровня и регионального охвата (китайский ОПОП или российский поворот на Восток) до сих пор не понятна их связь с экономикой приграничных регионов.

Уже в начале 2010-х годов российский дискурс о развитии приграничных связей стал напоминать китайский: трансграничные проекты росли как на дрожжах, но не доходили до реализации. Сейчас ситуация усугубляется тем, что у нас совсем нет данных о том, что делается реально, а что остается на бумаге. Объективные статистические данные отсутствуют как с российской, так и с китайской стороны. Ситуация с информацией о конкретных проектах двухстороннего сотрудничества в приграничье немного лучше – проекты появляются в информационном пространстве, затем исчезают.

Несмотря на эту информационную пустоту, на уровне официального и экспертного дискурса в России мы видим однозначное воодушевление от перспектив сотрудничества с КНР в условиях санкций. Это воодушевление, которые нам объективно сложно подтвердить фактами и цифрами, задает две тенденции – инфляцию политических ожиданий и девальвацию капиталистической ценности двусторонней кооперации. Под первым я понимаю распространенные сейчас лозунги и идеи, что Китай нас спасет и является хорошей альтернативой сотрудничеству с Западом. В тактическом плане это так – можно переориентировать часть потоков, пусть и с экономическими издержками для большинства товаров. Но в стратегическом плане мы явно проигрываем. Если исходить из истории приграничных связей, то китайские партнеры – это достаточно сложные партнеры, которые удачно используют ситуации монополии, т.е. преимущества одного покупателя. Одновременно Китай – это объективно более объемная экономика количественно и более сложная качественно, чем российская. Инфляция политических ожиданий предлагает не замечать этих нюансов, и это опасно, т.к. в конечном счете завышенные ожидания приведут к разочарованию, которое может в очередной раз вылиться в актуализацию представлений о китайской угрозе.

Параллельно мы наблюдаем девальвацию капиталистической ценности двусторонней кооперации. Под этим я подразумеваю нежелание видеть в бизнесе собственно бизнес и прибыль как главный драйвер экономического сотрудничества. Так, приглашение китайских инвесторов к строительству портовой и дорожной инфраструктуры – это старая практика в деятельности региональной бюрократии. Проблема в том, что для таких проектов нет ни технико-экономических обоснований, ни политических гарантий для участия иностранцев в реализации проектов базовой инфраструктуры. Еще более утопичным выглядит предложение о создании высокотехнологичных производств в Приморье на границе с Китаем – ни юг Дальнего Востока России, ни Северо-Восток Китая не являются регионами с достаточной высокотехнологичной и даже индустриальной базой для создания соответствующего кластера на границе. Одновременно можно заметить, что в ключевых отраслях Приморья – лес, рыба, логистика – китайские компании не приветствуются. Они здесь представлены как покупатели (иногда с функцией первичной переработки сырья, как в лесной отрасли), но не более того.

В целом подытожу: меня сильно настораживают текущие тенденции развития приграничных связей России и Китая, когда на фоне все большей закрытости информации в экспортном и официальном дискурсах формируются завышенные ожидания от Китая и стремление отождествлять успехи политического диалога с реальным экономическим взаимодействием.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, уважаемые коллеги, есть ли вопросы?

Бурлаков В.А.: Не кажется ли Вам, что, рассматривая сотрудничество России и Китая на региональном уровне, в приграничных форматах, мы опять

же сталкиваемся с той проблемой, которую недавно обозначил Алексей Александрович Маслов – по факту на уровне региональных администраций или правительств нет управленцев, обладающих необходимыми компетенциями, способными разрабатывать и предлагать грамотные решения или как минимум привлекать для этого профессиональных экспертов? Именно поэтому, наверное, на уровне заявлений чиновников и циркулируют одни и те же или по крайней мере очень схожие идеи десятками лет, и они не реализуются?

Иванов С.А.: Да, Вы, безусловно, правы. Исходя из моего опыта общения, могу сказать, что, действительно, физически там нередко нет специалистов соответствующего уровня. Но дело даже не в этом – на уровне края виды высокодоходного бизнеса, такого как логистика или добыча леса, централизованы, нередко аффилированы с властью и поэтому стремиться вырабатывать какие-то стратегии сотрудничества с Китаем собственники не особо торопятся.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, следующий выступающий у нас – Виктор Алексеевич Бурлаков.

Бурлаков В.А.: Уважаемые коллеги! Взаимодействие Китая и России интересует меня, прежде всего, в контексте мировых политических процессов, а не в форме двустороннего сотрудничества. В этой связи остановлюсь на нескольких ключевых тезисах.

Во-первых, после 24 февраля 2022 г. международно-политическая ситуация существенно изменилась, причем вне зависимости от того, как закончится Специальная военная операция, позиции России (даже в каких-либо общих чертах) не вернутся в то состояние, в котором были до этого. Выстраивать новые отношения со странами Европы и Северной Америки придется с очень низкого уровня. В будущем российская сторона, вероятно, сможет отчасти нивелировать негативные последствия нынешней политики на уровне двусторонних контактов, но общее мнение "коллективного Запада" в отношении России будет оставаться настороженным еще продолжительный период времени. Общим фоном будут сохраняющиеся экономические и политические санкции, которые, как известно, всегда проще ввести, чем потом отменить, а также в целом негативное европейское и американское общественное мнение, которое сегодня активно вздабривается пропагандой. В этом случае делать ставку на полноценное развитие отношений России со "странами Запада" в обозримой перспективе не представляется возможным.

Во-вторых, ярко вырисовывается тенденция, о которой уже говорил Алексей Александрович, а именно: претензии Китайской Народной Республики на роль мировой державы и важнейшего игрока мировой политической системы. Учитывая экономический потенциал страны, усилия КНР в данном направлении выглядят вполне естественными. Однако этот подход к внешней политике противоречит заветам Дэн Сяопина о том, что Китай должен "держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное". Иными словами, происходит не смена внешнеполитического курса, а смена внешнеполитической парадигмы, общего понимания построения отношений КНР с остальным миром. Китайские интересы уже не ограничиваются сопредельными регионами, а простираются практически во все точки земного шара. Страна активно включается в мировые политические процессы, и в некоторых случаях добивается успеха. К числу последних успехов внешнеполитического ведомства КНР можно отнести посредничество при примирении между Ираном и Саудовской Аравией в марте этого года. А также мирный план разрешения российско-украинского конфликта. Последний, к сожалению, не был реализован, но стал важной альтернативой "западному" варианту урегулирования.

На данном пути КНР уже столкнулась с серьезными вызовами. Нарастание усилий в одном векторе неизбежно приведет к усилению противодействия. Будет ли Китай готов двигаться в направлении пересмотра своей внешней политики до конца? Если же учесть, что потенциально конфликтогенных точек соприкосновения Китая с внешним миром хватает, то предсказать возможность вооруженного противостояния не представляет труда.

И в-третьих, в данных обстоятельствах у России появляется собственное поле для политического маневра. Кажется, что набор возможностей ограничен. С одного края спектра находится вариант возможно быстрого разрешения конфликта на Украине и начало поиска "*modus operandi*" с Западом

(может быть, даже путем существенных уступок). С другого края – полная ориентация на Восток и, прежде всего, на Китай. Однако ситуация не так однозначна. Сегодня многие европейские страны не готовы полностью закрывать двери для сотрудничества с Россией, особенно когда дело касается экономических предпочтений. Китай же, демонстрируя свое политическое благорасположение к России, до сих пор четко не определил своего отношения к нашей стране. Российско-китайское сотрудничество остается во многом ситуативным, то есть не как долгосрочная стратегия, а как реакция на изменения положения в мировой политической системе.

В этом случае и государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву, и ответный визит премьер-министра Михаила Мишустина в Китай представляются попытками решить сиюминутные задачи сотрудничества, а не выстроить устойчивую систему двусторонних отношений. Китай в очередной раз заручился поддержкой со стороны постоянного члена Совета Безопасности ООН и ядерной державы и тем самым продемонстрировал, что он не одинок в вероятном противостоянии с США. Россия же опять попыталась протестировать развитие экономических отношений между странами и заинтересовать китайских инвесторов.

Успешность российского "поворота на Восток" в целом и развития российско-китайских отношений в частности возможны только в условиях комплексного подхода. В нынешних обстоятельствах Россия не может позволить себе роскоши ориентироваться только на конкретное государство, даже такое значимое, как Китай. Игра на противоречиях между европейскими и особенно азиатскими странами может стать залогом успеха российской внешней политики на современном этапе.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, уважаемые коллеги, есть ли вопросы?

Владимирова Д. А.: А все же на фоне многих нерешаемых пока проблем видите ли Вы какие-либо положительные тенденции?

Бурлаков В.А.: Думаю, что позитивным моментом является идея создания долгосрочной программы интеграции России с ведущими экономиками АТР, прежде всего с КНР. Вместе с тем, как я уже сказал, мы не должны замыкаться только на Китае, нужно полное сотрудничество и с другими крупными игроками.

Самойленко П.Ю.: Виктор Алексеевич, не затронет ли развитие нашего партнерства с Китаем наше сотрудничество с другими странами, с которыми, в свою очередь, непростое взаимодействие у КНР, к примеру, с Индией, по которой Вы является экспертом?

Бурлаков В.А.: Нет, я тут не вижу серьезных противоречий. Нужно четко отстаивать свои национальные интересы и диверсифицировать сотрудничество с разными странами. Противоречия между такими партнерами не мешают им торговать, к примеру, сотрудничество Индии и Китая в сфере экономики сегодня видится более насыщенным, чем, к примеру, России и Индии. Поэтому нужно работать со всеми.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, слово предоставляется Максиму Александровичу Миненко.

Миненко М.А.: Уважаемые коллеги! Визит Председателя КНР в Россию в марте 2023 г. дал новый толчок для развития сотрудничества двух стран по различным направлениям. Ввиду того, что Дальний Восток России непосредственно граничит с Китаем, данный визит оказал значительное влияние на развитие отношений между странами.

Уже сегодня мы видим первые результаты переговоров лидеров двух стран. В первую очередь хотелось бы отметить, что Китай теперь ориентируется на порт Владивосток в качестве транзитного для внутренней торговли. Это значит, что Китай, скорее всего, будет инвестировать в развитие как портовой, так и дорожной инфраструктуры Приморского края, так и г. Владивосток, потому что на сегодняшний момент порт Владивосток с трудом обрабатывает текущий объем грузов, а если мы представим, что Китай начнет перевалку зерна из северо-восточных провинций на юг через Владивосток, то это потенциально может полностью заблокировать работу порта и добавить проблем местным сельхозтоваропроизводителям, которые и так длительное время ждут возможность отправить своё зерно в Китай.

В то же время строительство и реконструкция пограничных переходов, строительство и модернизация порта Владивосток будут способствовать быстрому развитию одного из ключевых городов Дальнего Востока.

Кроме того, по итогам переговоров было сделано совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г.

Из этого заявления, как мне кажется, важно выделить несколько основных моментов:

1. Всемерное развитие взаимосвязанной логистической системы. Обеспечение быстрого перемещения грузов и пассажиров в двустороннем сообщении всеми видами транспорта: железнодорожным, автомобильным, воздушным, речным и морским. Взаимовыгодная реализация транзитного потенциала двух стран. Как мне кажется, то, что Владивосток теперь является транзитным портом для перевалки китайских грузов – это один из первых шагов на пути реализации данного пункта.

2. Существенное повышение уровня сотрудничества в сельском хозяйстве в целях обеспечения продовольственной безопасности двух стран. Углубление взаимодействия в торговле сельскохозяйственной продукцией, последовательное расширение взаимного допуска сельскохозяйственных товаров на основе гарантии их безопасности, наращивание инвестиционного сотрудничества в области агропромышленного комплекса.

Я уже больше девяти лет работаю в сфере сельского хозяйства и именно в направлении России и Китая. И могу подтвердить, что действительно, вопрос расширения взаимного допуска сельскохозяйственных товаров является одним из ключевых моментов в развитии экономического сотрудничества двух стран. С марта текущего года уже сделаны первые шаги в этом направлении. Согласованы требования по качеству для российского лекарственного сырья для экспорта в Китай. В рамках визита премьер-министра РФ в Китай в мае текущего года Россия и Китай был подписан протокол о требованиях к пшенице из России.

Я думаю, в дальнейшем список, разрешённой к ввозу сельскохозяйственной продукции, будет ещё больше. Кроме того, могут снять ограничения по экспорту кукурузы и допустить к экспорту кукурузу со всех регионов России. Удастся решить вопрос с экспортом пшеницы в Китай из портов Чёрного моря.

Тем самым мы сможем помочь Китаю решить вопрос с обеспечением продовольственной безопасности. Заменить заметно сократившийся импорт с Украины.

Развитие глубокой переработки соевых бобов на Дальнем Востоке также поможет Китаю решить вопрос с импортом соевого масла, шрота и других продуктов переработки. Учитывая, что основной район производства и переработки соевых бобов на Дальнем Востоке находится в Амурской области, то логистически привезти продукцию в Китай будет значительно быстрее и экономически выгоднее, чем с Черноморского региона.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что визит Председателя КНР в Россию, по моему мнению, дал мощный стимул и указал вектор для развития российско-китайских отношений. Учитывая долгую историю и территориальную близость Дальнего Востока России и КНР, можно с уверенностью сказать, что у Дальнего Востока, при правильном подходе и грамотной организации процесса, есть возможность стать своего рода "окном в Китай" для всей России и стать местом притяжения китайского капитала, а также способствовать реализации крупных инфраструктурных проектов в регионе.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, уважаемые коллеги, есть ли вопросы?

Иванов С.А.: Какие стратегии у китайского бизнеса по кооперации с нашими крупными компаниями на российской стороне?

Миненко М.А.: Тут нет ясности, есть планы и декларации, но по факту китайцы не понимают многие бизнес-офферы наших коллег, к примеру, по поводу закупки нашей сои, где, как и зачем перерабатывать такие объёмы. Соевый шрот – еще одна проблема, у китайских аналогов цена ниже, поэтому экспорт под вопросом. Есть некоторые подвижки в логистике, к примеру морской порт Владивостока китайцами стал рассматриваться как звено в цепи

экспорта – значит, на уровне крупного бизнеса есть соответствующие договоренности...

Самойленко П.Ю.: У меня еще вопрос – ныне декларируемый властями уход от расчетов в западных резервных валютах в сфере внешнеэкономической деятельности в пользу двухсторонних расчетов. Работает ли это сегодня здесь у нас в сфере ВЭД?

Миненко М.А.: В этом отношении я достаточно оптимистично настроен, поскольку сегодня большинство контрактов с китайскими партнерами идет в юанях. Тут, правда, другая проблема – в рублях такие расчеты достаточно редки, но то, что юань вытеснил доллар – на нашем уровне это уже факт. Для бизнеса это стало удобней, потому что позволяет минимизировать риски потерь при кросс-валютных обменах через третью валюту.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, слово предоставляется Алексею Викторовичу Дышину.

Дышин А.В.: Уважаемые коллеги! С момента присоединения Сибири к Московскому царству и выхода России к Тихому океану актуальной задачей Правительства России было освоение новых территорий. В разные исторические периоды решалась эта задача по-разному и разными методами. П.А. Столыпин организовал переселение крестьян из густонаселенных западных районов страны в слабозаселенные восточные и добился значительных успехов в развитии сельского хозяйства в этих районах. С.Ю. Витте прекрасно понимал, что если не развивать Дальний Восток, то он будет захвачен другим государством, тем более что в Конгрессе США уже активно обсуждались планы отторжения этих районов от России. С.Ю. Витте выступил инициатором строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, сооружение которой началось в 1891 г. В результате этого ускорилось освоение восточных районов России. В советский период на Дальнем Востоке были построены сотни крупных промышленных объектов и данные районы активно осваивались. Ситуация резко изменилась с распадом Советского Союза. В отличие от времен Российской империи и СССР, в новой России в 1990-е гг. с легкой руки Е.Т. Гайдара возобладала идея развития Дальнего Востока за счет привлечения иностранного капитала, в том числе из Китая. Однако в этой области возникла проблема.

Суть ее заключалась в том, что в условиях тотального торгового дефицита в России в 90-ых годах XX в. у китайского капитала возникли исключительно благоприятные условия для проникновения на рынок районов Дальнего Востока России. Основной формой торговли были бартерные сделки, в результате которых самолеты меняли на сахар-песок. В результате хорошей организации при поддержке центральных и местных органов власти Китая двусторонняя торговля превратилась в неэквивалентный товарообмен машин, оборудования, круглого леса, других видов сырья и энергоресурсов российского производства на товары народного потребления из Китая достаточно спорного качества. О научно-техническом сотрудничестве в создавшихся условиях и речи быть не могло, Дальний Восток России просто выживал. В то же время создались благоприятные условия для активного расцвета контрабанды, трансграничной преступности и других негативных явлений.

Следует отметить позицию местных органов власти России, которые весьма болезненно воспринимали деловую активность китайских предпринимателей и рассматривали ее как угрозу для тесно связанных с ними местных предпринимателей.

С другой стороны, оказалось, что китайская сторона не заинтересована в создании предприятий обрабатывающей промышленности на территории Дальнего Востока России. Весьма прохладно китайская сторона относится и к идее совместного освоения и использования Северного морского пути, более того, в юридическом смысле позиция КНР очень близка к позиции США, которые считают Северный морской путь международными водами.

Из сказанного выше можно сделать простой вывод о том, что в настоящее время Китай не заинтересован в реальном сотрудничестве с приграничными районами Дальнего Востока России с точки зрения создания совместных обрабатывающих предприятий на территории России. Его вполне устраивает роль России как поставщика сырья и энергоресурсов для предприятий КНР и

рынка сбыта для товаров народного потребления из КНР. Заявления о научно-техническом сотрудничестве между странами так и остаются заявлениями.

В связи с этим целесообразно произвести "ревизию" двусторонних отношений, избавиться от пропагандистских деклараций. Для развития полноценной двусторонней торговли необходимо воссоздать структуру по типу "Дальинторга", которая и будет осуществлять торговлю между двумя странами, поскольку в условиях экономических санкций против России со стороны развитых стран Запада и отдельных экономик Востока (Япония и Республика Корея) двустороннее экономическое сотрудничество сведено к торговле.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, уважаемые коллеги, есть ли вопросы? Нет? Тогда следующий выступающий Сергей Маратович Смирнов.

Смирнов С.М.: Уважаемые коллеги! Вопросы развития транспортно-логистического сотрудничества между Россией и КНР применительно к ДФО РФ можно рассмотреть по трем направлениям:

- обеспечение экспортно-импортных грузопотоков двусторонней торговли через дальневосточные территории РФ;
- транзит китайского экспорта в страны Европы и Ближнего Востока, а также внутритерриториальный китайский транзит через порты ДВ РФ;
- приграничная торговля, обеспечение туристических обменов.

С учётом возникшей необходимости экстренной переориентации экспортно-импортных российских грузопотоков России с западного на восточное направление, первоочередной следует считать задачу развития и модернизации транспортной инфраструктуры на российском ДВ. Это относится не только к "физической", но и к информационной инфраструктуре, без которой сегодня логистика работать не может.

Уровень развития транспортно-логистической инфраструктуры на китайской стороне, конечно, выше. Но это не значит, что двигаться вперёд должны только российские транспортники. Хотелось бы создать единую транспортно-логистическую систему, объединяющую отдельные транспортные маршруты по обе стороны границы в общую сеть, как минимум в южном Приморье и прилегающих территориях провинций Хэйлунцзян и Цзилинь.

Следующим относительно доступным шагом является оптимизация работы морских портов юга Приморского края по переработке грузов на китайском направлении. Для этого нужно создавать судоходные линии, связывающие российские порты с китайскими, необязательно крупные по числу и грузоподъёмности обслуживающих судов, но обязательно работающих по чёткому графику. Работая синхронно с сухопутными перевозчиками на коротком плече, объёмы грузоперевозок из/в китайских провинций можно увеличить в разы без дополнительных инвестиций в инфраструктуру.

Следующие отметки "дорожной карты" двустороннего транспортно-логистического сотрудничества уже потребуют серьезных вложений, причем не только финансовых, но и технологических. Речь идёт о развитии и модернизации инфраструктуры в критических узлах транспортного комплекса ДВ. Для каждого вида транспорта задачи специфические, но решаться они должны синхронно. Наиболее проблемной в этом плане является именно дорожная сеть. Здесь опыт и ресурсы китайских партнёров могли бы очень пригодиться, тем более что это полностью в их интересах. Для этого обеим сторонам нужно найти компромиссное решение в вопросе о собственности и правах управления и контроля как в процессе строительства, так и последующей эксплуатации объектов транспортной инфраструктуры. Внешняя ситуация сейчас складывается настолько просто, что решать эту проблему надо безотлагательно.

Следующее – это создание и освоение новых транспортных маршрутов. Наиболее перспективным является Северный морской путь, и это, кстати, принимают наши китайские партнёры.

Ещё одной перспективной областью сотрудничества наших стран является индустрия производства, транспортировки и бункеровки низкоуглеродных и безуглеродных видов топлива, особенно водорода и аммиака.

Российско-китайское сотрудничество в области транспорта и логистики не ограничивается рамками грузовых перевозок. У нас огромные резервы в области туристических обменов. Практические шаги для реализации туристического потенциала очевидны.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, уважаемые коллеги, есть ли вопросы? Нет? Предоставляю слово Оксане Витальевне Лободе.

Лобода О.В.: Уважаемы коллеги! Суть и содержание современной геополитики актуализируют необходимость усиления связей с альтернативными Западу партнерами, к числу которых относится и Китай, занимая среди них ведущую роль. В очередной раз политика потянула за собой экономику и, как следствие, безусловно, будут и социальные эффекты. Результатом экономических процессов видится и вариант сдерживания оттока населения с территории ДФО, увеличение его численности за счет привлечения трудовых миграционных ресурсов в новые виды производства. Создание и налаживание собственных производственных мощностей является одной и первостепенных задач, стоящих перед экономикой Дальнего Востока России.

Наряду с решением задач по сохранению объемов добычи и реализации энергоресурсов, встают и вопросы по наращиванию логистических мощностей как в части сухопутного варианта (нефтепровод "Восточная Сибирь – Тихий океан"), так и за счет расширения водных путей обеспечения устойчивых товарных поставок. Несмотря на угрозы вторичных санкций, китайские компании, хоть и с определенной долей осторожности, тем не менее идут на сближение с партнерами из России, понимая, что непосредственного противника экономического сотрудничества РФ и Китая в принципе нет. Все лежит в плоскости расчета и прибыли. Большая политика и каждодневная экономика хоть и взаимообусловлены, но доходы преобладают над политической конъюнктурой. Есть экономический интерес – есть сотрудничество.

С точки зрения увеличения объемов товарооборота многое в части импорта из Китая сегодня зависит от американских или же европейских комплектующих в составе технологических изделий. И это, безусловно, формирует коридор ограничений. К их числу относятся и такие факторы, как сложности с транспортировкой, хранением, оплатой, усиление таможенных барьеров.

С точки зрения реализации намеченных на государственном уровне траекторий совместной деятельности актуальным становится вопрос создания варианта инфраструктуры, необходимой для развития прямых контактов российских бизнесменов с коллегами из Китая, для сокращения пути достижения максимального экономического эффекта.

Я всецело разделяю мнение экспертов, что нужны постоянно действующие информационные и экспертные хабы, связующие РФ и Китай. Консультативная поддержка представителей бизнес-сообщества со стороны экспертов позволит в полной мере приблизиться к целям стратегического партнерства в наиболее привлекательных областях: в развитии инфраструктурных проектов (железные дороги, автомагистрали, электросети и нефте-газопроводы), промышленности и финансах.

Необходимость развития сферы прямых расчетов, сотрудничество на рынках облигаций и ценных бумаг, монетарная политика требует знания специфики рыночных систем Китая, особенностей мышления, ритуалов взаимодействия. И здесь также понадобится консультативная поддержка со стороны экспертов.

В этом отношении в качестве опорной площадки мог бы, к примеру, выступить ДВФУ как якорный инфраструктурный объект, на базе которого смогут консолидировать свои усилия представители академического сообщества и бизнес-среды как ДФО, так и РФ в целом.

Особо выгодным данную локацию делают уже закреплённые в правовом формате и функционирующие преференциальные режимы экономической деятельности – ТОРы, Свободный порт и другие.

Самойленко П.Ю.: Спасибо, есть ли вопросы? Нет? Тогда оставшееся выступление – мое.

Уважаемые коллеги! В целом российско-китайские отношения в настоящее время находятся в состоянии очевидного подъема, что дает возможности для того, чтобы "закрепить успех" и сформировать базис для долговременного стратегического сотрудничества между двумя странами. Особую роль это должно играть для Дальнего Востока России, который непосредственно граничит с Китаем и представляет собой зону приграничной торговли и место расположения транзитных транспортных коридоров.

Развитие российско-китайского сотрудничества связано с необходимостью имиджевого позиционирования процессов интеграции, а также формирования информационного образа российского Дальнего Востока как мегарегиона страны, максимально интегрированного в сотрудничество с ведущими экономиками АТР и прежде всего с Китаем.

На сегодняшний день трендами такого сотрудничества являются следующие:

- рост взаимной политической поддержки двух стран;
- на фоне роста объемов совместной внешней торговли открываются новые перспективы, в том числе касающиеся захода китайских компаний на российский рынок на место ушедших западных фирм, а также расширения и российского экспорта;
- становится все более очевидным тренд на долговременное стратегическое партнерство двух стран, в том числе и в парадигме давления на обе страны со стороны "коллективного Запада" и противостояния этому;
- Дальний Восток России становится территорией постоянно растущего трансконтинентального транзита грузов на евроазиатском направлении по причине западных антироссийских санкций и падения грузооборота на Северо-Западе и Юге страны. При этом китайские грузы являются доминирующей частью такой транзитной логистики.

Ключевыми проблемами для формирования позитивного имиджа Дальнего Востока России следует считать следующие:

- во время визита в Китай в 2023 г. премьер-министра Михаила Мишустина стороны наметили очень амбициозные планы, связанные с подготовкой плана сотрудничества до 2030 г., и теперь нужно наполнение его конкретными договоренностями. Многие российско-китайские договоренности либо не оглашаются, либо носят нарочито расплывчатый характер из-за угрозы вторичных санкций. Такая ситуация вынужденная, но не дает понимания на "среднем" и микроэкономическом уровне, то есть для многих экспортеров и импортеров, которые не могут "почувствовать" суть происходящих изменений;
- по-прежнему на Дальнем Востоке сохраняются хорошие перспективы для сотрудничества с Китаем, однако по факту такое сотрудничество здесь развивается крайне слабо, и российский экспорт сохраняется в рамках сырьевой номенклатуры товаров. Проблемой также остается неготовность приграничной наземной инфраструктуры, прежде всего наземных пунктов пропуска на российско-китайской границе в южных регионах ДФО, о чем нередко пишут в медиа, и это только ухудшает имидж региона;
- сохраняется слабый туристический поток, который мог бы существенно "оживить" приграничное сотрудничество двух стран;
- среди дальневосточных товаров, потенциально интересных для китайских потребителей, таких как кондитерские изделия, продукция сельского хозяйства, морепродукты, бытовая химия и косметика, на сегодняшний день крайне мало известных брендованных и адаптированных под азиатские рынки товаров, что в целом существенно усложняет развитие сотрудничества на региональном уровне.

Перспективными направлениями развития бренда территории Дальнего Востока в рамках сотрудничества с КНР можно назвать следующие:

- нужно активнее продвигать несырьевые виды российских товаров на рынок Китая, в том числе и продукцию производителей Дальнего Востока;
- необходимо более активное воплощение двухстороннего сотрудничества в рамках совместных проектов на Дальнем Востоке России, в том числе в рамках уникальных экономических преференциальных режимов (СВП, ТОР и т.п.). Нужны показательные примеры такого сотрудничества, в том числе и в новых, санкционных условиях;
- крайне актуально активизировать сотрудничество двух стран в рамках Дальнего Востока в гуманитарной сфере и использовать это для продвижения имиджа российского Дальнего Востока как мегарегиона страны, максимально интегрированного в АТР;
- весьма вероятно, что в рамках Дальнего Востока реально постепенное развитие экономической и гуманитарной интеграции как в форматах приграничного сотрудничества, так и крупных хозяйственных и бизнес-проектов, что необходимо существенно активизировать сегодня.

Коллеги, спасибо за внимание. Какие ко мне вопросы?

Владимирова Д.А.: Скажите, а есть ли сведения о дальневосточных брендах, которые продвинулись в Китае дальше северо-восточных провинций и узнаваемы там?

Самойленко П.Ю.: Да, это "Птичье молоко", шоколад "Русский остров", шоколад "Алёнка", которая, правда, федеральный продукт, мороженое, ювелирные изделия. Соевое масло "Жемчужина Амура", отдельные виды косметики и бытовой химии. Но появляются они там ситуативно, и их присутствие "смазывают" случаи подделок, поэтому проблемой является и необходимость защиты брендов и интересов правообладателей.

Миненко М.А.: Проблема ведь и в том, кто будет вкладываться в продвижение брендов, ведь даже крупный российский бизнес к этому обычно не готов...

Самойленко П.Ю.: Совершенно верно, пока все сводится к каким-то выставкам-ярмаркам, проводимым периодически, но для системного продвижения наших брендов, насколько я представляю, это работает крайне слабо.

Уважаемые коллеги, всем спасибо, мы исчерпали программу сегодняшнего мероприятия. Безусловно, такие встречи имеют большое значение для развития не только образования и науки, но и позволяют формировать экспертные позиции, которые впоследствии могут использоваться для принятия соответствующих решений органами власти. Такая важная системная работа с коллегами нами будет, безусловно, продолжена. Убежден, что наша работа в ближайшей перспективе будет концентрироваться на формировании экспертных оценок и позиций по данным вопросам, которые могут и должны быть использованы как в сфере образования и науки, так и при выработке соответствующих управленческих решений органами власти различных уровней. Еще раз благодарю всех, завершаем мероприятие.

Информация об авторах

Алексей Александрович Маслов, д-р ист. наук, директор института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: office@iaas.msu.ru

Диана Альбертовна Владимирова, канд. ист. наук, заведующая кафедрой Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vkadimirova.da@dvfu.ru

Оксана Витальевна Лобода, канд. соц. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России; руководитель Приморского отделения Российского Общества Политологов, Владивосток, Россия, e-mail: tenderspike@mail.ru

Сергей Александрович Иванов, канд. ист. наук, заведующий сектором китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: isaras9@outlook.com

Сергей Маратович Смирнов, канд. тех. наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра морского транспорта и пространственной логистики Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, e-mail: ssmirnov@msun.ru

Максим Александрович Миненко, заместитель директора по коммерческим вопросам ООО «ЛТ Агро трейд», Владивосток, Россия, e-mail: Ruse08@mail.ru

Алексей Викторович Дышин, канд. экон. наук., доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: dyshin.va@dvfu.ru

Виктор Алексеевич Бурлаков, канд. полит. наук., доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета; доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России; эксперт Приморского отделения Российского Общества Политологов, Владивосток, Россия, e-mail: burlakov.va@dvfu.ru

Петр Юрьевич Самойленко, канд. полит. наук, доцент департамента коммуникаций и медиа и кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета; эксперт Приморского отделения Российского Общества Политологов, Владивосток, Россия, e-mail: samoylenko.pyu@dvfu.ru

Information about the authors

Alexey A. Maslov, Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: office@iaas.msu.ru

Diana A. Vladimirova, Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vkadimirova.da@dvfu.ru

Oksana V. Loboda, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Vladivostok Branch of the Far Eastern Institute of Law Education of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Head of Primorsky Branch of Russian Society of Political Scientists, Vladivostok, Russia, e-mail: tenderspike@mail.ru

Sergej A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Head of Division of Chinese Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: isaras9@outlook.com

Sergej M. Smirnov, Candidate of Technical Sciences, Expert, REC MTPL, Maritime State University named after adm. G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia, e-mail: ssmirnov@msun.ru

Maxim A. Minenko, Deputy Director of «LT Agro Trade» LLC, Vladivostok, Russia, e-mail: Ruse08@mail.ru

Alexey V. Dyshin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dyshin.va@dvfu.ru

Viktor A. Burlakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Associate Professor, Department of Humanities, Vladivostok Branch of the Far Eastern Institute of Law Education of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Expert of Primorsky Branch of Russian Society of Political Scientists, Vladivostok, Russia, e-mail: burlakov.va@dvfu.ru

Petr Yu. Samoilenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communications and Media, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University; Expert of Primorsky Branch of Russian Society of Political Scientists, Vladivostok, Russia, e-mail: samoylenko.pyu@dvfu.ru

Поступила в редакцию 10.07.2023

Received 10.07.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Научная статья
УДК 303.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления. Часть 2

Наталья Петровна Рыжова
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия;
Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия, n.p.ryzhova@gmail.com

Аннотация. Окончание статьи о практиках рутинного сопротивления российских корейцев. Автор следует научной программе, заложенной Дж. Скоттом, но при этом отказывается от его идеи о последовательности государства. Работа демонстрирует, как неформальные экономические практики корё сарам (кобонди, базарная торговля, производство "корейских салатов") были связаны с другими формами ненаправленного сопротивления. Парадоксальной "другой формой" в советское время стал ударный труд, который удивительным образом сочетался с неизменным использованием традиционных корейских практик обработки земли (бюрократы для его обозначения использовали термин "азиатский способ"). Работа опирается на архивные источники, публикации о корё сарам, собственные полевые материалы автора.

Ключевые слова: российские корейцы (корё сарам), рутинное сопротивление, неформальная экономика (кобонди, базары), традиционные знания (Nongsa chiksól, ферментация), "советская соевая революция", соевые бобы

Для цитирования: Рыжова Н. П. Корейские земледельцы в России: 100 лет повседневного сопротивления. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 67–77. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance. Part 2

Natalia P. Ryzhova
Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia;
Palacký University, Olomouc, Czech Republic, n.p.ryzhova@gmail.com

Abstract. The second and final part of the article is about the practices of Russian Koreans' routine resistance. The author follows the paradigm proposed by J. Scott while rejecting his idea of the coherence of the state. The work demonstrates how informal economic practices of Koryo Saram (*gobonji*, bazaar trade, production of "Korean salads") were linked to other forms of everyday resistance. The paradoxical "other form," in Soviet times, was shock labor, which was surprisingly combined with the persistent use of traditional Korean land cultivation practices (bureaucrats used the term "Asian mode of production"). The paper is based on archival data, academic and journalist publications on Koryo Saram, and the author's field data.

Key words: Russian Koreans (Koryo Saram), routine/everyday resistance, informal economy (*gobonji*, bazaars), traditional knowledge (Nongsa chiksól, fermentation), "soviet soybean revolution", soybeans

For citation: Ryzhova N. P. Koryo Saram in Agriculture: 100 Years of Everyday Resistance. Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 67–77. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/67-77>

Сопротивление "совершенному" аппарату насилия Сталинского государства

Если следовать объяснению депортации корейцев стремлением государства обеспечить Центральную Азию опытными аграриями [11, 29], то масштабная государственная инициатива по созданию рисоводства в регионе, опиравшаяся на физическое насилие, была беспримерно успешной. Мы также должны согласиться с тем, что успешность была обусловлена стремлением корейцев быть передовыми колхозниками [5]. При этом корё сарам, видимо, отличались от угнетаемых крестьян всего мира, которые – как доказывал Скотт и сотни его последователей – рутинно сопротивлялись через саботаж, уклонение, мелкое воровство, и т.п. Мы должны принять, что корейцы оказались еще и более готовыми к насилию, чем даже "сталинские крестьяне" в среднем, которые выбирали "работу спустя рукава, непонимание получаемых распоряжений, безынициативность, мелкое воровство, невыходы в поле по утрам" [19, с. 12], которые убегали из колхозов в город или другие регионы [19, с. 13–14], становились отходниками [19, с. 186–195]. Конечно, импер-

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 25–35.

ское разнообразие, оставшееся в наследство СССР, позволяет предположить многое. Если в Абхазии и сопротивление, и адаптация управлялись местной патронажной сетью на этнической основе [25], почему бы корейцам не быть настолько уникальными, чтобы оказаться единственными несопротивляющимися крестьянами хоть в раннем, хоть в позднем в СССР?

Далее я представлю аргументы, отвергающие эти предположения.

Так же, как в имперское время, государство времен советских репрессий и чисток, индустриализации, коллективизации и внедрения плановых методов не было последовательным. Историки уже достаточно давно продемонстрировали, что согласованность, тотальный контроль и социальная атомизация являются скорее унаследованным словарем холодной войны, чем научной рамкой для понимания сталинского периода [35]. Напротив, и в сталинском СССР существовали конфликты между центром и периферией, административная слабость аппарата, непоследовательность принимаемых решений. Депортируя корейцев (и другие народы), государственный аппарат, конечно, не имел одной причины или одной цели. Попытки найти такую единственную причину-цель (экономическую [11, с. 10–11] или "примордиалистскую" [26]) лежат, на мой взгляд, в плоскости того, что Абрамс назвал "сползанием от принципиального признания государства как абстрактно-формального объекта к рассмотрению его как реально-конкретного агента, обладающего волей, властью и активностью" [24].

Без понимания того, что действовала не просто совокупность факторов, которыми руководствовался Сталин [21, с. 38–57, 49], но множественность центров, агентств и повесток, очень сложно увидеть рутинное сопротивление. Ведь люди не могут сопротивляться идее построения первого советского, передового и самого лучшего государства, а вот абсурдным и опасным действиям чиновников вполне. Отличная попытка показать это представлена в [30]: авторы обсуждают, что региональные власти сопротивлялись идеям Москвы по тотальной депортации корейцев и причина была не в какой-то особой лояльности, но в понимании того, что от корейских крестьян зависит продовольственное обеспечение региона.

Впрочем, очевидно, что и на уровне региона встречались чиновники, захваченные модернистскими идеями, а еще чаще, видимо, стремящиеся выслужиться в их достижении любой ценой. Эти чиновники могли принимать решения, которые иначе чем абсурдными не назовешь. "Колхоз ни одного трактора не получил. Тем не менее во время весенней посевной кампании заведующий отделом райполеводколхозсоюза предложил колхозу в 2-3 дня 'прекратить обработку азиатским способом, не дающим экономического эффекта'; ... председателя... сняли с работы, а агронома привлекли к ответственности 'за неполную ликвидацию азиатских способов'" [14, с. 189].

О том, что корейцы в раннем советском периоде действительно продолжали использовать традиционные техники обработки земли, пресловутые "азиатские способы", писали многие авторы. В 1928 Б. Брук, приехавший инспектировать земли для еврейской автономии, писал: корейская агротехника осталась прежней, совсем не похожей на казацкую – корейские крестьяне предпочитают грядки и "огородную культуру", при этом соя играет важную роль естественного удобрения [1].

Азиатский способ производства, однако, мешал не всем функционерам. Были и те, кто разрабатывал и утверждал планы коллективизации, исходя из того, что способ можно масштабировать, предусмотрев "рациональное использование (земли) 'расширяя посевы национальных технических культур, как-то: рис, бобы, масляничные восточные культуры, вплоть до специализации отдельных колхозов по отдельным видам культур'" [14, с. 185–186].

Подпадая под действие этих и других рассогласованных и часто насильственных инициатив, корейцы, конечно, сопротивлялись. Факты, которые я трактую как сопротивление, обнаруживаются в разных работах – правда, авторы так их не маркировали. Одним из предсказуемых способов повседневного сопротивления неразберихе гражданской войны, затем коллективизации стали *побеги*. В отличие от побегов в соседний регион или в город, которые практиковали крестьяне других губерний [19, с. 99–104], дальневосточники, в т.ч. корейцы, часто сбежали за рубеж, в Маньчжурию [12].

Практиковали корейцы *утаивание земельных участков* в тайге: "сложность состояла в уборке и доставке зерна с утаенных от государства посевных площадей. ... Особенно это удавалось корейцам, так как в сырой приморской тайге утаить рисовые посадки... было гораздо легче" [8].

Неформальная аренда также продолжилась: "Крестьяне уклонялись от регистрации из-за опасений, что сдача в аренду не будет разрешена... с целью утайки при учете объектов обложения по сельскохозяйственному налогу, или чтобы иметь свободу в установлении арендной платы... Выявлять скрытые договоры местной власти было очень трудно, так как это явление было повсеместным, причем крестьяне, и русские и корейцы, были связаны круговой порукой" [18].

Ужесточение репрессий к середине 1930-х гг. заставило людей отказываться от части этих практик, но все же не полностью. Даже под страхом ареста, депортированные в Казахстан корейцы нередко решались на побег в более благоприятные условия, в частности – в Узбекистан (ЦГАРК. Р. 1490. Оп. 1. Д. 12)¹, см. также [20, с. 111].

И еще одним способом сопротивления стал... *ударный труд*, за который многие корейцы – "причем массово (получили) правительственные награды" [20, с. 113]. "Высокое знание агротехнических приёмов возделывания культуры риса", "высочайшая урожайность", "освоение новых культур", "впечатляющие достижения корейских земледельцев, которые оказались не разовыми, а своего рода феноменом" не только выделили корейцев из других народов, но потребовали проведения научных изысканий – они стартовали с 1950-х гг. [20, с. 256].

Труд как сопротивление не является оксюмороном, и ниже я объясню, почему. Председатели колхозов-передовиков Казахстана и Узбекистана публиковали работы, которые вскрывают любопытную причину феноменального успеха. "В колхозе "Политотдел" отказались от малования – выравнивания верхних слоёв почвы перед посевом и поливами, хотя эта мера применялась во всех хозяйствах согласно научным рекомендациям (подчеркнуто мной – НР) ... 'Вот уже три года мы не малуем ни одного гектара земли, а урожаи растут из года в год'. (но секрет) не только в отказе от малования, но и в отказе от травопольных севооборотов. Восемь лет колхоз сеял хлопок по хлопку, кенаф – по кенафу, кукурузу – по кукурузе... Объясняет этот феномен председатель так: 'Агротехника люцерны требует сплошного посева, что исключает полив по бороздам, поэтому он ведётся напуском'" [20, с. 264–265].

Анализируя эти объяснения председателя, Хан обращает внимание только на рядковый способ производства и напоминает, что о нем писал еще Насекин, чиновник при Приамурском генерал-губернаторе. Однако 500-летняя *Nongsa chiksöl* может объяснить и монокультуру ("восемь лет хлопок по хлопку") и отказ от травопольных оборотов: "Крестьяне перемежают посевы (сои) с кунжутом или зелеными бобами. Они не знают, какой вред наносит урожай хлопка. Те, кто знает о вредном воздействии, никогда не делают промежуточных культур, а только концентрируются на хлопке" [28, с. 112]. Я не могу доказать, что агрономам или председателям были доступны письменные "Краткие рекомендации" (*Nongsa chiksöl*). Но я подчеркиваю, что *традиционные техники обработки земли* – включая, но не ограничиваясь и знаменитой рядковой культурой – как объяснил сам председатель "Политотдела", были использованы в корейских колхозах *вопреки научным рекомендациям*.

Еще один пример такого рутинного сопротивления научным рекомендациям, спущенным по государственным каналам, можно найти у колхоза "Полярная звезда". "Путем внедрения травопольной (люцерно-хлопковой) системы, хотя и осужденной и отвергнутой президентом Всесоюзной сельскохозяйственной академии Д.Т. Лысенко, они добились обогащения почвы необходимыми органическими веществами, провели большие дренажные работы, мелиорировали перелogi и тугаи и т.д. В результате уже в 1950 г. колхоз добился урожая в среднем по 48.2 ц/га, т.е. в два с лишним раза выше" [13, с. 7].

Таким образом, корейцы так же, как и другие "сталинские крестьяне", участвовали в разных формах рутинного сопротивления, но при этом они видимо, быстрее адаптировались, включаясь в стахановское движение. О том,

¹ ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

что стахановская работа стала стратегией особого индивидуального сопротивления, писала Ш. Фицпатрик [19, с. 18, 22, 165]. Однако у нее стахановцы в большей мере занимались игрой в упорный труд, а вот М. Таугер уточняет, что в 1930-х ударная работа и разные формы соревнований были способом адаптации для избежания голода [34]. Представляется, что тезис Таугера подходит для объяснения успехов корейцев в Центральной Азии гораздо больше тезиса Фицпатрик: голод определял ударный труд и объяснял логику корейской стахановщины. Одним небольшим, но важным уточнением к тезису Таугера, для случая корейских стахановцев является то, что они использовали традиционные техники обработки земли и часть стахановского успеха объяснялась их применением.

Пришло время вернуться к "советской соевой революции". Этот кейс отлично демонстрирует множественность агентств, организаций, повесток и центров и показывает парадоксальную роль рутинного сопротивления в реализации государственных инициатив, кампаний, программ. В конце 20-х годов в Казахстане была объявлена "рисовая кампания". Были проведены эксперименты с сортами, доказано, что корейские, японские и приморские сорта в приоритете, как и дальневосточный (корейский) метод. Это стимулировало – как настаивают авторы, придерживающиеся "рисовой версии" – власти пригласить в Казахстан корейских рисоводов. Однако приглашение оказалось затратным, поэтому после переселения двух сотен семей и по прошествии 7-9 лет власти пошли путем принуждения [7, с. 30–39].

Можно согласиться с В. Ханом: "...по меньшей мере странным, если не преступным, выглядит метод распространения этого опыта. Насильственная депортация, поселение в необжитых местах, поражение в правах, ограничение на передвижение и т. п. – трудно представить, что всё это способы поощрения отличившихся новаторов" [20, с. 42–43]. И все же рисоводческая "версия" имеет смысл, если мы признаем множественность агентств, организаций и повесток. Архивные данные не оставляют сомнений, что казахстанские власти если и не предлагали Москве "переселить рисовиков", то эффективно использовали открывшуюся возможность для реализации региональных планов и задач (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2. Л. 181).

Иначе говоря, позиции спорящих ученых можно примирить, если не вообразать государство как монолит, способный принимать последовательные решения, но представлять, как разные его агенты и представители следуют своей логике и мотивациям при выселении, вселении, использовании, выполнении планов по внедрению культур, обеспечению едой и т.п.

Но можно ли сравнить "рисовую" и "соевую революцию" и применить выводы одной к другой? Лишь отчасти и вот почему. Соевая кампания имела не региональное, но Всесоюзное значение. В планах советских пропагандистов соя была одной из самых востребованных индустриальных культур. В 1930-х гг. ее планировали производить на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, в Дальневосточном крае, Дагестане, Украине, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2) и использовать для производства лаков, красок, мыла, пищевых масел и маргаринов, соевых сыра, молока, добавок в мясные изделия и сотни других продуктов, для кормления животных [3, 15]. В массовых экспериментах участвовали маньчжурские, приморские и американские сорта (ЦГАНТД. Ф. Р-318. Оп. 12. Д. 23)², а в научных "местные" украинские, кавказские и любые, какие удавалось найти на месте (ЦГАНТД. Ф. 318. О.1-1. Д. 935).

Повсюду, кроме корейских колхозов на Дальнем Востоке, сою массово внедряли через сопротивление крестьян. Она должна была перевернуть сельское хозяйство, и тем самым дать СССР возможность повторить индустриальный успех США (ЦГАНТД. Ф. Р-318. Оп. 11. Д. 205). На совещании в Москве, где обсуждались провалы массовых посадок сои на Северном Кавказе (а соя там гнила с 1928 по 1934 гг.), звучало: "одним из основных недостатков... является игнорирование совхозного сектора... вы знаете, какую роль в посеве сое сыграла общественность, какую роль сыграл в этом отношении Комсомол. То большое соревнование, которое шло между Украиной и Северным Кавка-

² ЦГАНТД – Центральный государственный архив научно-технической информации.

зом, конечно, двинуло чрезвычайно самую динамику посевных площадей..." (ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 3. Д. 1058).

В целом совещание было посвящено поиску подходящих новых сортов и агротехник. Знали ли участники совещания, что корейцы владеют тем и другим? Непосредственно они это не обсуждали. Но о корейской соевой технике знали и в Академии наук [2] и в Наркомземе [1]. Плановые органы видели в корейской агротехнике даже потенциал для масштабирования: "Издавна экономика сельского хозяйства корейских районов развивалась ... по сути узкой специализации ее на технических культурах (рис, бобы, пайза, чумиза). Этот яркий тип естественной специализации³ надо закрепить, превратив корейские районы в дополнительные районы монокультур, с распространением на них всех прав и преимуществ, предоставляемых правительством для прочих монокультурных районов СССР – хлопководческих, табаководческих, свекловичных" [14, с. 187].

Однако корейскую агротехнику не приняли к масштабированию поскольку она требовала отсталого ручного труда и не подходила на роль "революционной" для всего СССР. Более того, ее не приняли и для Центральной Азии. Хотя корейцам предоставили некоторые права для выращивания сои, но едва ли предоставили хоть какие-то возможности. В 1960-х Ионова, один из первых этнографов, проводивших полевые исследования среди центральноазиатских корейцев, напишет, что советское государство всячески помогало интродукции бобовых, в т.ч. освобождая корейских переселенцев от налогов [4, с. 315].

Могла ли эта "помощь" создать в Казахстане соеводство или хотя бы компенсировать те потери, которые отрасль понесла из-за переселения единственных в стране умелых соеводов? Нет. На Дальнем Востоке корейцы не только использовали подходящий климат, но и обладали разнообразными ресурсами для выращивания "революционных семян". Данные по имуществу, сданному на Дальнем Востоке, показывает, что сою производили почти все корейские колхозы (даже рыболовецкие). При этом, если судить по квитанциям хозяйств, которые успели зафиксировать сдаваемое имущество (Шмаковский, Верхнеиманский, Советской культуры, Путь Ильича и др.), то в структуре совокупных активов (они включали дома, скот, машины) на сою приходилось около 15%. В структуре производства растительной продукции на сою приходилось 30-40% всего выращенного сданного и оставленного на корню урожая (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2. Л. 4а, 7-8, 13-14, 27, др.). Под сою отводились существенные наделы земли, и эта земля была пригодной именно для выращивания соевых бобов: так, в колхозе "Советская культура" на сою приходилось 25% всех посевов. Такие пропорции определялись, видимо, закупной ценой этой культуры – 55 р/ц (рис закупали за 28,5 р/ц) (ЦГАРК. Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 2. Л. 37).

Всего по квитанциям, осевшим в архивах Переселенческого отдела при НКВД КазАССР, корейцы сдали при выселении 43538 ц сои, предъявили квитанций на месте вселения к осени 1938 г 12048 ц, а смогли получить менее 1% от сданной сои – всего 31 ц (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-8, 13-14). Этот 31 ц сои корейцы смогли получить в 1938 г и только в Алматинской области. При этом 3 ноября 1937 Предсовнаркома Исаев сообщал в НКВД (Москва), что "таких культур как соя у нас совершенно не имеется" (ЦГАРК. Ф. Р-1987. Оп. 1. Д. 2, Л. 212).

Следует отметить, что "соевая революция" к 1937 г. потеряла уже большую часть своего запала. Соя, посаженная из неадаптированных семян в неподходящие, неизученные почвы, гибла, а внедрение других масличных культур оказалось более успешным. Научные эксперименты с соевыми бобами не были полностью свернуты: начавшись на Алматинской станции в 1931 г они не прекращались до войны и были возобновлены сразу после. Более того, эксперименты велись в 1934–35 гг. даже на опытной станции при Карлаге (ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 15. Д. 74). Алматинская станция уже в 1930 г обнаружила местные Дунганские сорта и, следовательно, выявила местных производителей сои (ЦГАРК. Ф. 74. Оп. 15. Д. 245). Однако массовые посевы не велись. Иначе говоря, обеспечить корейцев значительным семенным матери-

³ Утверждение о монокультурности и специализации, конечно, совершенно ошибочно.

лом для развития соеводства в Казахстане было невозможно. Но можно было включить их в эксперименты. Такой попытки сделано не было – и это еще один аргумент в пользу непоследовательности государственной машины.

Корейское соеводство в Узбекистане, возможно, развивалось несколько иначе (что требует дополнительных исследований). Во всяком случае В. Хан свидетельствует, что в 1938 г корейцам были запланированы посевы бобовых [20]. Тем не менее к 1939 г (РГАЭ Ф. 9430. Оп. 1. Д. 51)⁴ от форсированного развития соеводства в Узбекистане также отказались; соя уступила хлопку, с которым конкурировала с 1930–31 гг. (ЦГАНТД Ф. Р-318. Оп. 12. Д. 23).

Как бы то ни было, решение о депортации корейцев не было связано с развитием соеводства в Центральной Азии. Конечно, переселенные были заняты в основном в сельском хозяйстве и так или иначе вовлекались в реализацию разнообразных аграрных кампаний того времени (рисовую, хлопковую, кенафную). Соевая кампания сильно отличалась от перечисленных: за них в первую отвечали республики, а за соевую – центральные структуры (Наркомзем, Масложирсиндикат и ВАСХНИЛ). "Азиатский способ" агропроизводства не соответствовал модернистским идеям индустриализации сельского хозяйства, не подходил для соевой – и шире индустриальной аграрной – революции. Москва, не планируя соевое производство для Казахстана и Узбекистана, не дала корейцам возможности попробовать применить традиционные техники обработки земли для масштабного производства в новых условиях. Вероятно, если бы такие планы были реализованы, корейцам пришлось бы искать способы выхода, и они вновь бы обратились к традициям и здравому смыслу. Они могли бы создать метис в терминах Скота. Начальные инициативы поменялись бы и, возможно, до неузнаваемости, но все же как-то реализовались. От этого метиса зависело выживание и именно благодаря этому рутинному сопротивлению – а вовсе не желанию подчиняться/ стать передовыми стахановцами – двигались государственные программы, инициативы и эпопеи.

Кобонди и базары: запутанность действий властвующих и подвластных в позднем СССР

Если корейцы оказались такими умелыми земледельцами, почему изучавшие их опыт в 1950–1970 гг. советские ученые не выявили "секретов" и не сравнивали шансы корейцев с другими советскими аграриями? Или, если эти секреты были выявлены, почему советское руководство не воспользовалось ими для решения возвращающихся проблем продовольственного дефицита? Ответ, который я предложила в предыдущем разделе – корейские традиционные техники противоречили идее аграрной индустриализации. При этом к 1960-му г СССР хотя и не достиг поставленных целей, но в значительной степени продвинулся в сельскохозяйственной механизации, использовании агрохимии и селекционных семян.

Означает ли это, что корейские техники оказались ненужными и забытыми? Да, если мы говорим о централизованных агентах и представителях государства. Не совсем, если мы обращаем внимание на его региональных представителей. И точно нет, если в фокусе – сами аграрии (от председателей до рабочих). Они трансформировали эти практики и вновь использовали их как способ сопротивления – уже не абсурду без-тракторной индустриализации, а плохо организованной и скудно оплачиваемой работе в колхозе. В результате сформировались уникально-корейские ниши неформальной/ параллельной экономики. Самой известной из них стала кобонди – бригадная форма организации труда корейцев, заключающаяся в сезонной неформальной аренде земли и производстве на ней агрокультур. Такие бригады ездили по всему Союзу, обеспечивая производство лука и других трудо-затратных овощей. Урожайность бригад кобонди значительно превышала урожайность обычных бригад, что позволяло колхозам выполнять план (т.к. формально вся продукция учитывалась как произведенная колхозом), а корейцам отлично зарабатывать. Принципиальным отличием кобонди от, например, шабашничества, была опора только на этнические связи. Кроме того, кобонда (работники бригад) как правило использовали традиционные корейские техники обработки земли [23].

⁴ РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

В. Хан последовательно связывает кобонди с государственным насилием, а кроме того, объясняет, почему феномен существовал десятилетиями и советские власти не пытались эту неформальную и идеологически неверную практику уничтожить. Ученый, объясняя истоки неформальной бригадной аренды, утверждает, что первыми участниками кобонди стали уклонисты от трудармии [20, с. 95]. Председатели колхозов, зажатые тисками жестких планов военного времени, скрытно использовали труд беглецов [22, с. 299]. Впоследствии обоюдное желание председателей колхозов выполнить план и людей заработать не просто поддерживало, но развивало практику кобонди в долгие десятилетия советского застоя. Вначале они работали на местах, потом стали выезжать в соседние регионы, а затем ездили по всей стране.

Феномен кобонди хорошо иллюстрирует заголовок этого раздела – действия властвующих и подвластных никогда не разделены непроницаемой стеной. Председатель колхоза, нанимавший кобонди, хотя и был "властвующим" для рабочих колхоза, сам находился под прессом невыполнимых планов. О неформальной аренде земли и неформальных бригадах знали не только председатели и агрономы. Знали все колхозники – в конце концов, корейцы были не прозрачными духами, а реальными людьми. Знали и региональные власти, которые, с одной стороны, смотрели на неформальную аренду сквозь пальцы, а с другой – пытались на неформалах заработать [23, с. 99]. Так или иначе, но вся советская экономика состояла из таких параллельных реальностей. В Амурской области колхозы, особенно расположенные в зонах рискованного земледелия, неформально распахивали участки в сопках – это позволяло включать параллельный урожай в общие объемы по выполнению плана, привлекали неформальные бригады строителей – это позволяло сэкономить выделенные фонды, быстро построить школу или новый зерновой двор и даже привлечь в колхоз молодых специалистов (ПМА-1. М., 68, **Амурская область, Свободненский район**)⁵.

Далеко не всем феноменам параллельной советской экономики "повезло" так, как кобонди, который изучен очень детально [1; 31; 32]. Две другие неформальные экономические ниши корё сарам, которые также связаны с традиционными знаниями – это *базарная торговля* и *производство еды на продажу* – практически не описаны в литературе.

Корееведы часто пишут, что для корейцев, проживающих на постсоветском пространстве, базар стал значимым способом адаптации в постсоветской реальности [6; 9; 10; 21; 32]. Это, однако, не следует понимать так, что базар вошел в повседневность корё сарам только после распада СССР. Базары, как идеологически неприемлемые/сомнительные формы торговли, трансформируясь и адаптируясь, совсем ненадолго исчезая, функционировали на протяжении всего существования СССР [27]. В момент переселения корейцев рынки были маргинализированы, ассортимент был узким, но все же они существовали, и там можно было купить/продать произведенный продукт. В Центральной Азии корейцы, видимо, очень быстро включились в базарную торговлю. Так, Г. Ким со ссылкой на архивные данные показывает, что советские власти уже в конце 1930-х издавали распоряжения, препятствующие тому, чтобы корейцы свободно продавали произведенный рис [11, с. 102–103]. Ташкентский Куйлюк, расположенный на левом – противоположном от города – берегу р. Чирчик, соседствовал с корейскими колхозами [9, с. 106]. Благодаря этому соседству он вскоре начал восприниматься как "корейский рынок" [21]. О том, что основными продавцами на нем были рабочие соседних колхозов, косвенно свидетельствует этнограф Ю. Ионов. Она так описывает колхоз "Политотдел" (ставший в 1960-х гг. известным на весь Союз): до 1953 г. он был "одним из самых слабых в районе"; причина крылась в "частнособственнических тенденциях и тунеядстве", а также в "непомерно больших приусадебных участках" [4, с. 319]. Если перевести с канцелярита, то становится понятным, что колхозники мало уделяли внимания колхозным посевам, предпочитая личные участки, кто-то и вовсе не работал в колхозе, а трудился на себя.

⁵ ПМА-1 – полевые материалы автора по проекту "Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ".

Именно на таких участках Ионова обнаружила и грядки с соевыми бобами, которые "отлично прижились", а семена для них были "привезены еще с Дальнего Востока" [4, с. 317]. Сложно сказать, росла ли соя на каждом участке, но очевидно, что она не была редкостью. Что важнее – ее активно использовали в практиках приготовления традиционной еды. *"Соевый соус, конечно, был катастрофой. Запахи стояли ужасные. Откуда бабушка взяла рецепты, я не знаю... но когда соус появился в продаже, мы все радовались. Пришлось ее еще уговаривать отказаться (от домашнего приготовления)" (ПМА-2. М., 37, Хабаровск)*⁶. *"Я много чему научилась у подруги. Мы тогда жили в Алматы. Морков-че, ким-чхи, хе из мяса. Но соевый соус, нет. Это какой-то высший пилотаж. Размолоть, сквасить, высушить, заново залить водой. Я даже не пробовала"* (ПМА-2. Ж., 51, Санкт-Петербург).

Производство сои корейцами, едва ли можно хоть как-то вписать в соевую революцию: это было две параллельных реальности. Соевые бобы не стали использоваться для производства соевых котлет или зефира (а такие рецепты в изобилии были разработаны в 1930-х), а стали обязательным атрибутом корейских салатов, появившихся в продаже на Куйлукке (Ташкентский базар) и других базаров уже в 1960-х – 1970-х гг. Об этом свидетельствуют ташкентцы⁷, журналисты и официальные лица [29, с. 48–49]. Об этом говорили и мои информанты: *"Сколько себя помню, мама работала на базаре, продавала овощи, которые вырастила наша семья"* (ПМА-2, м., 55 л, Алматы). *"Дедушка был с Северной Кореи. Они вначале жили на Сахалине, а в 1970-х переехали в Хабаровск. Папа говорил, что он уезжал (на работу в кобонди – НР) почти каждое весну и лето... Бабушка не работала, воспитывала детей. И еще делала дома салаты... продавала их тетя"* (ПМА-2, ж., 39 л, Хабаровск).

Корейские салаты упомянуты в работах многих исследователей [6, 9, с. 105–115, 21, с. 147], но мне не удалось найти подробного описания, тем более анализа того, как еда, ставшая традиционной для корей сарам, перекочевала на базар. Попробую предположить. Рецепты корё сарам хоть и отличаются от южнокорейских, но предполагают использование традиционных способов ферментации овощей и включают такие обязательные атрибуты, как соевый соус и соевая паста [31]. Ферментация, известная многим народам, является незаменимым способом сохранения еды, что удобно и продавцу, и покупателю, особенно в жарком климате. Добавление соевой пасты, характерное для корейских, китайских, японских ферментированных блюд, не только улучшает вкус, но и повышает пищевую ценность растительной (а потому легкой) пищи. Таким образом, ферментация, пищевая ценность, низкая цена, традиционный, но непростой для повторения рецепт (соуса и пасты), объясняют коммерческий успех и устойчивость этой рыночной ниши.

Подводя итог ответу на вопрос, как корейцы сформировали особые, отличные от других социальных/этнических групп неформальные экономические практики/ ниши, еще раз подчеркиваю, что причиной тому было продолжающееся насилие. Подвергаясь регулярным гонениям, оказываясь на грани голода, они сохраняли техники использования земли, методы ферментации и традиционные культуры (сою и рис). В этом сохранении не было, на мой взгляд, "магии" этнической солидарности, но постоянно присутствовало рутинное сопротивление. Сопrotивляясь абсурдным указаниям, они использовали знакомые техники обработки земли и через это становились стахановцами и развивали рисоводство в Центральной Азии. Благодаря сопротивлению и использованию традиций, они становились эффективными предпринимателями и торговцами, когда оба эти слова тотально противоречили идеологии.

Заключение

Соевая революция не была связана с решением о депортации корейцев. Однако это решение привело к тому, что соя стала ингредиентом корейского неформального предпринимательства. Это предпринимательство имело осо-

⁶ ПМА-2 – полевые материалы автора по проекту "Неизвестная советская соя: растение и власть на периферии".

⁷ См: UPL: (<https://gazeta-rk.ru/planeta-moej-yunosti-kujlyuk/>) (дата обращения: 10.07.2023).

бенный характер и отличалось от других форм (например, шабашничества) не только тем, что строилось на этническом факторе (в группы шабашников вовлекались люди разных социальных, этнических групп), но тем, что связывало воедино разнообразие практик корейского рутинного сопротивления.

Как утверждал Скотт, "цель подавляющего большинства крестьянских сопротивлений состоит не в непосредственном свержении или трансформации системы господства, а в выживании в ней сегодня, на этой неделе, в этот сезон" [33, с.331]. Корё Сарам, видимо, не преследовали изменения господства, а вот их выживание зависело – при чем и в имперский, и советский периоды – от неформальной аренды земли (а временами от ее утаивания в тайге), от выбора культур для посева и, что крайне важно, от приверженности традиционным техникам обработки земли. В Центральной Азии одной из на первый взгляд нелогичных (но точно отличных от описанных Скоттом) практик стал ударный труд. Этот труд, упорный, но приносящий малую отдачу, вместе с уклонением от трудармии, как утверждает Хан, заложили основу кобонди. Я полагаю, что эта практика также неотделима от стойкой приверженности техникам обработки земли, которые в течение ста лет рассматривались российскими чиновниками как отсталые и недостойные, но которые позволяли корейцам вначале выживать, а потом и неплохо зарабатывать в рамках неформальной/параллельной экономики.

Реализация многих этих практик была возможной из-за запутанности, отсутствия четкой границы между целями и действиями властвующих и подвластных. В имперское время, не имея своей земли, корейцы были вынуждены обрабатывать казачьи земли, что одновременно служило интересам самих корейцев и интересам казачества и более высоких властей в удержании вновь приобретенных земель; в раннее советское время – подстегиваемые голодом корё сарам включались в стахановское движение, позднее – в базары и бригады кобонди, что помогало председателями колхозов, локальным и региональным руководителям решать свои задачи в плохо работающей экономической системе.

Литература

1. Бирско-Биджанский Район Дальне-Восточного Края. Вып. 1. Предварительный сводный отчет экспедиции. СССР. ЦИК. Комитет по земельному устройству трудящихся евреев. М.: Тип. ЭМЕС, 1928.
2. Вульфсон С. Культура сои // Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М.: Сельхозгиз, 1936. С. 57–64.
3. Иольсон Л.М. Соя. Химия, технология и применение. М.: 1932.
4. Ионова Ю.В. Этнография Кореи. Российское корееведение в прошлом и настоящем. М.: Первое марта, 2011.
5. Исхаков Ф., Ким М. Люди счастливой судьбы (О тружениках колхоза "Полярная звезда"). Ташкент, 1972.
6. Каменских М. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. Litres, 2022. 209 с.
7. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1996.
8. Караман В. Н. Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в. // Центральный государственный музей Томской области. Мемориальный музей "Следственная тюрьма НКВД". URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/publication/Karaman/> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Ким Б.И. Ветры наших судеб: Сов. корейцы. История и современность. Ташкент: Узбекистон, 1991. 180 с.
10. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Алматы, 2013. 775 с.
11. Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана: Научно-аналитический обзор. Алма-Ата, 1989.
12. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004.
13. Международная научно-практическая конференция: Ким Пен Хва и Корейцы Узбекистана. Тезисы докладов. Ташкент, 2005.
14. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России. Иркутск. Ирк-кий гос. пед. ин-т, 1995.
15. Попов В.А. Соевые бобы и сырьевая проблема жировой промышленности. Масложирсиндикат. М.-Л.: Промиздат, 1927. 86 с.
16. Рубинский В.А. Отчет о произведенных в 1915 г Амурской агрономической организацией опытах по культуре маслиничной сои в условиях Амурской обл. Благовещенск: Тип. Хворова, 1916.

17. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в гор. Хабаровске. Хабаровск, 1899.
18. Стасюкевич С.М. Некоторые аспекты землепользования корейцев в советском Приморье в 1920-х гг. Актуальные проблемы соц-гум наук. Сб. науч. тр. ДАЛьГАУ. Благовещенск, 2019. С. 46–57.
19. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. РОССПЭН, 1994. 421 с.
20. Хан В.С. Историография корейцев Центральной Азии: основные направления и этапы развития. Ташкент: Baktria press, 2021.
21. Хан В.С. Корё сарам: Кто мы? Очерки истории корейцев. Бишкек, 2009.
22. Хан В. С. О причинах возникновения кобонди // Ариран - 1937. Альманах. Вып. 1. Ташкент: "Санъат", 2008. С. 93–100.
23. Хан В.С. О специфике трудовой деятельности коре сарам в СССР: кобонди - образ рыночника в нерыночной экономике// 러시아지역 해외한민연구 3권. 서울. 2019. С. 289–325.
24. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // Journal of Historical Sociology. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
25. Blauvelt T.K. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery: A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. № 3. P. 78–108.
26. Chang J.K. Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East. Un-ty of Hawaii Press, 2016. 289 p.
27. Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953. Princeton Un-ty Press, 2004.
28. Jun S.H. Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chiksöl). Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
29. Hho S. Koreans in Soviet Central Asia (Studia Orientalia, 61). Helsinki: Finnish Oriental Society, 1987. 262 p.
30. Kim A., Surzhik M., Mamychiev A. Soviet Koreans and Far Eastern NKVD in the 1930s // East Asia. 2021. № 1 (38). 3. 93–103.
31. Kwon D.Y., Chung K.R., Jang D.-J. The history and science of Chongkukjang, a Korean fermented soybean product // Journal of Ethnic Foods. 2019. № 1 (6). P. 1–17
32. Nazarova O. Koreans in Turkmenistan: History and Modern Situation// Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond/ Ed. J. Reckel, M. Schatz. Universitätsverlag Göttingen, 2020. P.43–50.
33. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
34. Tauger M. Soviet Peasants and Collectivization, 1930-39: Resistance and Adaptation // The Journal of Peasant Studies. 2004. № 3–4 (31). P. 427–456.
35. Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. № 1 (1). P. 45–69.

References

1. Birsko-Bidzhansky District of Far-Eastern Krai. Is.1. Preliminary report of the expedition. USSR. Committee for the Land Arrangement for Jews. M: EMES, 1928. (In Russ.).
2. Wolfson S. Culture of soya // Agriculture of the USSR. Yearbook 1935. M.: Selkhozgiz, 1936. P. 57–64. (In Russ.).
3. Iolson L.M. Soybean. Chemistry, technology and application. M.: 1932. (In Russ.).
4. Ionova Y.V. Ethnography of Korea. Russian Korean studies in the past and present. Moscow: First March, 2011. (In Russ.).
5. Iskhakov F., Kim M. People of happy fate (About the workers of the collective farm "Polar Star"). Tashkent, 1972. (In Russ.).
6. Kamenskikh M. Koreans in the Perm Territory: sketches of history and ethnography. Litres, 2022. 209 p. (In Russ.).
7. Kan G.V. History of Koreans of Kazakhstan. Almaty, 1996. (In Russ.).
8. Karaman V.N. Political repressions against the peasantry in the Far East of the USSR in the 20-30s of the twentieth century. // Central State Museum of the Tomsk Region. Memorial Museum "Investigative Prison of the NKVD". URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/publication/Karaman/>. (In Russ.).
9. Kim B.I. Winds of our destinies: Sov. Koreans. History and Modernity. Tashkent: Uzbekiston, 1991. 180 p. (In Russ.).
10. Kim G.N. Selected works on Korean studies. Almaty, 2013. 775 p. (In Russ.).
11. Kim G.N. Socio-cultural development of Koreans in Kazakhstan: Scientific and analytical review. Alma-Ata, 1989. (In Russ.).
12. Lykova E.A., Proskurina L.I. Village of the Far East in the 20-30-ies of the XX century: Collectivisation and its consequences. VI-k: Dalnauka, 2004. (In Russ.).

13. International Scientific and Practical Conference: Kim Pen Hwa and Koreans of Uzbekistan. Theses of reports. Tashkent, 2005. (In Russ.).
14. Pak B.D. Koreans in Soviet Russia. Irk State Pedagogical Institute, 1995. (In Russ.).
15. Popov V.A. Soybeans and raw material problem of fat industry. Maslozhirsyndikat. M.-L.: Promizdat, 1927. 86 p. (In Russ.).
16. Rubinsky V.A. Report on the 1915 experiments of the Amur agronomic organisation on the culture of oilseed soybean in the conditions of the Amur region. Blagoveshchensk: Tip. Khvorov, 1916. (In Russ.).
17. Smirnov E.T. Priamursky Krai at the Amur-Primorsky exhibition of 1899 in Khabarovsk. Khabarovsk. Khabarovsk, 1899. (In Russ.).
18. Stasyukevich S.M. Some aspects of land use of Koreans in the Soviet Primorye in 1920s. Actual issues of social and humanitarian science. Collective volume. DALGAU. Blag-sk, 2019. P. 46–57. (In Russ.).
19. Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Social History of Soviet Russia in the 30s: the Village. ROSSPEN, 1994. 421 p. (In Russ.).
20. Khan V.S. Historiography of Koreans of Central Asia: main directions and stages of development. Tashkent: Baktria press, 2021. (In Russ.).
21. Khan V.S. Koryo Saram: Who are we? Essays on the History of Koreans. Bishkek, 2009. (In Russ.).
22. Khan V.S. About the causes of kobondi // Ariran – 1937. Almanac. Vol. 1. Tashkent: "San'at", 2008. P. 93–100. (In Russ.).
23. Khan V.S. On the specifics of labour activity of Koryo Saram in the USSR: gobonji – image of a market man in a non-market economy// 러시아지역 해외한민연구 3권. 서울. 2019. p. 289–325. (In Russ.).
24. Abrams P. Notes on the Difficulty of Studying the State (1977) // Journal of Historical Sociology. 1988. № 1 (1). P. 58–89.
25. Blauvelt T.K. Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery: A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. № 3. P. 78–108.
26. Chang J.K. Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East. Un-ty of Hawaii Press, 2016. 289 p.
27. Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953. Princeton Un-ty Press, 2004.
28. Jun S.H. Agriculture and Korean Economic History: Concise Farming Talk (Nongsa chiksöl). Springer Singapore; Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.
29. Hho S. Koreans in Soviet Central Asia (Studia Orientalia, 61). Helsinki: Finnish Oriental Society, 1987. 262 p.
30. Kim A., Surzhik M., Mamychiev A. Soviet Koreans and Far Eastern NKVD in the 1930s // East Asia. 2021. № 1 (38). 3. 93–103.
31. Kwon D.Y., Chung K.R., Jang D.-J. The history and science of Chongkukjang, a Korean fermented soybean product // Journal of Ethnic Foods. 2019. № 1 (6). P. 1–17.
32. Nazarova O. Koreans in Turkmenistan: History and Modern Situation // Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond/ Ed. J. Reckel, M. Schatz. Universitätsverlag Göttingen, 2020. P.43–50.
33. Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale Un-ty Press, 1987. 392 p.
34. Tauger M. Soviet Peasants and Collectivization, 1930-39: Resistance and Adaptation // The Journal of Peasant Studies. 2004. № 3–4 (31). P. 427–456.
35. Viola L. Popular Resistance in the Stalinist 1930s: Soliloquy of a Devil's Advocate // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. № 1 (1). P. 45–69.

Информация об авторе

Наталья Петровна Рыжова, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика; заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Information about the author

Natalia P. Ryzhova, Doctor of Economics, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: n.p.ryzhova@gmail.com

Поступила в редакцию 24.07.2023

Одобрена после рецензирования 11.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 24.07.2023

Approved 11.11.2023

Accepted 23.11.2023

Владивостокская крепость в начале 1920-х гг.: от падения Белого Приморья до самоликвидации

Василий Кириллович Азаревич

Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева,
Владивосток, v.k.azarevich@gmail.com

Аннотация. В статье на основе ранее не публиковавшихся документов Российского государственного военного архива приводится история Владивостокской крепости в 1922–1923 годах. Показано, что вопреки укоренившемуся в исследовательской литературе мнению ликвидация крепости Владивосток была связана не с внешне-политическими событиями и договорённостями, а с теми изменениями, которые последовали в Красной армии после завершения Гражданской войны. Основными причинами, по которым в первой половине 1920-х годов Владивостокская крепость прекратила своё существование, были нехватка денег для поддержания её дальнейшего существования и серьёзные изменения в теории и практике береговой обороны, вызванные опытом Первой мировой войны и внедрения новых технологий в военном деле. В 1920-е годы в теории и практике военного дела произошли те самые изменения, которые предопределили использование объектов Владивостокской крепости силами Тихоокеанского флота в 1930-е – 1950-е годы как для обороны города и базы военно-морского флота, так и для размещения складов и средств связи с учётом всех произошедших изменений в военной теории.

Ключевые слова: Владивостокская крепость, РСФСР, ДВР, Рабоче-крестьянская красная армия, Владивосток, Дальний Восток, Народный комиссариат по военным и морским делам

Для цитирования: Азаревич В. К. Владивостокская крепость в начале 1920-х гг.: от падения Белого Приморья до самоликвидации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 78–88. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/78-88>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/78-88>

Vladivostok Fortress in the Early 1920s: From the Fall of White Primorye to Self-Liquidation

Vasilij K. Azarevich

Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, v.k.azarevich@gmail.com

Abstract. In the article, on the basis of previously unpublished documents of the Russian State Military Archive, the history of the Vladivostok fortress in 1922–1923 is presented. It is shown that contrary to the opinion rooted in the research literature, the liquidation of the Vladivostok fortress was connected not with foreign political events and agreements, but with the changes that followed in the Red Army after the end of the Civil War. The main reasons why the Vladivostok fortress ceased to exist in the first half of the 1920s were the lack of money to support its further existence and serious changes in the theory and practice of coastal defense caused by the experience of World War I and the introduction of new technologies in military affairs. In the 1920s the very changes in the theory and practice of military affairs took place, which predetermined the use of Vladivostok fortress facilities by the Pacific Fleet forces in the 1930s – 1950s as for the defense of the city and naval base, so placement of warehouses and communication facilities, taking into account all the changes in military theory.

Key words: Vladivostok fortress, RSFSR, DVR, Workers' Peasants' Red Army, Vladivostok, Far East, People's Commissariat for Military and Maritime Affairs

For citation: Azarevich V. K. Vladivostok Fortress in the Early 1920s: From the Fall of White Primorye to Self-Liquidation // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 78–88. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/78-88>

Изучение военного строительства на Дальнем Востоке РСФСР в 1920-е годы представляет большой интерес. При рассмотрении этой проблемы становится понятно то, какие угрозы считались приоритетными для Советской России в регионе, каковы были планы центральных и региональных властей и что предпринималось для его защиты.

В этой связи пристальное внимание привлекает вопрос того, как именно наследие дореволюционной русской императорской армии использовалось РККА. Наиболее крупным и боеспособным оперативным объединением на территории дореволюционного Приамурского военного округа можно назвать Владивостокскую крепость, чей гарнизон на пике численности достигал 60 тыс. человек.

Крепость состояла из 16 фортов, нескольких десятков батарей, капониров и полукапониров, пороховых погребов и иных оборонительных сооружений, расположенных на полуострове Муравьёва-Амурского и острове Русском. Кроме того, она была символом незыблемости присутствия России на Дальнем Востоке, что было важно после Русско-японской войны, когда Владиво-

сток стал главным портом и военно-морской базой России на Тихом океане [4, с. 11–12]. Но в 1920-е годы Владивостокская крепость теряет своё прежнее значение и исчезает. Крепостные сооружения перестали использоваться до 1930-х годов.

В исследовательской литературе о Владивостокской крепости – во 2-м томе четырёхтомника об истории крепости – этот феномен объясняется тем, что в начале 1920-х годов правительства ДВР и РСФСР и Япония пришли к договорённости, по которой японские интервенты уходили из Приморья в обмен на ряд уступок, включая ликвидацию Владивостокской крепости [1, с. 393]. Спустя два года в 4-м томе те же авторы писали уже, что Владивостокская крепость была ликвидирована советскими властями, чтобы не провоцировать японцев после вывода ими войск из Приморья [3, с. 365].

Исследовательская литература о внешней политики ДВР и РСФСР на дальневосточном направлении представляет иную точку зрения, из которой следует, что никаких договоров между РСФСР, ДВР и Японией не было. Во время Дайренской конференции 1921–1922 гг. японская делегация выдвинула к властям ДВР список требований, среди которых значилась ликвидация крепостей во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре. При этом японцы сели за стол переговоров из-за экономических проблем, связанных с интервенцией (дефицит бюджета 400 млн иен, сокращение золотого запаса на 100 млн иен, траты на саму интервенцию 1 млрд иен), давления со стороны военного министерства, желавшего сократить военное участие в Гражданской войне в России и со стороны торгово-промышленных кругов, склонных к торговле с ДВР и РСФСР. Дополнительным стимулом послужило подписание англо-советских и германо-советских договоров [12, с. 77–78]. С начала переговоров США давили на Японию, шантажируя возможным признанием ДВР со стороны Вашингтона [12, с. 78–79]. Как следует из прижизненных мемуаров председателя Совета министров ДВР П.М. Никифорова, на Дайренской конференции делегация Дальневосточной республики получила указания от коллег из РСФСР ни в коем случае не принимать требования японской стороны [11, с. 273]. Такая позиция дальневосточных и советских дипломатов априори исключала какие-либо соглашения с Токио. В итоге правительство ДВР отвергло ультиматум японской стороны, что привело к срыву конференции. Единственным её результатом стал обмен корреспондентами информационных агентств между ДВР и Японией [12, с. 87].

На Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. японцы оказались под мощным давлением со стороны Великобритании и США. К тому же в качестве наблюдателей без права участия американскими властями была приглашена делегация МИД ДВР, что привело делегацию США к заявлению с требованием вывода японских войск с Дальнего Востока [12, с. 92]. Так как Вашингтон был заинтересован в уменьшении японской сферы влияния, то политика США способствовала прекращению японской интервенции [12, с. 96]. Так как США в военном и экономическом отношении превосходили Японию, то Токио пришлось прислушиваться к позиции Вашингтона по ряду вопросов, включая сибирский [5, с. 100].

Японские войска на Дальнем Востоке подвергались разложению – офицеры предпочитали весело проводить время в мимолётных развлечениях, а среди солдат, видевших поведение командиров, неуклонно падал уровень дисциплины [6, с. 276]. Весной 1922 г. с требованием вывода японских войск из Приморской области к властям обратились представители профсоюзного движения. Чуть позже аналогичную петицию японскому премьер-министру подала японская диаспора Владивостока [6, с. 289]. К мысли о необходимости скорейшего вывода войск из России пришёл японский генштаб. Сухопутные генералы считали, что страна не в состоянии потянуть продолжение интервенции, а падение морального духа в армии и растущие пацифистские настроения в обществе представляют большую угрозу, чем переход Дальнего Востока под контроль РСФСР [6, с. 290–291]. При этом поддержку ДВР и РСФСР оказало правительство США, которое в июле 1922 г. выступило против отчуждения каких-либо территорий от России и начало оказывать серьёзное давление на Токио с целью вывода японских войск с Северного Сахалина [14, с. 399].

Летом 1922 г. произошла смена правительства Японии. Новым премьером стал Томосабуро Като – бывший морской министр, сторонник экспансии Японии на Тихом океане и прекращения интервенции в Россию [12, С. 99]. Его кабинет заявил, что японцы покинут Приморскую область к октябрю 1922 [14, с. 398]. После этого японское правительство отказалось от продолжения интервенции и стало готовиться к выводу войск [5, с. 101]. Впервые предложение о выводе войск японская сторона озвучила при подготовке к Чаньчунской конференции [11, с. 282]. Фактическая эвакуация японских войск из Владивостока началась ещё до подхода к нему сил НРА ДВР [11, с. 278].

24 октября 1922 г., когда Народно-революционная армия ДВР находилась в пригороде Владивостока, между командованиями НРА и японского экспедиционного корпуса на станции Седанка было подписано соглашение о выводе японских войск из Владивостока. В договоре подробно расписан порядок ввода дальневосточных войск в город, смена караулов с японских на нарооармейские, но нет ни слова о ликвидации Владивостокской крепости (РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 40. Л. 13)¹. Следующий международный договор с Японией был заключён в Пекине в начале 1925 г., когда, по устоявшемуся представлению, Владивостокская крепость была уже более двух лет как ликвидирована.

Конечно, можно предположить, что договор с Японией о ликвидации Владивостокской крепости носил секретный характер и по какой-то причине он до сих пор не рассекречен или не введён в оборот. Однако такого рода предположение выглядит крайне странно – если договор действительно есть, но он секретен, то тогда непонятно, как вообще можно было на него ссылаться. Если он рассекречен, то он уже неизбежно должен был быть введён в оборот, так как история внешней политики ДВР и РСФСР на Дальнем Востоке с конца 1980-х годов остаётся в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей. Нельзя забывать, что во время так называемой "архивной революции" 1980-х – 1990-х годов было рассекречено огромное количество документов высших органов власти о тайной советской дипломатии: Брест-Литовский и Карский мирные договоры, пакт Молотова-Риббентропа и секретные приложения к нему и иные подобные документы. Предположение о том, что Владивостокская крепость была ликвидирована как некая уступка Японии дабы не провоцировать её на конфликт тоже не подтверждается. Японские власти сами вывели войска из Приморья под влиянием внутренних социально-экономических проблем и внешнеполитического давления со стороны США. Об этом власти РСФСР и ДВР должны были знать от своих разведчиков и дипломатов.

Получается, что объяснить ликвидацию Владивостокской крепости с точки зрения внешней политики не получается. Просто не существует документа, в котором был бы зафиксирован данный акт. В этой связи вопрос о том, почему же была упразднена крупнейшая крепость и воинская часть российского Дальнего Востока по-прежнему остаётся открытым.

Для его разрешения стоит перейти от вопросов внешней политики к внутренней. А именно к документам высших органов управления Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), которые хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Именно там находятся акты и отчёты так называемой "комиссии Петряева" – комиссии Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА по учёту трофейного имущества во Владивостоке. Своё название она получила в честь её начальника – помощника начальника артиллерии РККА П.А. Петряева. Эта комиссия действовала во Владивостоке в 1923 г., и её документы, наравне с делопроизводственной перепиской ряда высших органов управления РККА (управление делами народного комиссара обороны, главное артиллерийское управление, главное военно-инженерное управление (ГВИУ), главный начальник снабжения (ГНС) и т.п.) вместе с документами Разведывательного управления НРА ДВР, управления НРА ДВР и штаба 5-й армии, позволяют пролить свет на этот вопрос. Особое внимание стоит обратить на события октября 1922 – октября 1923 гг., когда окончательно была завершена инвентаризация и распределение имущества Владивостокской крепости.

¹ РГВА – Российский государственный военный архив.

К концу Гражданской войны Владивостокская крепость была тенью былого величия. Большая часть гарнизона и артиллерии крепости была выведена за её пределы ещё в годы Первой мировой войны – позже этот процесс усугубили военные реформы Временного правительства и демобилизация старой армии на рубеже 1917–1918 гг. На протяжении всей Гражданской войны объекты Владивостокской крепости охранялись в основном единичными караулами из вольнонаёмных гражданских служащих или сотрудников милиции. Некоторые из них (например, Форт № 6) были заняты японскими войсками.

Процесс "усыхания" гарнизона привёл к тому, что сводки Разведуправления Военного совета Народно-революционной армии ДВР за 1921 г. указывали, что к 1 октября "во Владивостокской крепости (так в документе) находилась стрелковая бригада Осипова численностью в 500 штыков" и 300 штыков Сибирского казачьего полка в казарменном городке в посёлке Пospelово на острове Русском (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1 Д. 1184)². 2-я стрелковая бригада генерала Осипова входила в состав 3-го Каппелевского корпуса генерала Молчанова и находилась в бухте Горностай, а Сибирский казачий полк, то подчинялся Семёнову, то переходил под контроль кашпелевцев [15 с. 54-55]. При этом разведупр НРА не посчитал в качестве крепостного гарнизона войска, размещённые во Владивостоке. Вероятно, военная разведка ДВР считала, что прямую опасность могли представлять лишь те войска, что расквартированы в непосредственной близости от крепостных объектов.

Осенью 1922 г., когда войска Народно-революционной армии ДВР стремительно продвигались к Владивостоку, командующий Сибирской флотилией Г.К. Старк хотел использовать форты Северного отдела обороны города для защиты города от НРА, но эта идея была отвергнута М.К. Дитерихсом – последним диктатором Белого Приморья [1, с. 277]. Укрепления Владивостокской крепости достались НРА ДВР почти не повреждёнными, пусть и недостроенными, о чём свидетельствуют первые результаты осмотров крепостных сооружений. В декабре 1922 г. начальник инженеров крепости Э.О. Маак докладывал в Читу главному инженеру 5-й армии: "Инжоборонительные сооружения крепости как таковые японскими войсками не повреждались совсем и ремонта не требуют. Японскими войсками повреждены только самые орудия на батареях" (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 4). К батареям, на которых были повреждены в той или иной степени орудия, относились: Безымянная, Токаревская, Назимовская, Соболев, батареи бухт Воевода, мортирная батарея № 2 Горностай и батарея на острове Шкота. Также в сентябре 1922 японцами были подорваны боеприпасы в погребах ряда батарей, контролировавших вход в порт. Например, о взрыве на Назимовской батарее, устроенном японцами, сообщали газеты [2, с. 297].

О том, что с момента входа войск НРА во Владивосток шла работа по оценке потенциала Владивостокской крепости, говорят сохранившиеся документы 5-й армии, в которую были преобразованы части НРА ДВР после вхождения республики в состав РСФСР. В декабре 1922 г. сотрудник для поручений управления артиллерии 5-й армии Ростислав Напёрстков, служивший ранее в 4-м и 3-м владивостокских крепостных артиллерийских полках, предоставил своему начальству рапорт, в котором описывал состояние крепости Владивосток. Основой для него стали предоставленные штабом армии карты крепости и личные воспоминания Напёрсткова как бывшего офицера крепостного гарнизона (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 5). В оценке потенциала крепости Напёрстков особое внимание уделял береговым батареям, обосновывая это тем, что "главная задача кр. Владивосток была береговая оборона побережья, следовательно эти батареи должны были действовать в тесном контакте с флотом" (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 6). Про сухопутные укрепления он писал, что "сухопутная оборона крепости представляла переходную стадию развораживания крепости в первоклассную, почему было приступлено с 1907 г. к сооружению фортов за №№ 1-13 и железобетонных батарей с убежищами и погребами по последнему слову техники, а существовавшие форты с №№ римских цифр предлагалось усилить, равно как и опорные пункты и литерные батареи на сухопутном фронте" (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 6). В реальности строительство началось в 1910 г., и в его рамках

² РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

не были построены форты № 8 и № 13. Также нельзя не отметить, что при строительстве использовался трамбованный, а не армированный бетон. Такие неточности показывают, что во все детали крепостного строительства во Владивостоке Напёрсков не был погружён, разбирался в них относительно слабо и потому предоставленная им информация априори не могла быть полной и исчерпывающей.

Управление артиллерии 5-й армии, совместно с инженерным, подготовило ряд документов из которых следует, что к 1922 г. артиллерийское вооружение сохранилось на следующих батареях: Безымянная (9-дм орудия образца 1867 г.), Токаревская (4 11-дм мортиры 1877 г.), Назимовская (2 11-дм пушки 1877), также были обнаружены 10 11-дм орудий на мортирной батарее № 2 в бухте Горностай, батарее № 357 на вершине горы Воевода на острове Русском (4 11-дм мортиры 1877 г.), 10 11-дм пушек на батарее № 310, а также батарее 4 120-мм пушки Виккерса на острове Шкота (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 2). Все перечисленные орудия были так или иначе повреждены японскими интервентами при их эвакуации из города. При этом стоит отметить, что в сохранившихся документах есть заметное количество неточностей – перепутаны номера батарей, некорректно указаны (или не указаны вообще) калибры орудий, типы применяемых систем.

Всего же в период с октября по декабрь 1922 г. сначала военными чиновниками НРА ДВР, а потом уже военнотружениками 5-й армии РККА на складах Владивостокской крепости было выявлено более 84000 винтовок Мосина, 200 орудий разного калибра (от 11-дм до 57 мм), более 400000 3-дм шрапнелных гранат, около 6000000 японских винтовочных патронов и множество иных видов военного снаряжения (РГВА. Ф. 22. Оп. 10. Д. 43. Л. 46). Истощённой Гражданской войной РСФСР такие заметные запасы вооружения позволяли восполнить дефицит амуниции и снаряжения в войсковых частях Сибири и Дальнего Востока. Возможно, этим соображениям можно объяснить то, что иначе как "трофейным" имущество Владивостокской крепости в красноармейских документах не называли.

Большой проблемой было несоответствие результатов проверок, проводившихся местными военными властями, друг другу. Например, 29 октября комиссией начальника штаба красноармейских сил в Сибири было выявлено 78619 пудов тротила, а уже 7 ноября управление артиллерии НРА сообщало о выявлении 60000 пудов (РГВА. Ф. 22. Оп. 10. Д. 43. Л. 46). В результате выявления этих несоответствий в Москве 14 декабря 1922 г. Главным артиллерийским управлением и Главным начальником снабжения РККА было принято решение о создании межведомственной комиссии по разбору захваченного во Владивостоке имущества. Во главе комиссии встал помощник начальника артиллерии П.А. Петряев. Также в состав комиссии были включены представители главного военно-инженерного, главного военно-хозяйственного управлений, управления начальника бронесил РККА и главного управления воздушного флота (РГВА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 715. Л. 18).

Стоит отметить, что работа комиссии началась отнюдь не гладко. Достаточно быстро выяснилось, что у ГАУ РККА нет денег на то, чтобы своевременно отправить комиссию по учёту имущества во Владивосток (РГВА. Ф. 46. Оп. 5. Д. 412. Л. 17). В итоге средства были всё же найдены – после получения аванса в 3 млн рублей, и 26 декабря 1922 г. комиссия выехала во Владивосток (РГВА. Ф. 46. Оп. 5. Д. 412. Л. 61).

31 декабря того же года комиссия Петряева получила инструкцию от Главного начальника снабжения РККА. Согласно ей комиссия должна была: 1) осмотреть во Владивостоке и окрестностях все хранилища с имуществом, обеспечить его охрану и целостность; 2) организовать разборку, сортировку и точный учёт трофейного имущества; 3) уже учтённое имущество, распределённое на передачу 5-й армии, Восточно- и Западно-Сибирскому военному округам распределить с отдачей приоритета 5-й армии, затем Восточно-Сибирскому и только потом Западно-Сибирскому округу; 4) остальное имущество распределить по складам Сибири и только потом европейской части России, передав туда то, что могло составить мобилизационный запас; 5) негодное и ненужное имущество ликвидировать на месте; 6) действующую во Владивостоке комиссию 5-й армии принять в свой состав; 7) осмотреть Владивостокский укрепленный район в отношении снабжения и вооружения; 8)

проинспектировать местные склады 5-й армии; 9) отправку имущества организовать в плановом порядке, сообразуясь с транспортными возможностями и ценностями имущества (РГВА. Ф. 46. Оп. 5. Д. 412. Л. 75).

К весне 1923 г. основная часть работы комиссии Петраева была завершена. Военное имущество крепости Владивосток было учтено, рассортировано и приготовлено к отправке несмотря на то, что было неизвестно куда оно будет распределено – только в склады Сибири и Дальнего Востока или ещё куда-либо (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 2). При этом комиссия столкнулась с трудностями логистического и финансового характера.

Проблемы с логистикой выражались в том, что в Омском и Иркутском артиллерийских складах, куда были направлены 600 и 800 вагонов с военным имуществом заканчивалось свободное место для хранения. Поэтому командование Западно- и Восточно-Сибирского военных округов просило комиссию Петраева рассмотреть возможность отправки военного имущества крепости Владивосток в другие военные округа (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. ЛЛ. 4-4об). Самой комиссии не хватало денег на то, чтобы организовать перевозку всех вагонов с выявленным имуществом (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 5).

Проблема с нехваткой кредита на оплату транспортировки военных грузов была решена в духе только начавшейся новой экономической политики. Командование РККА разрешило комиссии Петраева продать суда Владивостокской крепости и наименее пригодное к транспортировке имущество в виде металлолома, а на вырученные деньги оплатить отправку оставшихся амуниции и снаряжения (РГВА. Ф. 20. Оп. 13. Д. 561. Л. 13). Эти коммерческие операции начались в мае 1923 г. и позволили ускорить процесс вывоза военного имущества.

В апреле 1923 г. была окончательно решена судьба выявленных орудий Владивостокской крепости. Те из них, что были признаны ещё сколь-либо пригодными к дальнейшему использованию, были поделены между Петроградом и Севастополем. В Петроград (точнее, в Кронштадт) подлежали вывозу 4 120-мм пушки Виккерса (РГВА. Ф. 20. Оп. 13. Д. 561. Л. 18об). Отправке в Севастополь подлежали 10 исправных 11-дм мортир обр. 1877 г., 4 9-дм мортиры обр. 1867 г. и одна 6-дм пушка Канэ (РГВА. Ф. 20. Оп. 13. Д. 561. ЛЛ. 18-18об). Одновременно с этим был подсчитан общий ущерб владивостокской крепостной артиллерии от действий японцев, который оценивался на сумму 28543680,75 рублей золотом (РГВА. Ф. 20. Оп. 13. Д. 561. ЛЛ. 73об).

Остальное же военное имущество Владивостокской крепости было распределено к отправке почти по всем военным округам РСФСР, БССР и УССР. Разного рода военная амуниция (котелки, подошвы, кожи, ремни, патронные сумки и прочее) должны были быть отправлены в Омск, Смоленск, Харьков и Москву. Большая часть этой амуниции должна была поступить в запасы 5-й армии (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 17). Узкоколейные железные дороги, детали к ним, подземные кабели, боеприпасы и взрывчатые вещества подлежали отправке морем в Петроград (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 18). Всего же комиссия Петраева подготовила к отправке 6800 вагонов военных грузов, 5300 из которых должны были отправиться морем (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 48).

Решение старых проблем с транспортировкой грузов порождало новые. Так, выяснилось, что часть грузов, предназначенных для Петроградского военного округа и отправленная морем через Архангельск, не могла быть своевременно доставлена к месту назначения. Из-за этого было принято решение об использовании для временного хранения грузов свежестроенного склада между станциями Морженко и Сухона в современной Вологодской области (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 56). Для хранения вывезенных из Владивостока на нужды Московского военного округа порохов также предполагалось построить бетонный склад в районе Калуги (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 56об). Денег на это у руководства РККА тоже не было, поэтому было принято решение о продаже имущества Владивостокской крепости на сумму в 6949150 рублей золотом с расчётом на то, что строительство складов обойдётся примерно в 5 млн и ещё 2134233 уйдёт на транспортировку (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 57об).

Несмотря на все ухищрения денег на транспортировку грузов из Владивостока критически не хватало. К июлю 1923 эти перевозки были остановлены из-за задолженности наркомвоенмора перед наркоматом путей сообщения, из-за чего пришлось организовать продажу ещё одной части крепостного имущества (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 112). Всё это время дальнейшая судьба Владивостокской крепости оставалась в подвешенном состоянии. Ещё в апреле Главный начальник снабжения РККА получил запрос о том, останется ли крепость во Владивостоке или нет – от этого зависела судьба имущества минного батальона (РГВА. Ф. 46. Оп. 15. Д. 230. Л. 66). Ответа на этот вопрос ни тогда, ни позже не последовало.

Так как власти ДВР и РСФСР в итоге не взяли на себя никаких обязательств по ликвидации Владивостокской крепости, то будущее её было туманным. В конце ноября 1922 г. командарм 5-й армии, в телеграмме начальнику штаба РККА, признал невозможным возведение новых оборонительных сооружений на территории Дальнего Востока и писал, что "ближайшей задачей на Дальнем Востоке является восстановление крепости Владивостока и бывших укреплений Николаевска-на-Амуре" (РГВА. Ф. 221. Оп. 2. Д. 40. Л. 64). Такая постановка вопроса ещё раз доказывает, что какого-либо принципиального решения о ликвидации Владивостокской крепости у советских властей к моменту ликвидации белого правительства М.К. Дитерихса не было.

О том же свидетельствует так называемый "отчёт Петряева" – отчёт, который был подготовлен комиссией П.А. Петряева по итогам её работы во Владивостоке. На самом деле Петряев лишь руководил редактурой отчёта и его авторским коллективом, который был подобран с умом и искренним желанием разобраться в сути поставленных перед комиссией вопросов.

Структурно отчёт состоит из нескольких очерков: историко-географического, очерков о военном флоте, торговом порту, стратегического обзора и очерка о Владивостокской крепости. Для работы над ними были привлечены наиболее компетентные авторы из числа оставшихся после эвакуации Дитерихса во Владивостоке. Например, авторами историко-географического очерка Приморья выступили исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев и председатель Общества изучения Амурского края Н.М. Соловьёв, бывший крепостным контролёром. Автором стратегического обзора региона выступил бывший начальник штаба Владивостокской крепости Г.А. Мандрыка. Авторами очерка о Владивостокской крепости выступили Эрнест Оскарович Маак и Александр Львович Фёдоров [7, с. 299].

Э.О. Маак служил во Владивостокской крепости с 1898 г.: на его долю выпало строительство батарей Ларионовская-на-Пике и Новосильцевская, он руководил достройкой форта Русских на острове Русском [3, с. 16]. Служба его во Владивостоке не прерывалась ни на один год, и всё это время Э.О. Маак рос в чинах и должностях – в годы Гражданской войны он несколько раз занимал должность начальника инженеров Владивостокской крепости [3, с. 31]. Его коллега А.Л. Фёдоров служил во Владивостоке с 1910 г. и был начальником оборонительного строительства на острове Русском [3, с. 111-112]. Как и Эрнест Оскарович Маак, всю Первую Мировую и Гражданскую войну он провёл во Владивостоке на руководящих должностях в Инженерном управлении крепости, покинув его лишь после прихода к власти во Владивостоке братьев Меркуловых [3, с. 117]. Получилось, что для комиссии Петряева очерк о Владивостокской крепости писали не просто опытные инженеры, а, пожалуй, самые компетентные из оставшихся во Владивостоке строителей крепости.

В своём анализе текущего положения Владивостокской крепости Маак и Фёдоров исходили из того, что наибольшую угрозу для российского Дальнего Востока представляет Северная Маньчжурия, причём наиболее важную роль в мобилизации армии, организации её снабжения и обороны региона будет играть именно Владивосток (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1975. Л. 65о6). Чрезвычайное значение Владивостока означало невозможность его умалить пусть даже и путём разоружения крепости, при этом оставить её в том состоянии, в котором она была в 1922 г., тоже было нельзя (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1975. Л. 66). Главной же задачей военных властей применительно к крепости военные инженеры видели в её восстановлении и усилении до полноценной крепости-лагеря, занимающей всю площадь полуострова Муравьёва-Амурского

(РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1975. Л. 66). Подводя итог своим рассуждениям, Э.О. Маак и А.Л. Фёдоров писали, что "из вышеизложенных соображений можно было бы признать, что проект крепости на продолжительный период времени не потеряет своей современности и усиление калибров неприятельской артиллерии не вызовет необходимости её усиления сооружений крепости. Оборудование по тоннельной системе сооружений Владивостокской крепости ещё долго будут соответствовать своему назначению" (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1975. Л. 106об).

По оценкам Маака и Фёдорова, в Крепости было выполнено лишь 60% работ, предусмотренных проектом 1910 г., и для их завершения требовалась сумма в 30-35 миллионов золотых рублей (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1975. Л. 117). О соответствии крепостных укреплений опыту современной, применительно к 1920-м годам, войны инженеры также не переживали, указывая, что "можно считать крепость, как таковую, в настоящее время несуществующей, на могущей быть восстановленной при условии снабжения её вооружением, комплектом, необходимыми средствами связи, электроосвещения и дальномерно-наблюдательными приборами" (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1975. Л. 143).

Командование 5-й армии и комиссия Петраева одинаково пришли к необходимости сохранения и восстановления Владивостокской крепости как главного оборонительного сооружения Дальнего Востока. По всей видимости, этой же точки зрения придерживалось и руководство РККА – во всяком случае, на протяжении 1923 г. приказа о ликвидации Владивостокской крепости так и не было выпущено. Но тем не менее была причина, по которой крепостные сооружения оказались заброшенными в 1920-е-1930-е годы. В поисках ответа на этот вопрос стоит обратиться к сохранившимся документам ГВИУ и 5-й армии.

В октябре 1923 г. ГВИУ РККА сообщило начальнику инженеров 5-й армии, что вследствие сокращения кредита, выделяемого наркомвоенмору, выполнение плана оборонительных работ, установленного на 4 года, откладывается на год и что по этой же причине предполагаются к выполнению только самые неотложные работы по продолжению строительства и поддержанию обороноспособности уже существующих вооружений (РГВА. Ф. 22. Оп. 15. Д. 149. Л. 8). Всего на постепенное возобновление инженерных работ в крепости Владивосток и ремонт уже существующих сооружений ГВИУ выделило на 1924 г. 40000 рублей золотом, отдельно указав, что "на новые работы, заготовку и капитальный ремонт инжимушества крепости и на образование мобзапасов инжимушества для крепостей – кредит не отпускается" (РГВА. Ф. 22. Оп. 15. Д. 149. Л. 8). Простое сопоставление сумм, указанных Мааком и Фёдоровым (30-35 миллионов рублей золотом) как необходимых для восстановления крепости, с выделенными 40000 рублей показывает, насколько нереалистичным для советского военного руководства было возрождение Владивостокской крепости сугубо по финансовым причинам.

На финансовые проблемы наложились также изменения в военной теории. Как показывают документы комиссии по инженерной обороне Республики при ГВИУ РККА, ещё в начале 1920-х годов комиссия по инженерной обороне Республики при ГВИУ РККА вела анализ опыта использования оборонительных сооружений в Первую мировую войну. Проанализировав опыт Италии, Франции и США, исходя из ограниченности материальных ресурсов РСФСР, комиссия пришла к выводу о необходимости использования железнодорожных артиллерийских установок с целью защиты побережья страны от возможных действий вражеского флота (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 11об). Для подтверждения этого вывода члены комиссии привели следующие аргументы: 1) прогресс современной техники превращает стационарные (особенно, открытые) артбатареи в небоеспособные мишени, что видно по примеру внешних фортов Дарданелл; 2) по судам, высаживающим десант, возможно вести огонь артиллерии с жд-платформ с закрытых позиций при помощи обеспечения побережья постами боевого управления; 3) главный враг и помощник бронепоездов – авиация, которая может как уничтожить бронепоезда с воздуха, так и прикрыть их; 4) вооружать бронепоезда есть смысл только снимаемой с кораблей артиллерией (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 12). Членам комиссии железнодорожные артиллерийские установки пред-

ставлялись оптимальным вариантом по сочетанию дешевизны и эффективности. При этом в начале 1930-х годов строительство стационарных (включая башенные) батарей активно велось в целях обороны страны.

Помимо соображений военно-теоретического и финансового характера не стоит забывать и об обычной деградации армии, вызванной тем, что в ходе Гражданской войны были уничтожены не только дореволюционные офицерские кадры, но и принципиально изменена вся система организации армии. В январе 1923 г. манёвры под Кронштадтом показали слабую подготовленность младшего состава береговой артиллерии, но ещё большей проблемой была невозможность его замены. Единственным военно-учебным заведением, готовящим кадры для береговой артиллерии, была Одесская школа тяжёлой и береговой артиллерии, в которой в 1923 г. училось около 650 человек, а первый выпуск ожидался лишь в 1924 г. При этом отмечался некомплект комсостава береговой артиллерии в 23% (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 61). В марте 1923 г. береговые батареи были в итоге переведены на штаты мирного времени, которые предполагали лишь 50% положенного числа номеров на орудия (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 81). Это решение принималось с целью как-то справиться с нехваткой кадров в береговой артиллерии. Этот процесс шёл рука об руку с сокращением армии. После Гражданской войны РККА была сокращена с 5,5 млн человек до 562 тысяч [8, с. 32].

Примером того, как эти факторы влияли на военное строительство, можно назвать ликвидацию в декабре 1923 Северо-Кавказского района береговых батарей (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 111). Его имущество было передано в основном Кронштадт и Севастополь (РГВА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 593. Л. 191). Этот шаг был продиктован невозможностью содержать оборонительные сооружения и обеспечить их модернизацию.

Проблемы, характерные для всей страны, не могли не коснуться Дальнего Востока. Вместо ликвидации Владивостокской крепости имело место её фактическая самоликвидация, обусловленная достаточно сложным набором различных факторов — нехватка денег, квалифицированных специалистов, сокращение армии, изменения в военной теории. Тем не менее прошло совсем немного времени, и Владивостокская крепость стала обретать вторую жизнь.

О необходимости защиты Дальнего Востока руководство СССР вспомнило в связи с обострением революционной ситуации в Китае [9, с. 9]. Вопрос этот обострился в 1929 г., после советско-китайского конфликта на КВЖД. Победа СССР не прекратила провокаций и обстрелов советской территории со стороны Китая, также китайские власти не разоружили и не интернировали со своей территории белогвардейские отряды, которые продолжили нападения на Советский Союз [13, с. 352]. К тому же по итогам советско-китайского конфликта усилилось экономическое проникновение Японии в Маньчжурию, что заложило основу для военной экспансии Токио в регионе [13, с. 356]. Так что после 1929 г. было принято принципиальное решение о создании новых артиллерийских батарей в районе Владивостока [8, с. 33]. После конфликта на КВЖД началось развитие железнодорожной сети на Дальнем Востоке, которая могла использоваться как для операций войск против Китая, так и для действий железнодорожной артиллерии по обороне региона [9, с. 66]. Для обслуживания новых артиллерийских батарей, созданных на базе старых объектов Владивостокской крепости, или вообще с нуля была сформирована 9-я артиллерийская бригада ОКДВА [8, с. 34]. Новые и старые железнодорожные пути стали использоваться 12-й морской железнодорожной артиллерийской бригадой ТОФ.

С 1930-х годов форты крепости стали использоваться в качестве подземных защитных сооружений, которые можно использовать для укрытия командной инфраструктуры, узлов связи и складов, о чём в своих мемуарах писал Н.Г. Кузнецов, служивший в 1937–1939 гг. в руководстве Тихоокеанского флота. Случайно ознакомившись с крепостными сооружениями, он позже писал про них: "Сами форты к началу первой мировой войны не были достроены. Их так и покинули. Кое-где уже успели снять стальные двери, разрушить полы и переборки. Все же и в таком состоянии подземные помещения были очень ценны, если не для использования по прямому назначению, то уж во всяком случае как укрытия от вражеской авиации людей и техники. По ис-

панскому опыту я знал, как дорог бывает каждый метр подземных помещений во время бомбежки" [10, с. 200].

1920-е-1930-е годы стали годами тяжёлых испытаний для Владивостокской крепости. Слабость государства и опыт мировой войны поставили под сомнение целесообразность восстановления крепостных сооружений и завершения их строительства. Спустя годы руководство ТОФ нашло новое применение крепостным объектам, соответствующее условиям современной механизированной войны. Помимо упомянутых выше батарей острова Русского активно использовались форты Северного отдела обороны (Седанкинский пояс), которые стали рубежом прикрытия главной военно-морской базы ТОФ "Владивосток" в 1945 г. и стояли на мобилизационном учёте до 1997 г. [8, с. 117]. Это оборонительное строительство проходило на фундаменте, заложенном в 1889–1917 гг. инженерами русской императорской армии.

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть II. Уроки Порт-Артура, 1906–1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.
2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть III. "Крепость трёх измерений". Владивосток: Дальнаука, 2016. 518 с.
3. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток: Дальнаука, 2015. 378 с.
4. Азаревич В. К. Проект В.А. Ирмана по переименованию объектов Владивостокской крепости как попытка русификации Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 7–15.
5. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Издательство Родина, 2020. 800 с.
6. Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин Н.В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. 336 с.
7. Данскомб Пол Э. Японская интервенция в Сибири, 1918–1922. СПб.: Библиороссика, 2023. 374 с.
8. Зайцев Ю.М. Оборона Дальнего Востока СССР. Инженерная подготовка территории в 1932–1945 гг. Владивосток, 2007. 160 с.
9. Калинин В.И., Иванов Ю.В., Гаврилкин Н.В. "Железнодорожная эскадра" Тихоокеанского флота: железнодорожная артиллерия в береговой обороне Владивостока Порт-Артура (1932–1960 гг.). Владивосток: Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества. Изд-во "ПИТ", 2022. 352 с.
10. Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1966. 342 с.
11. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М.: Госполитиздат, 1963. 287 с.
12. Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной Республики: 1920–1922 гг.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. Дальневост. гос. гум. университет, Хабаровск, 2006. 258 с.
13. Пастухов А.М. Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть. М.: Пятый Рим (ООО "Бестселлер"), 2022. 576 с.
14. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
15. Филимонов Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–1922 годов. Шанхай: Типография издательства "Слово", 1932. 244 с.

References

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people. Part II. Lessons of Port Arthur, 1906–1917. Vladivostok: Dalnauka, 2014. 408 p. (In Russ.).
2. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people. Part III. "Fortress of three dimensions". Vladivostok: Dalnauka, 2016. 518 p. (In Russ.).
3. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people. Part IV. Engineers of Vladivostok fortress: happy people. Vladivostok: Dalnauka, 2015. 378 p. (In Russ.).
4. Azarevich V. K. V.A. Irman's project on renaming the Vladivostok Fortress objects as an attempt to Russify the Far East // Oikumena. Regional Studies. 2021. № 2. P. 7–15. (In Russ.).
5. Ayrapetov O.R. Foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the origins of the Second World War. Moscow: Rodina Publishing House, 2020. 800 p. (In Russ.).

6. Ayushin N.B., Kalinin V.I., Vorobyov S.A., Gavrilkin N.V. Vladivostok Fortress. Vladivostok: Dalnauka, 2006. 336 p. (In Russ.).
7. Danscomb Paul E. Japanese Intervention in Siberia, 1918–1922. SPb.: Bibliorossica, 2023. 374 p. (In Russ.).
8. Zaitsev Y.M. Defense of the Far East of the USSR. Engineering preparation of the territory in 1932–1945. Vladivostok, 2007. 160 p. (In Russ.).
9. Kalinin V.I., Ivanov Y.V., Gavrilkin N.V. "Railway Squadron" of the Pacific Fleet: Railway Artillery in the Coastal Defense of Vladivostok Port-Arthur (1932–1960). Vladivostok: Society for the Study of the Amur Region – Primorsky Regional Branch of the Russian Geographical Society. LIT Publishing House, 2022. 352 p. (In Russ.).
10. Kuznetsov N.G. Nakanune. Moscow: Voenizdat, 1966. 342 p. (In Russ.).
11. Nikiforov P.M. Zapiski premier DVR. Moscow: Gospolitizdat, 1963. 287 p. (In Russ.).
12. Ornatskaya T.A. Foreign policy of the Far East Republic: 1920–1922: diss. kand. hist. nauki: 07.00.02. Dalnevost. gos. gum. university, Khabarovsk, 2006. 258 p. (In Russ.).
13. Pastukhov A.M. Conflict on CER. The war which has decided to forget. Moscow: Fifth Rome (ООО "Bestseller"), 2022. 576 p. (In Russ.).
14. Sablin I. Far Eastern Republic: from idea to liquidation. Moscow: New Literary Review, 2020. 480 p. (In Russ.).
15. Filimonov B. Belopovstantsy. Khabarovsk campaign of the winter of 1921–1922. Shanghai: Topography of the publishing house "Slovo", 1932. 244 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Василий Кириллович Азаревич, научный сотрудник отдела научных исследований Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, Владивосток, Россия, e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Information about the author

Vasily K. Azarevich, Researcher, Department of Scientific Research, State United Museum-Reserve of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev, Vladivostok, Russia, e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Поступила в редакцию 02.10.2023

Received 02.10.2023

Одобрена после рецензирования 12.11.2023

Approved 12.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Саэки Юдзо: творчество в историко-культурном контексте

Лариса Алексеевна Ахмыловская
Российская академия естествознания, Москва, Россия, lanaveva@rambler.ru

Аннотация. На основе анализа публикаций, посвящённых истории модернизма, творчество художника-экспрессиониста Саэки Юдзо рассматривается в контексте художественных преобразований эпох Мэйдзи и Тайсё. Дополняя исследования, посвящённые взаимовлиянию японского и европейского искусства, автор опирается на воспоминания современников Саэки Юдзо, каталоги выставок последних лет, материалы международных музейных программ.

Ключевые слова: *ёга, нихонга, модернизм, импрессионизм, экспрессионизм*

Для цитирования: Ахмыловская Л. А. Саэки Юдзо: творчество в историко-культурном контексте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 89–102. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/89-102>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/89-102>

Saeki Yuzo: art in history and culture context

Larisa A. Akhmylovskaya
Russian Academy of Natural History, Moscow, Russia, lanaveva@rambler.ru

Abstract. Based on the analysis of publications devoted to the history of modernism, the work of the expressionist artist Saeki Yuzo is considered in the context of artistic transformations of the Meiji and Taisho eras. Complementing the research devoted to the mutual influence of Japanese and European art, the author relies on the memoirs of contemporaries of Saeki Yuzo, catalogues of exhibitions of recent years, materials of International Museum programs.

Key words: *yoga, nihonga, modernism, impressionism, expressionism*

For citation: Akhmylovskaya L. A. Saeki Yuzo: art in history and culture context // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 89–102. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/89-102>

Введение

Тема взаимного влияния Востока и Запада в истории модернизма остаётся актуальной и предполагает изучение материалов Международных музейных программ, воспоминаний современников Саэки Юдзо, работ таких авторов, как Ф. Бирнбум, С. Бюиссон, З. Вичманн, А. Икеда, А. Кавачи, И. Кольта, Э. П. Коннант, К. Крэг, М. Ларкинг, О.И. Лебедева, Л. Лэмборн, О.Н. Петрова, Э. Мэркл, Т. Осаки, А. Рейес, Б. Уинтер-Тамаки, Л. Дж. Уокер, Ч. Фоксвелл, Х. И. М. Эльсаэд. Источником данных по истории японизма служат и выставки минувшего десятилетия: "Любовь Японии к импрессионизму. От Моне до Ренуара" в Бонне, 2016; "Как японское искусство повлияло на Европу", коллекции Лувра и Музея Орсе в Абу-Даби, 2018; "Япония и японизм 1867–2018" в Музее декоративного искусства в Париже, 15 ноября 2018–19 марта 2019 и др.

"Саэки Юдзо: выход из городского пейзажа" (Saeki Yuzo: Emerging from the Urban Landscape), состоявшаяся в Художественном музее Наканосима в Осаке, Япония) [14]. Название экспозиции выражает мысль о том, что именно в жанре городского пейзажа Саэки обрёл свою художественную идентичность. Состояние души художника передано в изображении Парижа, Ассизи, Кобе, Токио, Осаки 1920-х гг. Мы видим эти города, как их видел художник, и видим его, каким он был тогда на улицах этих городов.

В музее Осаки, а ранее в Токио, было представлено около 150 произведений из музейных и частных коллекций. В экспозицию включены воссоздающие атмосферу времени фотоматериалы из архивов семьи и друзей Саэки Юдзо.

Примечательно, что галерея токийского вокзала, где состоялась крупнейшая ретроспективная выставка 2023 г., была построена в 1914 г., в эпоху преобразований, подготовивших появление плеяды японских живописцев, устремлённых в мир.

Историко-культурный контекст. В Японии эпохи Эдо были сильны традиции Китая и Кореи; благодаря открытому порту Нагасаки проникала культура других стран, главным образом, Голландии. В XVI–первой трети XVII вв. развивались связи с Португалией и Испанией. Первый в истории контакт

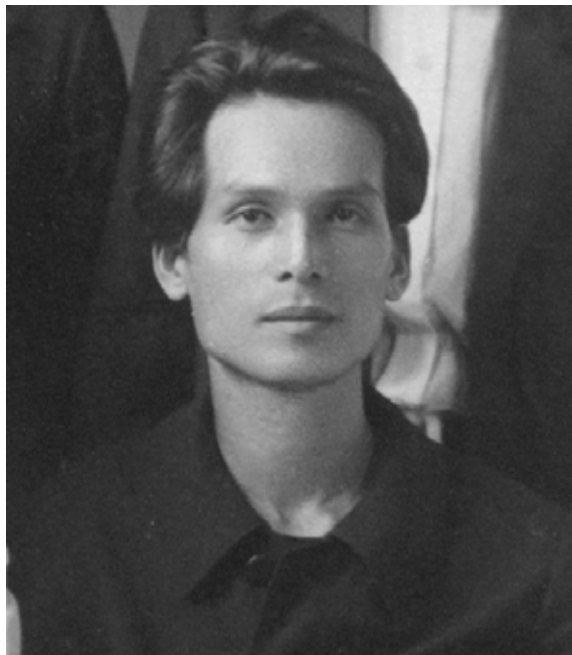

Фото 1. Сазки Юдзо. [1917].

Foto 1. Saeki Yūzō. [1917].

Источник: URL: <https://nakka-art.jp/en/exhibition-post/saekiyuzo-2023-en/> (дата обращения: 20.11.2023).

Source: URL: <https://nakka-art.jp/en/exhibition-post/saekiyuzo-2023-en/> (accessed 20.11.2023).

с Америкой состоялся в 1833 г. (он описан в наших статьях, посвящённых пьесе Брайана Уиллиса "Кичи в лабиринтах памяти о настоящем"). Европейские художники испытывали влияние японского искусства; между самобытными культурами Востока и Запада росло взаимное притяжение [8; 11].

Почти 200-летняя изоляция Японии завершилась в эпоху Мэйдзи (1868–1912); страна претерпела социально-политические изменения в рамках кампании модернизации, проводимой правительством. Иностранные живописцы приглашаются в Японию с целью создания новых программ обучения искусству и формирования новой художественной среды. Официально поощряется западный стиль живописи и движение *ёга* (1876–1955). Идеальным пространством для развития живописных навыков становится Париж, мировая художественная мекка. В 1920-е гг., следуя примеру предшественников, в Европу отправится и Сазки Юдзо [14].

Первый, кто систематически использует масляную краску, – Такахаси Юичи (1824–1894). Он с 1860 г. практикует технику письма маслом в Институте Бансё Сирабесё, с 1876 г. создаёт романтические пейзажи в сотворчестве с художниками Июкогамы. Исторический характер *ёги* убедительно представляет Берт Уинтер-Тамаки (Winther-Tamaki Bert). Автор отмечает, что это важнейшее направление в искусстве конца XIX – середины XX в. развивали официально поощряемые художники и мятежные авангардисты, но в обоих случаях он фокусировался на техниках и иконографии, которые японцы изучали в Европе [16].

Всплеск популярности западного искусства вызывает и противоположную тенденцию. Возрождается интерес к традиционному японскому стилю живописи, во многом благодаря усилиям таких просветителей, как Окакура Какудзо (Окакура Теншин) и Эрнест Феноллоса [1].

В книге "Нихонга. Выход за пределы прошлого: живопись в японском стиле 1868–1968" Эллен П. Коннант (Conant Ellen P.) пишет о развитии японской живописи в контексте общественно-политической ситуации, когда Япония была открыта для Запада, а перед японскими художниками распахнулся мир. В атмосфере перемен одни художники придерживались традиций, другие искали вдохновения на Западе, третьи пытались объединить японские традиции и западные влияния [7].

В 1880-е годы искусство западного стиля подвергается критике со стороны японского художественного сообщества. В 1887 г. открыта Токийская школа изящных искусств (Университет искусств, где будет обучаться Сазки Юдзо), а в 1889 г. создан курс "Эстетика и наука об истории искусства", который ведёт Окакура и Феноллоса. В 1898 г. основан Нихон Бидзюцу-ин, частный институт, с целью возрождения традиционного искусства: рисования тушью на шелке и бумаге, скульптуры, лака, изготовления предметов из металла и керамики [1; 6; 12]. В том же 1898 г. художники стиля *ёга* создают Мэйдзи Бидзюцу-кай (Общество изящных искусств), организуют выставки, усилившие

интерес к западному искусству. Среди них Асаи Чу, Кояма Сётаро, Госеда Йосимацу, Курода Сэйки – те, кто оказали влияние на формирование художников следующего поколения, включая Саэки Юдзо.

Объединивший в своих работах элементы обеих культур, Курода Сэйки в 1897 г. пишет портрет жены в традиционном юката, в стиле импрессионизма (На берегу озера Хаконе, *Au bord du lac Nakone*). Изображение трех женщин в картине Куроды Сэйки "Мудрость-Впечатление-Чувство" (*Sagesse-Impression-Sentiment*, 1899) отличается от западных аналогий особой живописной утонченностью. Путешествие Куроды по Франции, жизнь в Грез-сюр-Луан в 1888 г. усиливают его интерес к натурализму, главному течению конца эпохи Мэйдзи. В 1900 г. около двадцати живописцев получают статус "художников императорского двора" и представлены на Всемирной выставке в Париже. Японские художники всё активнее изучают искусство импрессионизма, оказывая на него своё влияние [11]. В очерке И.Э. Грабаря 1902 г. читаем: "Без японцев нельзя представить появление Клода Моне, Дега".

В 1907 г., с появлением Бунтэн (Японской академии художеств) и одноименной ярмарки под эгидой Министерства образования, конкурирующие группы *ёга* и *нихонга* приходят к взаимному признанию. Начинается их движение к объединению. Бунтен продолжает поддерживать модернистскую линию *ёги*. В 1910–1923 гг. в литературно-художественном обозрении *Le Boulevard Blanc* (白樺) представлены картины импрессионистов, постимпрессионистов, фовистов, кубистов и скульптурные работы Родена. Неоднородна внутренняя направленность групп. Как *ёга*, так и *нихонга* делятся на консерваторов и новаторов. Популярность японского искусства на западе ещё более размывает картину развития японской живописи [6; 10; 11].

В 1913 г. в Париж едет живописец и график Цугухару Фудзита, впоследствии всемирно известный Léonard Foujita (1886–1968). Несколько лет он постигал западную культуру на родине и стал едва ли не самым успешным их тех, кто, переехав в Европу, утверждал японскую идентичность в рамках западного искусства. На это указывают исследования творчества Фудзиты и материалы выставки 2013 г. в Токио, где его работы экспонировались как свидетельства диалога культур с конца XIX в. по настоящее время [4; 11].

В эпоху Тайсё (1912–1926) *ёга* переживает новый всплеск популярности. Икума Арисима и другие художники привозят из Парижа новые техники раннего постимпрессионизма. "Город огней" привлекает экзотической архитектурой, живописными парками, бурлящей культурной жизнью; японское художественное сообщество начала эпохи Тайсё вдохновлено творчеством Камиля Писсарро, Поля Сезанна, Пьера Огюста Ренуара.

Ёга тяготеет к эклектике, отражая проявления независимости и вольнолюбия. Представители "Сосьете Fusain" (*Fuuzankai*) демонстрируют предпо-

Рис 1. Саэки Юдзо. Вид Ассизи, 1926.

Fig 1. Saeki Yūzō. A Scene in Assisi. 1926.

Источник: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:SaekiYūzō-1926-A_Scene_in_Assisi.png (дата обращения: 20.11.2023).

Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:SaekiYūzō-1926-A_Scene_in_Assisi.png (accessed 20.11.2023).

чтение постимпрессионизма, в том числе фовизма; приветствуют символизм автопортретов Эдварда Мунка. Общество Второго Дивизиона (Nikakai, 1914) выступает против спонсируемых правительством выставок академии художеств (Бунтен) и открывает первые галереи.

С конца эпохи Мэйдзи и до 1950-х гг. на творческое самовыражение художников влияет проблема физического нездоровья. Туберкулёз уносит жизни многих; тему недуга отражают декадентские фантазии в стиле ар-нуво, натурализма и экспрессионизма. Последний с 1913 г. быстро набирает популярность; его эмоциональное наполнение благосклонно принимается японской культурой.

Примеры мистического реализма демонстрирует Кишида Рюсей, известный работами в эстетике и *ёга*, и *нихонга*. Его творческая рефлексия часто выражена в гротеске, устойчивом явлении дальневосточной традиции, что иллюстрирует ряд портретов и картина "Девушка из сельской местности".

В 1915–1921 гг. одни японские живописцы побывали в Европе, другие, изучая западное искусство на родине, пробуют себя в новом стиле. Работу Минору "Рождение Венеры", 1924 г. называют квази-репродукцией картины немецкого художника Георга Гросса. Избыточная субъективность художественного выражения, свойственная экспрессионизму во всех видах искусства, вызывает неприятие таких художников, как Янасэ Масаму. Его работа "Майское утро, и я перед завтраком" написана в 1923 г., когда он заинтересовался конструктивизмом и присоединился к группе авангардистов Маво [1;12].

В 1910–1920 гг. формируется новое поколение художников *нихонга*. Представители движения Inten (Nihon Bijutsu-in, Nihon Bijutsu-in tenrankai, 1914 г.) конкурируют с группой бунтэн, спонсируемой правительством и распространяющей западное влияние. Примечательны работы, сочетающие особенности противоборствующих стилей с уникальным талантом и безупречным мастерством. Сээн Шима (1892–1970) – одна из немногих, выступавших против предрассудков и насилия в отношении женщин. Она изобразила себя, сидящей на полу перед неоконченной картиной. На её лице синяк, она смотрит зрителю прямо в глаза. Существует и другая интерпретация автопортрета: "на лице женщины родимое пятно". Так или иначе, "Без названия" (1918) – одна из трёх картин художницы, ставших культурным достоянием Осаки [5].

Постулаты японского авангардизма 1920-х гг. отражены в Манифесте Маво (1923) и каталоге первой выставки группы Акусон (*действие*, по названию движения в Европе). Под влиянием футуризма и конструктивизма появляются фотомонтажи Янасэ Масаму, коллажи Томоёси Мураяма, в дальнейшем автора метода сознательного конструктивизма, драматурга и продюсера.

Творчеству японцев на рубеже XIX–XX вв., поселившихся в Париже, посвящено исследование Кавачи Акико. Автор отмечает, что после Первой мировой войны наблюдается приток японских художников во Францию [10].

Из автобиографических романов Сэридавы Кодзиро мы узнаём о круге общения, в котором молодые японцы могли расширить знания в области литературы и театра, встречаться с Андре Жидом, Полем Валери, Жюлем Роме-ном, актрисой Мари Бель, режиссёром театра "Атеней" Луи Жуве.

В Париже 1920-х Саридзава выделяет философа Киёси Мики, ученика Нисиды Китиро, властителя дум молодёжи, профессора Университета Киото и уникального художника Сазки Юдзо.

В 1920–1929 гг. в парижских салонах представлено двести восемь японских живописцев. Большинство из них в качестве места жительства выбирает Монпарнас. Те, кто занимается масляной живописью *ёга*, принадлежат к трём течениям. Первое формируется вокруг Фудзиты Цугухару, сочетающего западную живопись и традиционное искусство Японии.

Второе объединяет тех, кого привлекает западная культура и живопись Монпарнаса; в их числе Сазки Юдзо.

Третье течение носит академический характер; следуя линии Куроды Сейки, художники обучаются в парижских академиях искусств. Есть и те, кто избирает независимый путь. Среди них Танака Ясуси, Хасэгава Киеси, Ока Сикананосукэ. Их мало, как и тех, кто практикует технику *нихонга*, занимается скульптурой, гравюрой, лаком драпировками. Результаты исследования, проводимого на основе архивов документов и фотодокументов Японии и Франции, доказывают важность присутствия японских живописцев на худо-

жественной сцене Парижа 1920-х гг., позволяют понять мотивы их творчества [10].

Новый этап в японском модернизме: Сазки Юдзо. Представителя движения *ёга* Сазки Юдзо называют модернистом, экспрессионистом, фовистом. Последнее определение часто оспаривают. Своё название фовизм (от фр. *fauve* дикий) получил в 1905 г. после выставки в "Салоне независимых" в Париже. Свои работы представили Анри Матисс, Морис де Вламинк, Кес ван Донген, Отон Фриез, Жорж Брак, Анри Манген, другие участники показов 1905–07 гг. Реакция на событие говорила о новом явлении в искусстве; неискушённых оно шокировало, но вскоре пассионарная живопись "диких" снискала популярность.

Мир фовизма импульсивен и хаотичен. Эмоция в нём оторвана от предметной среды, передана пятном и линией. Фантазия живописца и его состояние отражены в выборе красок, качество цвета определено его количеством. Самоценен процесс творчества, идея второстепенна. В картинах Сазки Юдзо мы находим определяющие черты фовизма: чистоту цвета, колористические контрасты, обобщенные формы, плоскостной композиционный строй, свободу спонтанного самовыражения в цвете. Но исследователи творчества художника не пришли к единому мнению относительно его принадлежности к определённому стилю, о чём свидетельствуют статьи таких авторов, как Альма Рейес, Ли Джей Уокер, Роберт Хьюз, О.Н. Петрова, Мэтью Ларкинг. Список источников по интересующей нас теме охватывает исследования на многих европейских языках [8]. Автор библиографического обзора Патриция Джей Грэм ссылается на работы Фрэнка Ченса, Джона Кларка, Пэт Фистер, Мэрибет Грейбилл, Патриции Ирка-Шмитц, Ли Джонсона, Эндрю Маска, Мелани Тред. Следует назвать и таких японских авторов, как Кавакита Митияки (Kawakita Michiaki), Эйдзи Ибэ (Eiji Ibe), Ясуси Сугияма (Yasushi Sugiyama), Синъити Нагаи (Shin'ichi Nagai), Акира Асахи (Akira Asahi), Ясуюси Сайто (Yasuyoshi Saitō), Такуми Хидео (Takumi, Hideo), Кодзиро Сэридзава (Kōjirō Serizawa), Сюдзи Такашина (Shūji Takashina), Синъити Ямада (Shin'ichi Yamada), Фудзино Дзюн (Fujino, Jun) Кандзи Отиай (Kanji Ochiai). Информацию о жизни и творчестве художника содержит книга "Сазки Юдзо – юность, сгоревшая в Париже" (Yuzo Saeki – youth burned in Paris), изданная в 1980 г. телерадиокорпорацией "ЭнЭйчКей" (NHK Books).

Сазки Юдзо родился 28 апреля 1898 г. в многодетной семье служителя буддийского храма Котокудзи в Накацу-мура, Нисинари-гун, Осака (сегодня Накацу, Кита-ку, Осака). Япония. Он изучал рисунок в Школе западного стиля, Китано, префектуры Осака. Учился у мастера масляной живописи Ринсаку Акамацу (Akamatsu Rinsaku 1878–1953); познакомился с творчеством импрессиониста Куроды Сэйки (1866–1924) [12].

В дальнейшем наставниками Сазки будут ученики мастера Куроды: Такедзи Фудзисима (Takeji Fujishima), Кобаяси Котаро (Kobayashi Kotaro), Нагахара Манго (Nagahara Mango). В 1917 г. Сазки переехал в Койсикаву (ныне Бункё, Токио), а в 1918 г. поступил в Токийскую школу изящных искусств, Бидзюцу Гакко (теперь Токийский университет изящных искусств, Гейдзюцу Дайгаку). В годы обучения на факультете западных искусств (1918–23 гг.) Сазки и его однокурсники основали "Общество Розовых ворот" (薔薇門社 Барамон-ся), провели серию выставок в Канде, городке к северо-востоку от Токио. По данным музея Сазки в Токио, в 1919 г., будучи студентом, Юдзо женился на однокурснице Йонекко. Дочь торговца изделиями из слоновой кости на Гиндзе, Йонекко Икеда (Yoneko Ikeda Saeki, 1903–1972) [3] по окончании университета стала, как и Сазки, магистром живописи. Известны её натюрморты, пейзажи "Прованс" (1926), "Берег моря" (1951).

В 1921 г. семья поселилась в доме по адресу 661 Ochiai-мура, деревня Очиаи, Тойота-гун (Нака Очиаи 2–4), близ мастерской Цунэ Накамуры (1887–1924), художника западного стиля, оказавшего тогда влияние на молодого живописца. Сазки жил здесь с женой Йонекко и дочерью Ятико в 1921–23 гг. до отъезда во Францию; в 1926–27 гг., по возвращении в Японию и до отъезда в Париж в августе 1927 г. Единственная в Японии мастерская Сазки ценна и тем, что её архитектура относится к эпохе Тайсё.

Рис 2. Сазки Юдзо. Улица с видом Эйфелевой башни, 1925. (Национальный музей искусств в Осаке).

Fig 2. Saeki Yūzō. A Street with a View of the Eiffel Tower. 1925. (Nakanoshima Museum of Art Osaka).

Источник: URL: <https://garystockbridge617.getarchive.net/media/saekiyuz-1925-a-street-with-a-view-of-the-eiffel-tower-a82eb7> (дата обращения: 20.11.2023).

Source: URL: <https://garystockbridge617.getarchive.net/media/saekiyuz-1925-a-street-with-a-view-of-the-eiffel-tower-a82eb7> (accessed 20.11.2023).

Как отмечает Мэтью Ларкинг, во Франции Сазки был последователем, в Японии новатором. Его вклад обозначил в японском модернизме новый этап – переход от импрессионизма к фовистскому экспрессионизму.

Первый парижский период 1923–1926. В 1923 г. (по другим данным летом 1924 г.) вместе с женой и дочерью Сазки отправился в Париж, где поступил в Академию де ла Гранд Шомьер (Académie de la Grande Chaumière). Он сблизился с японским художественным центром и Такедзи Фудзисимой, работавшим в студии Фернана Кормона (Fernand Cormon, 1845–1924).

В годы учёбы в Токийском университете Сазки написал много автопортретов. Они похожи один на другой, их характеризует отсутствие пейзажа и интерьера; молодой человек смотрит прямо перед собой, взгляд его омрачён, словно его печалят мысли о тревожных событиях и утратах. Переезд в Париж меняет ауру портретов Сазки, теперь в них больше света и цвета. В это время в работах Анри Матисса, Рауля Дюфи и широкого круга адептов модернизма набирает силу фовизм. Все, что демонстрирует музейную строгость, не поддерживается. В начале лета 1924 г. Сазки знакомится с Морисом де Вламинком (Maurice de Vlaminck, 1876–1958). Встреча с известным пейзажистом, музыкантом, писателем, анархистом, представителем группы фовистов открывает новый период жизни Сазки. Исследователи отмечают, что он корил себя за остатки академизма. Возможно, это было "проявлением комплекса неполноценности, развившегося после оценки Мориса Вламинка" [2].

У биографов и поклонников живописи Сазки находим описание их первой встречи. Вместе с однокурсником Сатоми Кацудзо (1895–1981) Сазки

Рис 3. Саэки Юдзо. Вид Парижа близ обсерватории, 1927. (Музей современного искусства Вакаяма)

Fig 3. Saeki Yūzō. Around the Observatoire. 1927. (The Museum of Modern Art, Wakayama)

Источник: URL: https://ja.m.wikipedia.org/wiki/ファイル:SaekiYūzō-1927-Around_the_Observatoire.png (дата обращения: 20.11.2023).

Source: URL: https://ja.m.wikipedia.org/wiki/ファイル:SaekiYūzō-1927-Around_the_Observatoire.png (accessed 20.11.2023).

приехал в Овер-сюр-Уаз. Это место, в 30 км от Парижа, связано с историей импрессионизма, именами Шарля Франсуа Добиньи и Ван Гога, написавшего здесь, в частности, "Церковь в Овер-сюр-Уаз" (1890). Показав Вламинку портрет обнаженной (сегодня представленный в Музее искусств Наканосима в Осаке), Саэки, плохо знавший французский язык, выслушал лекцию об академизме. Реакция Вламинка – следствие его кредо, художник-самоучка гордился отсутствием образования. В 1924 г. ему было 48 лет, вдвое больше, чем Саэки. Уверенный, опытный, он проявил себя в музыке, спорте, журналистике; с 1914 г. участвовал в Первой мировой войне. К 1907 стал известным художником, к 1919 – преуспевающим мэтром, которому в 1920 г. искусствовед Даниэль-Генри Канвейлер посвятил книгу. Вламинк отрицал музейное копирование, резко менял направления и стили. В 1920–30 гг. его излюбленными сюжетами были проселочные дороги, поля, заброшенные домики, улочки с одинокими прохожими. Его пейзажи подчеркнута динамичны и драматичны. Художник чаще использует киноварь, черные и белые цвета, эффекты светотени. Напряжение создают дробные мазки, асимметричная композиция, ритмические повторы, детали, усиленные контрастом света. Так, в пейзаже "Вальмондуа" (1920 г.) наклоненный и резко освещенный ствол дерева на фоне темной листвы вызывает чувство тревоги. После встреч с Вламинком стиль Саэки меняется, что критики оценивают неоднозначно. Роберт Хьюз (Hughes, Robert, 1938–2012) видел в творчестве Саэки сентиментальное соединение парижской школы, влияния Вламинка и Утрилло; Мэтью Ларкин полагал, что резкое изменение стиля Саэки – первое, что приблизило его смерть [12].

Рис 4. Сазки Юдзо. Улица Брансион, 1925. (Хиросимский музей искусств).

Fig 4. Saeki Yūzō. Rue Brancion. 1925. (Hiroshima Museum of Art).

Источник: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:SaekiYūzō-1925-Rue_Brancion.png (дата обращения: 20.11.2023).

Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:SaekiYūzō-1925-Rue_Brancion.png (accessed 20.11.2023).

Выставка 2023 г. в Осаке наряду с ранними автопортретами Саэки, его набросками ручкой и карандашом представила и самый необычный его автопортрет – "Автопортрет стоя" (Saeki Yuzo Self-portrait in a Standing Posture 1924 г.). Работа ассоциируется с автопортретом Анри Руссо (1890), который Саэки мог видеть в Париже. В "Автопортрете стоя", написанном после встречи с Вламинком, критики видят реакцию на отзыв французского мэтра. Часть лица на портрете стёрта. Художник стоит на дороге, держа в руках кисть и палитру, он в смятении и нерешительности. Скоро Саэки откажется от изображения себя, отдав предпочтение пейзажам, интерьерам, видам города. Один из первых его французских пейзажей (Distant View of Paris, 1924) – вид со скалистыми горами, грудой домов и пасмурным небом. Техника и структура картины говорят о влиянии Сезанна и постимпрессионистов [13; 14]. Исследователи выделяют два события, побудившие Саэки сосредоточиться на городских пейзажах. Первое – переезд в 1924 г. из юго-западного пригорода, Кламара, в 15-й округ в центре Парижа, вскоре после встречи с Вламинком. Другое – знакомство в 1925 г. с городскими пейзажами Мориса Утрилло (Maurice Utrillo, 1883–1955) [9; 15].

Главный герой Утрилло – город в его пластическом и живописном величии. Рука художника словно ощущает фактуру стен, тротуаров, крыш. Чтобы передать камень и штукатурку масляной краской, мастер добавляет в нее песок и мох, наносит ее ножом; изображаемые строения кажутся основательнее, и только небо над ними остаётся прозрачным. Контраст создаёт атмосферу ожидания; кажется, под окнами этих домов случится нечто уди-

Рис 5. Саэки Юдзо. Дом с белой стеной (Вид Симо-Очий), 1926.

Fig 5. Saeki Yūzō. House with White Wall (View of Shimo-Ochiai). 1926.

Источник: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:SaekiYūzō-1926-House_with_White_Wall.png (дата обращения: 20.11.2023).

Source: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:SaekiYūzō-1926-House_with_White_Wall.png (accessed 20.11.2023).

вительное. Картины Утрилло театрально-декоративны и кинематографичны; он из тех, кто, несомненно, повлиял на формирование идентичности Парижа и "особенно Монмартра с его извилистыми улочками, живописными ветряными мельницами, снегопадом и серыми облаками" [9].

Тематика дворики и пригородов Утрилло наряду с драматизмом пейзажей Вламинка, композиционно-колористическим подходом Сезанна входит в творчество Саэки, питает его поэтическое воображение. Саэки пишет, что пленён Утрилло, хотел бы нарисовать Париж и привезти его в Японию; искусствовед Юкико Такаянаги приводит эти слова в каталоге выставки 2023 [13].

Саэки следит за творчеством Камиля Писсарро, Винсента Ван Гога. Богемный дух Bateau-Lavoir и La Ruche становится его воздухом. Улочки и переулки, дома и витрины, гаражи и бары Парижа – теперь основной мотив его творчества. Его картинам присущи более яркие формы выражения, в них акцентированы цвет, перспектива, текстура. Художник неустанно пишет пригороды любимого города, мастерскую на улице Шато, магазины, отели и прачечные. Постепенно переходя к изображению каменных стен и тротуаров, он передаёт свои впечатления от экстерьера зданий. В ряде работ вид каменной стены доминирует, пустое пространство вокруг нее лишь приоткрывает настроение людей, которые входят в магазин или идут по улицам (Rue Brancion, 1925). Саэки процарапывает холст, чтобы придать ему особую текстуру. Одна из выдающихся работ художника, выставленных в Осеннем салоне, – La Cordonnerie (Мастерская по ремонту обуви), 1925. Парадоксальность изображения достигается темными буквами вывески на белой стене, видом тусклой железной двери, подчеркнутыми тенями. Вдохновленный творчеством Утрилло, Саэки пишет серию картин, изображающих рабочий Париж,

густо наносит краску, передавая текстуру стен; работает много, создавая две работы в день. Он сосредоточен на картинах Сезанна, Руо, Утрилло, Ван-Гога, его всё более увлекает фовизм. По мысли О.Н. Петровой, "...не в фовизме, а в экспрессивном надрыте драматического Ван-Гога и интуитивном экспрессионизме отшельника Руо следует искать опорные точки как художественно-мировоззренческой, так и профессионально-стилистической модели мышления Сазки" [2].

Ван Гогом Японии называют Сазки многие его биографы [3; 15]. Но исследователи отмечают, что психологическое состояние художника, жившего на чужбине, передано в изображении грозового неба и в его полотнах нет солнечной яркости картин Ван Гога. Это утверждение не бесспорно, что подтверждает Ретроспектива 2023 г. [14].

Тему печали, устойчивой депрессии, нездоровья, влиявших на творчество Сазки, затрагивает Ли Джей Уокер в своей статье "Художник из Сендая, вдохновленный Морисом Утрилло: Юдзо Сазки, глубина страсти" [15].

Городские пейзажи Сазки отмечены оттенками черного, в чём состоит, скорее, их особая выразительность, нежели печаль. Они отсылают к работам реалиста Гюстава Курбе и импрессиониста Огюста Ренуара. Желтые стены и деревья табачно-ядовитого тона порой тревожат и пугают. Их энергия, по мнению некоторых критиков, передаёт состояние отчаяния [2]. Сила их эмоции, как пишут организаторы выставок 2023 г., поражала современников. В 1925 г. в Осеннем салоне Парижа экспонировалась работа "Обувная лавка", а в двадцатый салон были отобраны "Дом с афишами" и "Продавец журналов". Искушённая художественная столица Европы выразила Сазки своё признание.

Акварели: Пейзаж в Италии. Несколько акварелей Сазки Юдзо датированы 1925–26 гг. Одна из них, "Пейзаж в Италии", вероятно, изображает вид на монастырь Сакро-Конvento и церковь Сан-Франческо с кампанилой с южной стороны. Город на холмах показан в безветренную погоду. Преобладающий прозрачно-розовый цвет передаёт тепло предзакатного воздуха; мягкие оттенки красного, коричневого, жёлтого, зелёного, голубого создают картину ясного дня.

Другая акварель, "Пейзаж в Ассизи" (1926) сюжетно близка парижским работам Сазки, но итальянскую картину отличает более тёплая палитра цветов: оттенки розового, красного, коричневого и жёлтого. Шляпы и плащи прохожих подтверждают, что зимой здесь прохладно, но зелёная трава и ярко-синее небо напоминают, что Италия всегда остаётся солнечной. Акварели Сазки показывают Ассизи величественным, улицы и старинные фасады домов передают картину просторного города, залитого мягким светом, между домами мелькают панорамные виды долин. Сазки нравится писать Италию, настроение его не кажется печальным; он рад, что на время оставит Европу и вернётся домой.

Возвращение в Японию 1926–1927 гг. Исследователи творчества Сазки отмечают, что, приехав в Париж в 1924 г., он не планировал надолго задерживаться здесь. По настоянию семьи в 1926 г. он, как вспоминает писатель Сэридзава Кодзиро, отправляется из итальянского порта в Японию, где активно включается в творческую жизнь. Вместе с Кацудзо Сатоми, Маэда Кандзи, и Сентаро Кодзима он создаёт "1930-нэн Кёкай" (Общество 1930 г.). Название связано с подобным французским обществом 1830-х. Новая ассоциация объединила художников, как и Сазки, учившихся во Франции. Десятки фовистских работ, привезенных из Европы, были выставлены в Токио. Они шокировали публику, включая тех, кто знал живопись импрессиониста Куроды. В том же 1926 г. творчество Сазки отмечено высокими наградами Национальной выставки живописи Бантен и 13-й выставки Общества Ника, где показаны девятнадцать работ, написанных в Европе [13; 14].

Полтора года (с января-февраля 1926 до августа 1927) оставаясь на родине, Сазки сосредоточен на рисовании жилых кварталов, улиц, домов в традиционном японском стиле (Ginza, 1926). Многие дороги тогда были грунтовыми или строились. Композиция токийских картин Сазки проявляет те же закономерности, что и виды Парижа. Художник обращает внимание на географические особенности Симо-Оchiaй, подчеркивая контрасты между высокими и низкими участками, с множеством холмов, живых изгородей и деревьев. Он изучает разнообразные ракурсы, вид сверху и снизу. В работе 1926 г.

"Вид на Симо-Оchiaй" Саэки Юдзо изобразил несколько электрических столбов с вертикальными и горизонтальными линиями, изменив их положение, так чтобы взгляд зрителя был обращён на дорогу. Отчетливо прорисованы узкие силуэты людей, словно продолжающих картину высоких электрических столбов. Картина *Вид Симо-Оchiaй* (View of Shimo-Ochiai, 1926) теперь находится в Музее Вакаямы. В Кобе и Осаке Саэки проявил интерес к рисованию кораблей. В работе "Пришвартованные корабли" (1926) мы видим множество мачт и канатов. По обеим сторонам судна, находящегося в центре, видны ещё два корпуса. Тонкие прямые линии, образующие лучи, треугольники и трапеции, складываются в единую геометрическую конфигурацию. Незадолго до отъезда в Европу в 1927 г. написаны "Вид Кобе" (Kobe landscape) и "Корейский пейзаж" (Landscape in Korea). Виды японских окраин, как пишут организаторы выставки 2023, не устраивали Саэко; его манил Париж, город с которым он связывал свои планы. Не найдя желаемого вдохновения на родине, в августе 1927 г. Саэки с семьёй пустился в путешествие по Транссибирской дороге и вернулся во Францию [14].

Второй парижский период 1927–1928. Саэки продолжает вырабатывать собственный стиль. Растёт его желание писать аллеи, парки, магазины, стены, оклеенные рекламными плакатами. Текст с рекламных вывесок передан тонкими мазками, которые словно танцуют по холсту. Свидетели двух последних лет жизни художника, знали о его влюблённости в Париж. Он работал неустанно и был предельно требователен к себе. В письме от 8 января 1928 г. Саэки сообщал Кацудзо Сатоми (1895–1981), что из 107-ми картин, которые он написал за три месяца, с октября 1927 до начала 1928, его удовлетворяют пять-шесть [2].

Несмотря на ухудшение состояния здоровья, Саэки часто рисовал на открытом воздухе в ненастную погоду, что привело к обострению туберкулеза, от которого он давно страдал. Будучи серьёзно больным, едва приподнимаясь с постели, художник создал свои самые выразительные произведения: "Почтальон", "Русская девушка", "Сапожник", "Желтый ресторан". Свобода раскованного письма Саэки сродни пронзительности Жоржа Руо и экспрессии Хаима Сутина. Картину "Желтый ресторан" наполняет мрак безлюдного пространства, сюжет воспринимается как "крик обреченного" [2].

Сравнивая работы Саэки 1924-го и 1927–1928 гг., мы видим, как нарастает в них экспрессивная чувственность в восприятии пространства, как усиливается деформация обычной формы, как разнообразны живописные фактуры, пронзительны изломанные линии, густые краски, напряжённая пластика словно оживающих предметов. Стилистика картин 1927–1928 гг. перекликается с принципами немецкого экспрессионизма с его гротесково-трагическим мироощущением, с обостренностью образно-художественного языка, стремлением к символическому обобщению. О мощной стилистической функции черного цвета, о его доминанте пишет О.Н. Петрова: его художник "пытался выжать из своих полотен и сознания", что, по мысли исследовательницы, объединяет живопись Саэки не с фовизмом, а с европейским экспрессионизмом как во времени, так и в способе видеть и отражать мир [2].

Выставка Саэки Юдзо 2023 г. в Осаке проиллюстрировала широкий спектр узнаваемых пейзажей. Перед нами Люксембургский сад, Обсерватория, Большие бульвары, которые делают французскую столицу незабываемой [14].

Картина "Почтальон" написана Саэки в 1928 г. по возвращении из пригорода Вилье-сюр-Морен (Villiers-sur-Morin), где он провёл двадцать дней на пленэре в феврале 1928 г. вместе с Огисом Таканори (Таканори Огису, 1901–1986) и *Такео Ямагучи* (1902–1983) [15]. После поездки состояние Саэки ухудшилось, он не выходил из комнаты, но продолжал писать. В марте были выставлены картины "Почтальон", "Русская девушка", "Желтый ресторан" и "Дверь", написанные пока он ещё мог держать кисть. Физическое нездоровье усугубил нервный срыв. 16 августа 1928 года тридцатилетний художник умер в психиатрической больнице в пригороде Парижа [14; 15].

Биографы Юдзо Саэки в Японии, США, Европе подчёркивают, что художник ушёл из жизни при стечении роковых обстоятельств, невероятно далеких от благополучного и мирного начала его профессиональной жизни в 1917 г. Продолжая тему рока в жизни художника, Ли Джей Уокер рассказы-

вает о ровеснике Саэко, Ито Синсуи (Ito Shinsui, 1898–1972), история которого прямо противоположна. Когда отец мальчика обанкротился, семья оказалась на грани нищеты. Ито Синсуи в раннем возрасте был вынужден оставить школу и поступить учеником в типографию. Здесь постепенно раскрылся талант живописца и графика, приведший его к блестящей карьере и мировой славе [15].

В исследованиях, посвящённых модернизму, выпукло обозначены проблемы, с которыми сталкивались в 1920-е гг. многие художники. Традиции европейского и мирового искусства в первой трети XX века пересматривались и кардинально менялись. Во время и после Первой мировой войны художники-иностранцы, устремившиеся в Париж, должны были либо освоить европейские традиции, либо придерживаться национальных, что мало кому удавалось. В возникшем вакууме, где-то за гранью слияния Востока и Запада, творил и Саэки Юдзо, для соотечественников трагический герой, для европейцев – японский Ван Гог.

Хотя Саэки Юдзо жил в Париже с семьей, его картины, по мнению многих критиков, свидетельствуют о совершенной изоляции и неопределённости. Витрины его кафе и магазинов заполнены вывесками, многие из которых неразборчивы. В его "Снежном пейзаже" фигуры почти не видны. Его линии "кажутся шрамами внутреннего напряжения, направленного на разрешение конфликта между живописной свободой Парижа и зависимостью художника от его родной каллиграфической и ксилографической традиции", – пишет Майкл Бренсон в своей статье "Когда японское искусство открылось западным ветрам" [12; 15].

Японские биографы Саэки указывают на сложные климатические условия, ограниченные средства к существованию, переутомление и трагическое мировосприятие Саэки как на причины обострения туберкулеза, психического расстройства, а возможно, и самоубийства. Критики полагают, что именно культурные различия в совокупности с непомерной требовательностью к себе оказали трагическое влияние на физическое и душевное состояние Саэки Юдзо. По мысли Майкла Бренсона, настоящая трагедия жизни Саэки в том, что его хрупкая душа была не свободна от противоречивых влияний двух столь различных культур [15].

Однако, вопреки всем художественным, политическим и культурным потрясениям, постигшим Юдзо Саэки, он успел создать поистине удивительные произведения искусства, что свидетельствует о его высочайшем творческом потенциале.

Заключение

Саэки Юдзо похоронен на мемориальном кладбище Котоку-дзи в Осаке (Kotoku-ji Temple Cemetery, Osaka-shi, Osaka, Japan). После смерти художника коллекционеры Ямамото Хацудзиро и Кийоо (отец и сын) передали большое количество его работ городу Осака. Первая ретроспективная выставка Саэки Юдзо состоялась в Токио в 1929 г. В 1960-е гг. была организована презентация более крупной коллекции. Часть произведений выставлась в 1968, 1973, 1976, 1978, 1979, 1980, 1983, 2004 гг. Огромный интерес вызвала экспозиция 2007 г. "Мечты об искусстве: Юдзо Саэки в Париже".

На выставке "Юдзо Саэки и плакаты Парижа 1920-х", проходившей 28 апреля – 16 июля 2012 г. в городском музее современного искусства Осаки, экспонировалось несколько выдающихся произведений Саэки, написанных в Париже наряду с работами его современников, в том числе Кацудзо Сатоми и Таканори Огису. Экспозицию дополнили плакаты, отражающие атмосферу Парижа 1920-х гг. Работы Саэки экспонировались на выставке японской живописи в западном стиле в Кёльне (1985). Каталог выставки открыли статьи президента Японского фонда Сато Сёдзи, искусствоведов Роджера Геппера и Такуми Хидео. Как видно из каталога выставки 2023 г. в Осаке, работы Саэки Юдзо представлены не только в музеях и галереях, но и в учебных заведениях и выставочных залах крупнейших корпораций Японии (всего около 30 экспозиций). Копии картин художника выставлены в отреставрированном помещении его мастерской в районе Синдзюку-ку, Токио (Yuzo Saeki Atelier Memorial Hall 2-4-21 Nakaochiai, Shinjuku-ku, Tokyo).

Последователь выдающихся модернистов запада и новатор на родине, Саэки Юдзо оставил нам уникальное мировосприятие, страсть и глубокий драматизм своего таланта в портретах, рисунках, натюрмортах и городских пейзажах.

Анализ академической литературы по теме исследования и материалов выставок Саэки Юдзо, объединивших наиболее полное собрание его картин и фотодокументов из архивов, частных коллекций, музеев, галерей, учебных заведений позволил:

- рассмотреть творчество выдающегося экспрессиониста на фоне художественных преобразований эпох Мейдзи и Тайсё и представить результаты исследования на русском языке;

- составить полный русскоязычный каталог произведений Саэки Юдзо, собранных в ретроспективной презентации 2023 г., включающий 143 картины;

- описать условия взаимовлияния японской и европейской живописи конца XIX – начала XX вв., опираясь на работы таких авторов, как Филлис Бирнбум, Сильви Бюиссон, Зигфрид Вичманн, Асато Икеда, Акико Кавачи, Ив Кольта, Эллен П. Коннант, Клодия Крэг, Мэтью Ларкинг, О.И. Лебедева, Лайонел Лэмборн, О.Н. Петрова, Эндрю Мэркль, Томохиро Осаки, Альма Рейес, Берг Уинтер-Тамаки, Ли Джей Уокер, Челсия Фоксвелл, Хала Ибрахим Мохамед Эльсаэд;

- дополняя результаты исследований, обозначить направления дальнейшего изучения биографии и творчества Саэки Юдзо в историко-культурном контексте, что, в частности, предполагает обращение а) к фондам упомянутых в статье галерей и музеев и б) к исторической прозе и драматургии, содержащей информацию по интересующей теме.

Особую признательность выражаю переводчику-ориенталисту Андриане Юрьевне Барыш, в творческом сотрудничестве с которой проводится данное исследование.

Литература

1. Лебедева О.И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков: Взгляды и концепции Окакура Какудзо. М.: РГГУ, 2016. 208 с.
2. Петрова О.Н. Экспрессивний колоризм Юдзо Саэки. Третє Око: Мистецькі студії // Монографічна збірка статей. К.: Фенікс, 2015. 480 с.
3. Barrett W., Yuzo S. URL: <https://www.findagrave.com/memorial/20671070/yuzo-saeki> (дата обращения: 22.07.2023).
4. Birnbaum P. Glory in a Line: A Life of Foujita : the Artist Caught Between East & West. NYC: Faber & Faber, 2006. 331 p.
5. Brown K. H. Dangerous Beauties and Dutiful Wives: Popular Portraits of Women in Japan, 1905-1925 NYC: Dover Publ., 2011. 128 p.
6. Chelsea F. Making Modern Japanese-Style Painting: Kano Hogai and the Search for Images Chicago: University of Chicago Press, 2015. 408 p.
7. Conant E. P. Nihonga, Transcending the Past: Japanese-Style Painting 1868-1968. St Louis: St Louis City Art Museum, 1995. 352 p.
8. Graham P. J. Early Modern Japanese Art History. Columbus: Ohio State University, 2002. 105 p.
9. Hala I. Vision of Vincent van Gogh and Maurice Utrillo in Landscape Paintings and their Impact in Establishing the Identity of the Place // Proceedings of Academic Research Community URL: <https://press.ierek.com/index.php/ARCHive/article/view/133> (дата обращения: 2.07.2023)/
10. Kawachi A. Les artistes japonais à Paris durant les années 1920: à travers le Salon de la Société des Artistes Français, le Salon de la Société Nationale des Beaux-Arts, le Salon d'Automne, le Salon de la Société des Artistes Indépendants et le Salon des Tuileries // Theses.fr URL: <https://theses.fr/2010PA040188> (дата обращения: 5.07.2023)/
11. Lambourne L. Japonisme: Cultural Crossings between Japan and the West, Phaidon Press, 2005. 240 p.
12. Larking M., Yuzo S. Matthew Larking // The Japan Times URL: <https://www.japantimes.co.jp/author/272/matthew-larking?pgno=1> (дата обращения: 15.07.2023).
13. Reyes A. Retrospective of Saeki Yuzo // meer.com URL: <https://www.meer.com/en/72645-retrospective-of-saeki-yuzo> (дата обращения: 19.06.2023).
14. Saeki Yuzo: Emerging from the Urban Landscape // Nakanoshima Museum of Art, Osaka URL: <https://nakka-art.jp/en/exhibition-post/saekiyuzo-2023-en/> (дата обращения: 22.06.2023).

15. Walker L. J. Sendai Artist Inspired by Maurice Utrillo: Yuzo Saeki and Inner Passion // *Modern Tokyo Times* URL: <https://moderntokyotimes.com/sendai-artist-inspired-by-maurice-utrillo-yuzosaeki-and-inner-passion/> (дата обращения: 20.07.2023).
16. Winther-Tamaki B. *Maximum Embodiment: Yoga, the Western Painting of Japan 1912- 1955* Honolulu: University of Hawaii, 2012. 250 p.

References

1. Lebedeva O. I. *The Art of Japan at the turn of the XIX–XX centuries: views and concepts of Okakura Kakuzo*. M: RSU publ., 2016, 208 p. (In Russ.).
2. Petrova O. N. Expressive colorism of Yuzo Saeki. *The Third Eye: Art Studios* // Monographic collection of articles. K: Feniks, 2015. 480 p. (In Ukr.).
3. Barrett W., Yuzo S. URL: <https://www.findagrave.com/memorial/20671070/yuzo-saeki> (accessed 22.07.2023).
4. Birnbaum P. *Glory in a Line: A Life of Foujita: the Artist Caught Between East & West*. NYC: Faber & Faber, 2006. 331 p.
5. Brown K. H. *Dangerous Beauties and Dutiful Wives: Popular Portraits of Women in Japan, 1905-1925* NYC: Dover Publ., 2011. 128 p.
6. Chelsea F. *Making Modern Japanese-Style Painting: Kano Hogai and the Search for Images* Chicago: University of Chicago Press, 2015. 408 p.
7. Conant E. P. *Nihonga, Transcending the Past: Japanese-Style Painting 1868-1968*. St Louis: St Louis City Art Museum, 1995. 352 p.
8. Graham P. J. *Early Modern Japanese Art History*. Columbus: Ohio State University, 2002. 105 p.
9. Hala I. Vision of Vincent van Gogh and Maurice Utrillo in Landscape Paintings and their Impact in Establishing the Identity of the Place // *Proceedings of Academic Research Community* URL: <https://press.ierek.com/index.php/ARChive/article/view/133> (accessed 2.07.2023).
10. Kawachi A. Les artistes japonais à Paris durant les années 1920: à travers le Salon de la Société des Artistes Français, le Salon de la Société Nationale des Beaux-Arts, le Salon d'Automne, le Salon de la Société des Artistes Indépendants et le Salon des Tuileries // *Theses.fr* URL: <https://theses.fr/2010PA040188> (accessed 5.07.2023).
11. Lambourne L. *Japonisme: Cultural Crossings between Japan and the West*, Phaidon Press, 2005. 240 p.
12. Larking M., Yuzo S. Matthew Larking // *The Japan Times* URL: <https://www.japantimes.co.jp/author/272/matthew-larking?pgno=1> (accessed 15.07.2023).
13. Reyes A. Retrospective of Saeki Yuzo // *meer.com* URL: <https://www.meer.com/en/72645-retrospective-of-saeki-yuzo> (accessed 19.06.2023).
14. Saeki Yuzo: Emerging from the Urban Landscape // *Nakanoshima Museum of Art, Osaka* URL: <https://nakka-art.jp/en/exhibition-post/saekiyuzo-2023-en/> (accessed 22.06.2023).
15. Walker L. J. Sendai Artist Inspired by Maurice Utrillo: Yuzo Saeki and Inner Passion // *Modern Tokyo Times* URL: <https://moderntokyotimes.com/sendai-artist-inspired-by-maurice-utrillo-yuzosaeki-and-inner-passion/> (accessed 20.07.2023).
16. Winther-Tamaki B. *Maximum Embodiment: Yoga, the Western Painting of Japan 1912- 1955* Honolulu: University of Hawaii, 2012. 250 p.

Информация об авторе

Лариса Алексеевна Ахмыловская, канд. искусствоведения, почётный профессор Российской академии естественных наук, Москва, Россия, e-mail: lanaveva@rambler.ru

Information about the author

Larisa A. Akhmylovskaya, Candidate of Arts, Professor Emeritus, Russian Academy of Natural History, Moscow, Russia, e-mail: lanaveva@rambler.ru

Поступила в редакцию 04.08.2023

Received 04.08.2023

Одобрена после рецензирования 12.11.2023

Approved 12.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Студенты и цифровизация высшего образования: социологический анализ

Евгения Евгеньевна Абросимова

Владивостокский государственный университет, Владивосток, gaijony@mail.ru

Элина Ураловна Ягафарова

Владивостокский государственный университет, Владивосток, inajagafarova@gmail.com

Аннотация. В данной работе авторы затронули тему цифровых изменений в современной системе высшего образования. Исследователи предприняли попытку изучить мнение студентов о происходящих трансформациях в системе высшего образования. В ходе исследования респонденты смогли оценить все негативные и положительные аспекты цифровых трансформаций именно с позиции непосредственного участника данного процесса. Результаты, представленные в данной статье, возможно, актуализирует комплексное изучение процесса преобразования российской высшей школы в связи с интенсивной и масштабной цифровизацией.

Ключевые слова: анкетирование, цифровая трансформация, цифровизация, социологическое исследование, высшее образование, студенты

Для цитирования: Абросимова Е. Е., Ягафарова Э. У. Студенты и цифровизация высшего образования: социологический анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 103–110. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/103-110>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/103-110>

Students and Digitalization of Higher Education: A Sociological Analysis

Evgenia E. Abrosimova

Vladivostok State University, Vladivostok, gaijony@mail.ru

Elina U. Yagafarova

Vladivostok State University, Vladivostok, inajagafarova@gmail.com

Abstract. In this paper, the authors touched on the topic of digital changes in the modern higher education system. The researchers attempted to study students' opinions about the ongoing transformations in the higher education system. During the study, respondents were able to evaluate all the negative and positive aspects of digital transformation from the position of a direct participant in this process. The results presented in this article may update a comprehensive study of the process of transformation of Russian higher education in connection with intensive and large-scale digitalization.

Key words: survey, digital transformation, digitalization, sociological research, higher education, students

For citation: Abrosimova E. E., Yagafarova E. U. Students and Digitalization of Higher Education: A Sociological Analysis // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 103–110. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/103-110>

Начало XXI в. стало ступенью перехода общества на новую стадию развития. Общественное устройство стремительно меняет свой облик: все сферы жизни современного человека пронизаны внедрением и повсеместным использованием информационных технологий. Цифровизация стала глобальным вектором социально-экономического развития, затронув все значимые сферы человеческого бытия: образование, здравоохранение, бизнес. Цифровизация признается главной стратегической задачей развития государства: в Российской Федерации для выполнения этой задачи реализуется национальная программа "Цифровая экономика" [5].

Масштабность цифровизации как процесса обуславливает и широкую вариативность трактовки данного понятия. Наиболее актуальным представляется трактовка Плотникова В. А., который предложил следующую дефиницию: цифровизацию необходимо понимать как новый этап развития информатизации, особенностью которого является доминирующее использование цифровых технологий генерации, обработки, хранения, передачи и визуализации информации [6, с. 17]. Таким образом, главная особенность цифровизации заключается во внедрении и активном применении инновационных технологий в общественных сферах.

Как упоминалось выше, процесс цифровизации коснулся всех сфер современного общества, внося в каждую свои коррективы и изменения. В данной работе внимание авторов будет фиксироваться на цифровизации в сфере

образования. Один из значимых видов изменений в данной сфере – это цифровизация высшего профессионального образования. Необходимость и значимость данных перемен зафиксированы и исполняются в рамках национального проекта "Образование", реализуемого до 2024 г. [13]. Процессы внедрения цифровых технологий в высшее профессиональное образование не проходят бесследно: меняется весь образовательный ландшафт, включая отношения между заинтересованными сторонами академического сообщества, принципы и механизмы управленческой деятельности в вузах. Перед исследователями, занимающимися темой цифровизации высшей школы в России, стоит актуальная задача выявления и анализа социальных эффектов, которые неизбежны при таком глобальном и масштабном уровне перемен.

В научной литературе на данный момент выделяется достаточно большой объем публикаций, посвященных обозначенной проблематике. Особенно сильно активизировался исследовательский поиск в период пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., когда проблема перехода на дистанционный формат обучения стала актуальна для учебных заведений различного уровня. Внешние условия актуализировали потребность в развитии информационных и цифровых навыков как у педагогов, так и у обучающихся. Наряду с другими педагогическими и организационными проблемами возникла сильная необходимость в повышении умений преподавателей использовать средства цифрового обучения и инновационных методик в образовании [11, с. 95].

Как показывают исследования, нацеленные на измерение уровня развития цифровых компетенций у преподавателей высшей школы, российские педагоги обладают средним уровнем сформированности цифровых компетенций в своей профессиональной деятельности [9; 12]. Исследователи выделяют незначительный уровень роста владения цифровыми навыками у преподавателей за последние несколько лет, несмотря на очевидную актуальность последних. Отмечается, что преподаватели редко применяют инновационные решения при проведении занятий и демонстрируют невысокую информированность о новых цифровых инструментах и методах их использования при проведении занятий.

Проблема некомпетентности преподавателей в использовании цифровых образовательных технологий и трудности их адаптации к новым цифровым реалиям в образовательном процессе влечет за собой возникновение ряда социальных рисков [1, с. 226]. Это и обуславливает необходимость более тщательного и предметного изучения потенциальных проблем и трудностей, которые этот процесс может за собой повлечь. Ряд исследователей сфокусировали свое внимание на изучении рисков в сфере высшего образования и пришли к выводу, что существует взаимосвязь восприятия современных цифровых технологий заинтересованными сторонами академического сообщества – прежде всего, это сами преподаватели и студенты. Преподаватели высшей школы играют роль наставников в учебном процессе, и это предопределяет необходимость правильной интеграции цифровых технологий в занятия, расширения цифровых компетенций путём различных курсов, тренингов [3, с. 69]. Залогом качественной и результативной цифровизации вузов будет являться подготовка педагогического состава, которая охватывает и повышение цифровой грамотности, и развитие способности использовать цифровые инструменты для визуализации учебного материала, и умение составлять интерактивные электронные учебные пособия, проводить занятия в онлайн-режиме, разрабатывать открытые образовательные курсы [10, с. 87].

Переходный период в современных условиях цифровой трансформации высшей школы оказывает как благоприятные, так и негативные последствия. Исследования, направленные на комплексные изучения последствий трансформации системы образования, должны служить инструментом, который позволит своевременно и качественно выявлять и определять негативные результаты [4, с. 97].

Исследователи уделяют достаточно большое внимание вопросу восприятия студентами процесса цифровизации в вузах и их оценке положительных и негативных последствий цифровизации для образования [2; 7; 8]. Согласно различным исследованиям, российские студенты довольно положительно оценивают цифровизацию ВПО, но вместе с тем они отмечают недостатки этого процесса.

Однако важно понимать очень значимый аспект изучаемой темы – динамичность и высокую скорость изменений, которые происходят в сфере высшего образования под влиянием цифровизации. Это делает необходимым и актуальным регулярное изучение студенческих позиций в отношении описываемых трансформаций. Именно стремительность преобразования системы ВПО и актуализирует цель данного исследования – изучение отношения студентов российских вузов к процессу цифровизации обучения.

Авторами данной работы было проведено социологическое исследование, направленное на решение поставленной цели. В качестве инструмента для сбора эмпирических данных было применено анкетирование, результаты которого позволяют определить то, как студенты воспринимают цифровую трансформацию в университете. Анкета включала 19 вопросов, ответы на которые позволяют решить следующие задачи исследования: определить уровень активности использования преподавателями цифровых инструментов и ресурсов в педагогической деятельности; выявить отношение студентов к интеграции в образовательный процесс цифровых инструментов и ресурсов; выделить достоинств и недостатков цифровизации образования по мнению студентов ВПО; определить уровень развития цифровых компетенций преподавателей и студентов.

При помощи анкетирования был опрошен 351 человек – студенты высших учебных заведений различных российских регионов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в возрасте от 17 до 27 лет.

В качестве генеральной совокупности авторами рассматривались все студенты, в период проведения опроса, обучающиеся в высшем учебном заведении. Именно действующий статус "студента" – характеристика генеральной совокупности, которая являлась существенной для целей исследования, в отличие от социально-профессионального, имущественного состава обследуемых, а также их пространственной локализации. Учитывая цели и задачи исследования, а также способ сбора эмпирической информации (ссылка на анкеты размещалась в социальных сетях, в различных группах и сообществах, популярных среди студенчества), исследователями была сформирована случайная или вероятностная выборка.

В исследовании приняли участие вузов, которые находятся практически во всех федеральных округах РФ. Авторами не ставились аналитические задачи, направленные на понимание или сравнения изучаемой проблемы в разрезе федеральных округов, поэтому неоднородность географического распределения респондентов не является значимой характеристикой описанной выборочной совокупности (*рис. 1*).

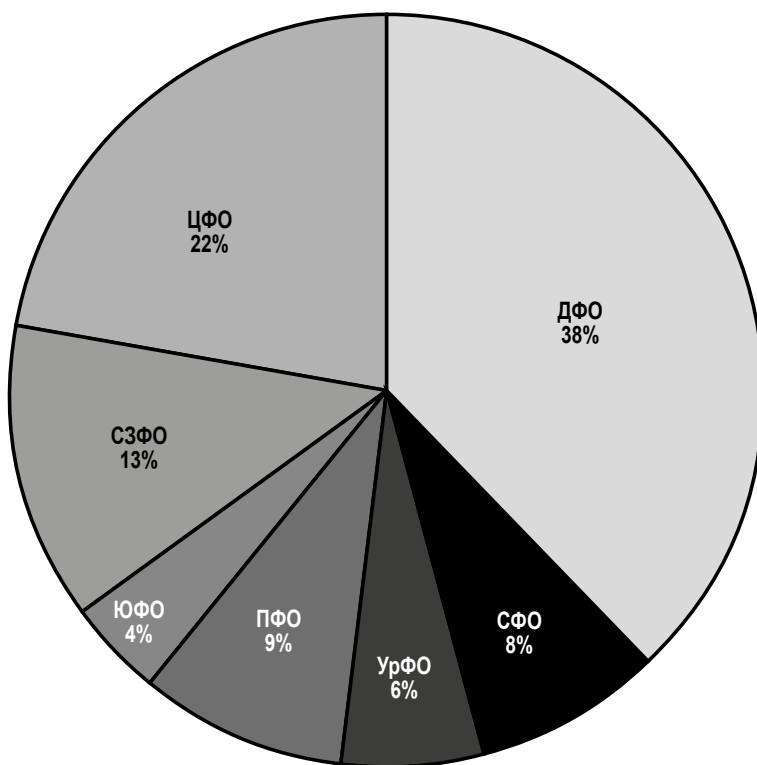
Вопрос, с которого начиналась анкета для студентов, звучал следующим образом: "Используют ли преподаватели в вашем университете цифровые инструменты и сервисы?". Почти все респонденты (94,3%) дали утвердительный ответ. Следующий вопрос носил уточняющий характер и был направлен на то, чтобы понять, сколько преподавателей используют обозначенные ресурсы: 100% преподавателей – выбрали 13,5 % ответивших, 75-80% – выбрали 38,4 % ответивших, 50% и 25-30% одинаково выбрали 19,8% ответивших, а 15% и менее преподавателей, использующих цифровые инструменты и сервисы, отметили 8,4% студентов.

При уточняющем вопросе, направленном на понимание того, какие именно цифровые инструменты и сервисы используют преподаватели, ответы распределились следующим образом:

Помимо перечисленного, среди ответов студентов встречались упоминания об использовании в учебном процессе личных сайтов преподавателей, собственных внутривузовских платформ, различных сервисов для видеоконференций, различных платформ с онлайн-курсами.

Вопросы анкеты также выявили, что большинство преподавателей (51,3%), использующих цифровые инструменты и сервисы, включают их в свою работу каждое занятие. Другая часть преподавателей (33,6%) использует цифровые инструменты 1-2 раза в месяц, и лишь 4,8% преподавателей пользуются ими 1-2 раза в несколько месяцев. Здесь можно говорить о том, что преподаватели российских вузов активно используют цифровые инструменты и сервисы, но меньшинство из них использует всё разнообразие этих

Рис. 1. Территории проживания респондентов
Fig. 1. Territories of residence of respondents

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

инструментов, существующее на данный момент. Также студентам был задан вопрос о том, какие инструменты в процессе обучения предпочитают они сами. Результаты показали, что инструменты, предпочитаемые большинством студентов, совпадают с теми, которые чаще всего применяют во время занятий преподаватели.

Очевидно, что поколение студентов значительно легче и свободней ориентируются в цифровом мире, что позволяет им оценить уровень развития цифровых компетенций у преподавателей. Средняя оценка цифровой грамотности преподавателей – 3,7 баллов, по оценке студентов.

Ответы на следующий вопрос "Как вы думаете, использование цифровых технологий в высшем образовании влияет или не влияет на качество обучения?" отражает, как студенты российских высших учебных заведений в целом относятся к процессу цифровизации образования. Практически все опрошенные (85,9 %) признают, что образовательный процесс становится значительно лучше в силу описываемых изменений.

Несмотря на неоднозначное отношение родительского сообщества к онлайн занятиям, студенты сформулировали свое отношение следующим образом: они не против частичной замены очных занятий на дистанционный формат или на подходящие онлайн-курсы.

Очевидно, что студенты-информанты склонны положительно оценивать цифровые трансформации в образовательном процессе, но необходимо более конкретно понимать, что именно привлекает обучающихся (табл. 2). Большая часть из них отнесла к положительным сторонам следующие аспекты: возможности дистанционного обучения, удобный доступ к цифровым учебно-методическим пособиям, возможность самостоятельно выбирать график и скорость обучения. Также встретилось мнение о том, что благодаря цифровым

Табл. 1. Распределение ответов респондентов о цифровых инструментах и сервисах, используемых преподавателями
Table 1. Distribution of respondents' answers about digital tools and services used by teachers

Варианты ответа	Доля в %
Преподаватели включают интерактивные элементы (просмотр видео, презентаций, инфографики)	85,8
Преподаватели используют сервисы для совместной работы (Pruffme, Miro, Google Classroom и пр.)	62,4
Инструменты для оценивания знаний (Google Forms, Kahoot!, Мини-квиз и пр.)	41,9
Виртуальная обучающая среда (Moodle)	35,9
Преподаватели включают в свою работу образовательные платформы (Лекториум, Stepik, Coursera и др)	25,6

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

технологиям учебный материал на занятиях стал преподноситься более наглядно и интересно, что может способствовать большей включённости студентов на занятиях.

Кроме достоинств, информанты также определили и недостатки активного внедрения цифровых инструментов. Первые позиции заняли: недостаточное материально-техническое оснащение вузов; необходимость проводить много времени за экранами компьютеров, телефонов и других устройств; сокращение живого общения с преподавателями и другими студентами; недостаточная адаптация преподавателей к условиям цифрового обучения.

Помимо оценки компетенций преподавателей и образовательного процесса с использованием цифровых технологий и инструментов, студентам были предложены вопросы, направленные на понимание того, как сами студенты воспринимают свой уровень владения необходимыми навыками. Для этого информантам был задан вопрос о том, как они сами оценивают уровень своих знаний при работе с цифровыми сервисами и ресурсами. Ответы студентов распределились следующим образом: да – 53%; скорее да, чем нет – 40,7%; скорее нет, чем да – 6,3%; нет – 0%. Вполне ожидаемы ответы студентов о том, что они достаточно высоко оценивают уровень своих информационных компетенций. Практически единогласные положительные ответы (93,7 %) вполне очевидны для данной возрастной группы.

Однако, несмотря на такой высокий уровень уверенности в своих цифровых компетенциях, большая часть студентов, принявших участие в опросе, хочет, чтобы в занятия в университете был включен курс по цифровой грамотности. Положительно на соответствующий вопрос ответили 58,7% респондентов.

Далее у студентов спросили про более предпочтительные форматы проведения занятий. Результаты отразили позицию студентов, которые склонны к совмещенной форме проведения занятий (51,9%). Современные студенты университетов готовы к дистанционным формам занятий, их не пугает возможность онлайн-подключения к занятиям.

Помимо формата вебинаров, современные трансформационные процессы в образовании подразумевают и включение онлайн-курсов на различных платформах. К замене некоторых дисциплин на образовательные онлайн-курсы готовы более половины опрошенных респондентов (51,1%). Этот факт также свидетельствует о принятии и положительном восприятии студентами дистанционных занятий. Студенты в полной мере освоили этот вид получения знаний и смогли оценить их преимущества.

Результаты исследования, полученные в ходе анкетирования, отражают ряд значимых тенденций для современного студенчества в условиях цифровой трансформации высшего образования. Во-первых, несмотря на

Табл. 2. Распределение ответов респондентов о цифровых инструментах и сервисах, используемых преподавателями.

Table 2. Distribution of respondents' answers about digital tools and services used by teachers

Варианты ответа	Доля в %
Возможность учиться дистанционно	78,90
Удобный доступ к цифровым учебно-методическим пособиям	68,09
Больше свободы в выборе графика и скорости образовательного процесса	63,80
Возможность отказаться от бумажных носителей	61,50
Возможность развивать умения и навыки работы с цифровыми ресурсами и инструментами	54,10
Возможность получать обратную связь от преподавателей	31,30

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

тот факт, что в исследовательской риторике достаточно популярно мнение о нехватке уровня подготовки профессорско-преподавательского состава для полноценного включения цифровых компонентов в образовательный процесс, современные студенты вполне положительно оценивают компетенции своих педагогов. Обучающиеся вузов в своих ответах представили достаточно разнообразные цифровые инструменты и ресурсы, которые преподаватели используют на занятиях. Такие результаты подтверждают актуальность и необходимость регулярного проведения такого рода исследований из-за стремительности и динамичности изменений в изучаемой проблеме.

Студенты вполне объективно оценивают потенциал онлайн-обучения, выделяя плюсы и минусы изменений образовательного процесса в условиях цифровизации.

Сегодня студенты больше не боятся падения качества образования в условиях онлайн-занятий, они готовы получать знания и навыки не только на вебинарах преподавателей своих вузов, но и слушать онлайн-курсы, размещенные на различных платформах, и даже готовы к замещению некоторых очных предметов. Несмотря на положительные оценки, данные респондентами, роль преподавателя совершенно не преуменьшается – студенты не готовы полностью отказаться от очных встреч с преподавателями в традиционном формате.

Скорость и интенсивность цифровизации образовательного процесса обуславливает возможность возникновения как положительных, так и отрицательных аспектов. И студенты, являясь активными участниками и свидетелями данных трансформаций, оценивают изменения и их результаты достаточно позитивно. Студенты оценивают свои знания как достаточно высокие, но это не останавливает их в желании получать образование в сфере цифровых компетенций и навыков. Молодые люди понимают необходимость и актуальность данных навыков, как в профессиональном, так и в личностном становлении на современном этапе развития общества.

Литература

- Бурганова Л. А. Социальные риски цифровизации высшего образования // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 4. С. 224-227.
- Зверкова А. Ю., Омельченко Е. А. Отношение студентов вуза к процессам цифровизации профессиональной подготовки // Концепт. 2021. № 7. С. 45-61.
- Калимуллина О.В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование, 2018. Т. 22. №3. С. 61–33. URL: <https://openedu.rea.ru/jour/article/view/522/388> (дата обращения: 04.07.2023).

4. Минина, В.Н. Цифровизация высшего образования и её социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.
5. Направления деятельности // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций в Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.yandex.ru%2f (дата обращения: 04.07.2023)
6. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16–24.
7. Попова О. И. Цифровизация образования и бренд вуза: отношение студентов к процессам // Вопросы управления. 2019. №. 3 (39). С. 245–250.
8. Прохорова М. П., Минеева О. А., Благодинова В. В., Изучение отношения обучающихся вуза к цифровизации образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. №. 2. С. 19.
9. Сerezhkina A. E. Формирование цифровых компетенций преподавателей // Управление устойчивым развитием. 2022. № 5(42). С. 98–103.
10. Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84–88.
11. Федосеев К. В. Проблемы и перспективы дистанционного обучения // Вестник Университета "Кластер". 2022. № 1(1). С. 92–97.
12. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе // Аналитический центр НАФИ. М.: Изд-во НАФИ. 2019. 84 с.
13. Цифровизация образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/colleges_councils/kollegialnye-organy/digitalcouncil/digitalobr/ (дата обращения: 04.07.2023).

References

1. Burganova L. A. Social risks of digitalization of higher education // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2019. No. 4. P. 224–227. (In Russ.).
2. Zverkova A. Yu., Omelchenko E. A. Attitude of university students to the processes of digitalization of professional training // Concept. 2021. No. 7. P. 45–61. (In Russ.).
3. Kalimullina O.V., Trotsenko I.V. Modern digital educational tools and digital competence: analysis of existing problems and trends // Open Education, 2018. Vol. 22. No. 3. P. 61–33. URL: <https://openedu.rea.ru/jour/article/view/522/388> (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
4. Minina V.N. Digitalization of higher education and its social results // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. Vol. 13. Issue 1. P. 84–101. (In Russ.).
5. Directions of activity // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications in the Russian Federation. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.yandex.ru%2f (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
6. Plotnikov V. A. Digitalization of production: theoretical essence and development prospects in the Russian economy // News of the St. Petersburg State University of Economics. 2018. No. 4 (112). P. 16–24. (In Russ.).
7. Popova O. I. Digitalization of education and the brand of the university: the attitude of students to processes // Management issues. 2019. no. 3 (39). P. 245–250. (In Russ.).
8. Prokhorova M. P., Mineeva O. A., Blagodinova V. V. Studying the attitude of university students to the digitalization of education // World of Science. Pedagogy and psychology. 2020. T. 8. No. 2. P. 19. (In Russ.).
9. Serezhkina A. E. Formation of digital competencies of teachers // Management of sustainable development. 2022. № 5(42). P. 98–103. (In Russ.).
10. Strekalova N. B. Risks of introducing digital technologies into // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 84–88. (In Russ.).
11. Fedoseev K. V. Problems and prospects of distance learning // Bulletin of the University "Cluster". 2022. № 1(1). P. 92–97. (In Russ.).
12. Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the educational process // Analytical Center of NAFI. M.: NAFI Publishing House. 2019. 84 p. (In Russ.).
13. Digitalization of education // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: https://minobrnauki.gov.ru/colleges_councils/kollegialnye-organy/digitalcouncil/digitalobr/ (accessed 04.07.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Евгения Евгеньевна Абросимова, канд. соц. наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: gaijony@mail.ru
Элина Ураловна Ягафарова, студентка Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: inajagafarova@gmail.com

Information about the author

Evgenia E. Abrosimova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: gaijony@mail.ru
Elina U. Yagafarova, Student, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: inajagafarova@gmail.com

Поступила в редакцию 26.05.2023

Received 26.05.2023

Одобрена после рецензирования 14.11.2023

Approved 14.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Научная статья
УДК 339.564:378 (571.63)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Народная экологическая этика юкагиров в историко-культурной традиции второй половины XIX – первой четверти XXI в.

Владимир Викторович Подмаскин
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения юкагиров со средой обитания в условиях Арктики. Выявляется система духовно-ценностных установок для ведения промыслового хозяйства, определяется вклад этноса в дело охраны природы, освещается комплекс превентивных традиционно сложившихся мер, примет, запретов, сезонно-хозяйственного календаря в освоении территории природопользования. Исследование показало, что на основе доминирующих рациональных начал народной экологической этики была создана оригинальная система жизнеобеспечения, направленная на развитие адаптационно-адаптирующей деятельности человека в условиях Арктики. Поэтому становится актуальным для разрабатываемой проблематики положение, связанное с пониманием традиционной культуры как формы биосоциальной адаптации популяции к окружающей среде.

Ключевые слова: юкагиры, культ природы, запреты, приметы, сезонно-хозяйственный календарь, адаптация, Северо-Восток России, вторая половина XIX – первая четверть XXI в.

Для цитирования: Подмаскин В. В. Народная экологическая этика юкагиров в историко-культурной традиции второй половины XIX – первой четверти XXI в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 111–118. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Folk ecological ethics of the Yukagirs in the historical and cultural traditions of the second half of the XIX – the first quarter of the XXI century

Vladimir Viktorovich Podmaskin
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, podmaskin@yandex.ru

Abstract: The article deals with the relationship of the Yukagirs with the environment in the Arctic. A system of spiritual and value attitudes for the management of the commercial economy is manifested, the contribution of the ethnic group to the cause of nature protection is determined, a complex of traditionally established preventive measures, signs, prohibitions, and the seasonal economic calendar in the development of the territory of nature management are consecrated. The study showed that on the basis of the dominant rational principles of folk environmental ethics, an original life support system was created, aimed at the development of adaptive human activity in the Arctic. Therefore, the position associated with the understanding of traditional culture as a form of biosocial adaptation of a population to the environment becomes relevant for the issues being developed.

Key words: Yukagirs, cult of nature, prohibitions, omens, seasonal economic calendar, adaptation, North-East of Russia, second half of the 19th – first quarter of the 21st century

For citation: Podmaskin V. V. Folk ecological ethics of the Yukagirs in the historical and cultural traditions of the second half of the XIX – the first quarter of the XXI century // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 111–118. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Введение

Юкагиры живут в Якутии и Магаданской области. Они делятся на две группы. Раньше одна из них кочевала в тундре, преимущественно в районе рек Алазеи и Чукочей, другая осела южнее, по рекам Ясачной и Коркодо-ну притокам рек Колымы. Тундровые юкагиры занимались оленеводством, охотой и рыболовством. Колымские юкагиры оленей не имели и занимались только охотой и рыболовством. Тундровые юкагиры называли себя *wadul* колымские – *одул*. Численность юкагиров – более 1000 чел. Юкагирский язык – бесписьменный. Многие грамматические и лексические элементы являются в этом языке общими с уральскими и алтайскими языками [7, с. 227]. Вероятно, юкагиры пришли на Крайний Север с юга, вернее всего, со стороны Саяно-Алтайского нагорья. По данным И.С. Гурвича, в конце XIX в. юкагиры представляли собой ряд обособленных групп, каждая из которых являлась сложным этническим образованием, состоявшим из потомков юкагиров, сме-

шавшихся с эвенками, эвенами, русскими старожилами и якутами [1, с. 81]. Территорией жизнедеятельности юкагиров в настоящее время является Колымский район Якутии – низовья и среднее течение реки Колымы, где они постоянно проживают и сохраняют свои традиционные занятия и культуру [12, с. 77].

В основу разработки проблемы легла концепция хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и связанная с ней концепция историко-этнографических областей (ИЭО). Под хозяйственно-культурным типом понимается хозяйственно-культурный комплекс этноса, исторически сложившийся под воздействием географической среды обитания. В отличие от хозяйственно-культурных типов историко-этнографические области характеризуют не этносы, а территории, население которых в силу общности исторической судьбы, тесных культурных связей приобретает общие черты материальной и духовной культуры.

Важным компонентом, характеризующим ХКТ юкагиров, являлась охота на копытных животных. Диких оленей летом преследовали верхом на домашнем олене, зимой на нартах. На лосей охотились гоним по насту. У тундровых юкагиров широкое распространение имели загонная охота на оленей с собаками, поволоки на речных переправах, охота с оленем-манщиком. Зимой в тундре добывали песца, в таёжной зоне – соболя, белку, лисицу. Практически вся добытая пушнина шла на продажу. Весной и осенью охотились на гусей и уток [13, с. 56–59].

Проблема выбора критериев для оценки конечных результатов жизнеобеспечения или успешности адаптации юкагиров к среде обитания не подвергалась до настоящего времени специальному рассмотрению. Поэтому в статье ставится цель – наметить основные варианты разработки таких критериев.

Научная новизна темы заключается в том, что в этнологии юкагиров впервые ставятся вопросы народной экологической этики в свете систематизированного видения. В данной работе предпринята попытка специального изучения традиционной этики юкагиров в этнографическом аспекте на основе народного календаря.

* * *

В систему превентивных и профилактических особенностей экологического опыта охотников тундры входили обычаи и навыки поведенческого характера, историю которого, вероятно, можно начать с животного мира, а также наблюдения человеком природных явлений [8, с. 206; 14, с. 268]. В юкагирской картине мира "родная земля" представлялась покрытой сетью коммуникационных и информационных каналов – следов дорог представителей животного мира, человека, нематериальных объектов [3, с. 86].

То, что не поддавалось логическому объяснению, приобретало мифологический характер. Например, согласно поверьям юкагиров, озёра – это места лёжки мамонтов *турхукэнни*, равно как реки – следы их троп. Согласно юкагирским преданиям, когда-то юкагиров было так много, что их костры освещали всю тундру. От того времени на небе остался отсвет юкагирских огней – "северное сияние" [11, с. 13]. Небо юкагиры обозначали в виде радуги или гигантского конического жилища *нумэ*, где облака – это покрывки чума, а звёзды – дыры в нём, пробитые когтями куропатки-самца [2, с. 123].

Юкагирские представления о мире довольно расплывчаты. Творцом и Верховным существом являлся Пон (на тундровом диалекте Шукун), что значит "Нечто абстрактное". Это творящая, но не персонифицированная первопричина управляла явлениями природы и не вмешивалась в дела людей. В мифологии народа нет упоминания о молитвах и жертвоприношениях Пону [2, с. 115].

Сохранялось представление о том, что всё живое имеет своего духа-хозяина. Особым почитанием пользовался дух-хозяин рек Ориенпогиль. Во время весеннего половодья и осенью, когда по реке шла пуга, рыбаки дарили ему бисер и просили: "Матушка-река, неси нас хорошо" [13, с. 51]. Сохранились этнические представления о невидимых антропоморфных сверхъестественных "хозяевах мест" – Пэдьюль, обитающих в той или иной части природы или объекте. Они требовали от людей соблюдения обычаев и обрядов, осуществляли контроль над различными видами животных. Пэдьюль – "покровители и защитник животных", с одной стороны, дают согласие на отстрел животного

под их контролем, с другой – заботятся о том, чтобы охотники, обычно это мужчины, не убивали зверей напрасно, без необходимости [5, с. 216–219].

Чтобы не вызвать гнева Падьюль, юкагиры должны были добывать животных столько, сколько им требовалось для поддержания жизни. Эти правила приемлемы к охотничьим законам, способствующим охране дичи от браконьеров. Так, считается грехом убивать целое стадо оленей, не оставляя нескольких животных для воспроизводства.

Превыше всего пешие охотники почитали солнце *пузу* как главного покровителя и источника жизни на земле [10, с. 43]. Солнце-глаз – оберег от злых духов и болезней. По данным Л.Н. Жуковой: "Солнечной символикой "согрета" вся одежда лесных юкагириров-охотников, и это естественно, если учитывать низкие зимние температуры горно-таёжных континентальных областей Северо-Восточной Азии и первостепенную значимость не только пищи, но и тепла (одежды, жилища)" [4, с. 128]. Радуга у юкагириров *пугуд-онораа* – "язык солнца". В древности, очевидно, луна также считалась божеством. Прежнее название луны было *эми-пузу*, т. е. "ночное солнце". Полная луна по-юкагирски звучит *начэ-кинидъэ* – "луна-лицо" [5, с. 211].

К числу важнейших сил природы юкагиры относили огонь. Духа огня благодарили, в огонь бросали разную еду. У колымских юкагириров Отец-Огонь – Мэмдъэйэ-Эчиэ. Слово *мэмдъэйэ* означает "пламя". Неслучайно у этноса красный цвет огня – основа "земли" и "очага". Полярное сияние *поиньянулкон* – "свет", выпускаемый Отцом-Огнём, когда он открывает Небо. Кудьу – "Небо" (благодетельное божество, снабжающее людей пищей) [5, с. 207]. Огонь как абстрактный дух или конкретный персонифицированный образ предписывал соответствующее обращение с ним: огонь нельзя ругать, колоть, топтать, мочиться и плевать в него. Нарушения запретов будут иметь негативные последствия для человека: "предписываются осторожность, почтительность, наказуема забывчивость и невнимательность к огню" [2, с. 132].

Не меньше, чем от огня, зависели юкагиры от воды. Во время ледохода юкагирки Верхней Колымы дарили "детям хозяина реки" бисер и просили у него изобильной пищи. Каждый юкагир, подходя к водоёму, задабривал духа-хозяина вод подарком [11, с. 108]. Охотники и рыболовы особо отметили жизненную силу талой воды из снега, придав ей сакральное значение [10, с. 35].

Значительное место в жизни этноса занимал культ промысловых животных. Они наделяли животных человеческим разумом и полагали, что те могут их понимать. Арктические аборигены почитали не только оленей и лосей, но в равной степени все объекты промысла. Диких оленей, лосей, медведей, волков, крупных птиц охотники называли иносказательно. О своей добыче промысловик говорил только мужчинам и использовал в повествовании особые слова [13, с. 78; 6, с. 64–65]. Нельзя говорить о добыче. Образные замены прямых названий были вызваны стремление скрыть от животных намерения охотников, так как, по убеждению людей с анимистическим мировоззрением, которое свойственно юкагирам, животные понимают человеческую речь. Характерно, что подставных слов для рыб у тундровых юкагириров нет. Это говорит о том, что раньше они были исконными пешими охотниками на диких оленей, но не рыболовами.

Юкагиры не только почитали промысловых животных, но и относились к ним, как к людям. Черепа, трубчатые кости и копыта диких оленей перед откочёвкой на новое стойбище собирали и засыпали землёй, рога клали на землю, направив в сторону востока. Среди народа было распространено гадание по верхней лопатке оленя. Запрещено употреблять в пищу мозговые кости и головы оленя. Черепа уток и зайцев также оберегали от осквернения. Следили, чтобы они не попадали под ноги, не давали их собакам. Обычно черепа уток и зайцев бросали в огонь или топили в воде [13, с. 52].

Добытый олень использовался в хозяйстве полностью – в дело шли мясо, шкура, кости, рога, а также подшейный волос диких оленей-самцов *онтиэ*, его срезали, красили и обшивали им передники, шапки, одежду [6, с. 73].

В число животных, на которых распространялся промысловый культ, входил лось. Снимать шкуру с лося разрешалось только мужчинам, а женщинам запрещалось даже смотреть на убитого лося. Глаза лося вырезали и придавали Земле [9, с. 240]. В фольклоре известен образ шестиногого Хозя-

ина лося. У него просили храбрости (сердце и храбрость синонимичны) и еды – охотничьей добычи [2, с. 146].

Жертвенными животными, по данным юкагирского фольклора, были собаки. Обрабатывать собачью шкуру считалось греховным. На первые закаты солнца, на первые туманы, на луну зимой и на сполохи собаки воют. При уходе солнца с горизонта собаки ложатся носами к востоку. В пургу они спят, занесённые снегом.

На волков не охотились, они – сородичи и санитары тундры. В юкагирском фольклоре сохранились представления, что медведи не нападают на людей, они, напротив, являются советниками, учителями и спасителями человека. Род Корэла, по представлениям юкагиров, произошёл от сожительства женщины с медведем. Нос и когти медведя охотники хранили как амулет, обеспечивающий в дальнейшем удачу в промысле.

Рыбные места, как и места переправы оленей, относятся к священным. У священных скал совершались магические обряды, посвящённые разному животным и растений, удаче в охоте, рыбной ловле [13, с. 125]. Лов сам по себе обставлен строгими "табу", нарушение которых грозит, по мнению юкагиров, роковыми последствиями, – может сказаться на всём ходе зимних промыслов и охоты (**Полевые материалы автора, 2021 г., Магаданская область, с. Нелемное, сообщение О.А. Щербакова**).

Ход рыбы обычно бывает около полуночи, ранним утром перед восходом солнца, а иногда ещё под вечер, когда солнце клонится к закату. Только в эти три срока и происходит лов, в другое время доступ к реке запрещён – рыбе необходимо дать покой. Лов общий, в нём участвует всё стойбище.

Обнаружив стадо диких оленей, охотники не уничтожали его целиком, нескольких животных обязательно оставляли в живых. Если в загоне находилось много гусей – одного из них выпускали на волю. На каждого ребёнка и даже младенца, находящегося в колыбели, выпускали по гусю. Последний гусь в загоне становился также вольной птицей [6, с. 81, 88].

Исходя из этих и выше изложенных данных, можно заключить, что охотники всегда деликатны и вежливы к животному миру и всячески выражали своё уважение к животному, даже если вынуждены его умертвить. Эта традиция сохраняется до сих пор и отражает мировоззрение древних пеших охотников на дикого оленя.

Общезвестно, что окружающий ландшафт непосредственно влиял на этнос и осуществлял связь с природной средой через хозяйственную деятельность [8, с. 186]. Каждый род мог кочевать и охотиться только в пределах определённой территории, называемой *унубэ* – "место хождения". Северный край Восточно-Сибирского моря юкагиры называли *ташулингат пэндибэн* – "место (многократного) возвращения с моря", а южный – *сарут пэндибэн* – "место (многократного) возвращения с леса" [6, с. 66]. Такие названия могли дать лишь кочевники. Запрещалось вторжение на чужую территорию с целью "истребления рыбы, зверей и дичи", что становилось причиной войны между родами и племенами у данного этноса [10, с. 39]. Случаи нарушения этого правила обсуждались стариками обеих сторон. Обычно хозяева забирали оленя, убитого на их территории, себе.

Е.А. Крейнович отметил: "С момента отёла оленей и до августа на диких оленей не охотились". Юкагиры – исконные охотники на диких оленей – относились к их поголовью как рачительные хозяева. Они не мешали им телиться, давали возможность своей будущей добыче окрепнуть [6, с. 77]. Тишина – символ покоя таёжного обитателя. Шорох, треск сучьев, шуршанье гальки, всплеск воды являлись "традиционными сигналами грозящей опасности для любого живого существа" [2, с. 88].

В 1921 г. дикие олени из тундры ушли. Исчезновение животных местное население объясняло приходом чукчей с большими стадами домашних оленей. По данным Е.А. Крейновича, огромные стада "истоптали тундру, где обитал дикий олень, в связи с чем он и ушёл из этих мест" [6, с. 68]. Вероятно, поэтому древние пешие охотники на северного оленя, занимаясь оленеводством, держали незначительное количество домашних оленей только для транспортных целей.

Нельзя не отметить, что охотники оберегали чистоту тундры. Обнаружив труп оленя, делили его на части и разбрасывали на съедение птицам и

зверям, оставшиеся кости зарывали в глубокой яме, чтобы падаль не загрязняла землю [6, с. 86].

Важным источником для изучения экологического опыта послужили народные приметы, которые позволили выяснить, как этнос приспосабливался к природным условиям. Мир природы в приметах охотников и рыболовов представлен в непрерывной смене красок, звуков, запахов, движений, вкусовых ощущений, изменениях состояний небесной сферы. Так, если говорят Пон-йулэч (Пон – "Небесное божество", что означает "Нечто абстрактное"), т. е. "Нечто стало тёмным", то это означает, что наступил вечер; Пон-эмидэн, т. е. "Нечто стало чёрным", значит, наступила ночь. Пон-омоч – "Нечто стало хорошим", т. е. наступила хорошая погода; Пон-тибой – "Нечто стало дождливым", т. е. идёт дождь [2, с. 115].

Механизм адаптации человека к природной среде мотивирован приметами и связан с сезонной деятельностью семейного коллектива. Если осенью опадает хвоя лиственницы, рыболовы считали, что скоро рыба начнёт спускаться из верховья реки в море [5, с. 205]. Когда лосось поднимается вверх по реке, то они пропускали часть косяка для метания икры и только после этого окончательно перекрывали реку запрудой [5, с. 219].

Некоторые приметы связаны с гнусом – комарами и мошками. Если комары кусают человека сильнее обычного, значит чуют сильный ветер. Если вдруг налетит несметное множество мошки, жди северного ветра. Комары – одна из причин миграций диких оленей, совершающих за год два больших перехода: весной – из тайги и лесотундры к берегам Ледовитого океана, а осенью – обратно, на зимовку, под защиту деревьев [11, с. 10].

Как отметила Л. Н. Жукова: "Многие охотники способны отмечать малейшие изменения в состоянии окружающей среды, перепады атмосферного давления, реакции природной среды на внешние влияния" [2, с. 120]. Охотники заметили, как улетят стаями гуси, лебеди и утки – наступит холода. Первыми улетают журавли, за ними лебеди и гуси. Если журавли низко летят – будет длинная осень, а если лебеди низко пролетают – скоро снег выпадет. С появления красного листа на кустах звери линяют, надо настораживать ловушки. За оленями, уходящими на зимовку в леса, следует волк. В тундре зимуют песец, заяц, горностай, волк да куропатка с совой и вороной. Согласно представлением юкагиров, сова открыла тёплые страны, однажды вернулась на Север и больше не покидала этот край (**Полевые материалы автора, 2021 г., Магаданская область, с. Нелемное, сообщение О.А. Щербакова**).

Чтобы не стать жертвой стихийных сил природы, охотники и рыболовы научились предугадывать погоду. Тонкие и многочисленные наблюдения за небом позволили точно определить погоду на ближайшее время. Например, сильный ветер – к дождю; круг вокруг солнца или луны – к перемене погоды; ясное и без облаков небо на закате солнца – к хорошей, ясной погоде. Более многочисленные приметы связаны с поведением животных и птиц, у которых проявляются сильно развитые инстинкты: вороны низко летают – к дождю, беспокойный бег белки, писк куропатки, игривость собак – предвещает ненастную погоду. Охотники знали все направления ветров на своей территории во все времена года, выделяя самые сильные из них для определения погоды. Предстоящую погоду предсказывали и по самочувствию человека: нытьё рук и ног или сонное состояние – к непогоде.

Народные приметы арктических аборигенов, связанные с длительным прогнозом, отразили характерные черты климата Северо-Востока Азии и в общей массе менее точны, чем приметы на ближайшие дни: если осенью листья с деревьев опадают рано и сразу – будет тёплая хорошая весна; если листья падают медленно – весна будет холодная и затяжная; если в новолуние рожки луны немного загнуты внутрь и она стоит круто – месяц будет холодный; если рожки луны не загнуты внутрь и она стоит полого – месяц будет тёплый и без ветров; преждевременный перелёт птиц на юг предвещает ранние заморозки (**Полевые материалы автора, 2021 г., Магаданская область, с. Нелемное, сообщение О.А. Щербакова**).

В народных приметах нашла отражение жизнь приполярного охотника, зверолова, оленевода, их необычная наблюдательность, всестороннее знание повадок и образа жизни животных арктической зоны.

Натуральное хозяйство, в условиях которого жили охотники-рыболовы на рубеже XIX и XX вв., имело циклический характер, что обуславливалось главным образом сменой времён года. Тесно связанные с природой, юкагиры издавна вели постоянное тщательное наблюдение за ней и создали свой традиционный сезонно-хозяйственный календарь – своего рода записки натуралистов. Пользоваться таким календарём довольно просто, в нём благодаря длительным наблюдениям отмечены времена года и установлены занятия людей в различные месяцы.

Исследователь конца XIX в. Владимир Ильич Иохельсон записал у верхнеколымских юкагиров названия всех 12 месяцев: 1-й – июль, *пугуд-ордьэ кинидьэ* – "середина летних месяцев"; 2-й – август, *йуку-кучийэ кинидьэ* – "месяц мошки"; 3-й – сентябрь, *анин кинидьэ* – "месяц рыбы". В этот месяц заготавливают рыбу на зиму; 4-й – октябрь, *ончиэн кинидьэ* – "месяц самцов диких оленей". Время охоты на диких оленей; 5-й – ноябрь, *чаха или надэ кинидьэ* – "осенний месяц". Месяц начинается с новолуния; 6-й – декабрь, *йотнэйэдэглэ кинидьэ кинидьэ* – "перед месяцем гор"; 7-й – январь, *йотнэй кинидьэ* – "месяц гор". Этот месяц обозначается первым шейным позвонком человека. Другое название месяца – *чомохартлидьэ кинидьэ* – "месяц большой бабочки", здесь имеется в виду период развития личинок особого вида слепней, откладывающих яйца в шкуре оленя; 8-й – февраль, *йукухартлидьэ кинидьэ* – "месяц маленькой бабочки" – "период развития личинок другого вида слепней в ноздрах оленей". Странное в этих названиях то, что слово *хартлидьэ* означает не "личинки", не "слепень", а "бабочка"; 9-й – март, *шибучиэн кинидьэ*. Вероятно, раньше в этот период года – при переходе от зимы к весне – у юкагиров умещалось два лунных месяца; 10-й – апрель, *чуолэд-омни шиллэ-кинидьэ* – "месяц древних людей шиллэ". *Шиллэ* – "ледяная корка на поверхности снега"; 11-й – май, *полдчэ-кинидьэ* – "месяц листвы"; 12-й – июнь, *кучиэн кинидьэ* – "месяц комаров" [5, с. 84–85].

В.И. Иохельсон также отметил, что под влиянием христианства, юкагиры стали отмечать шесть времён года: 1. *Пугэ* (лето), от святой Акулины (13 июня) до дня Марии (8 сентября); 2. *Надэ* (осень), с 8 сентября до дня святого Михаила (8 ноября); 3. *Чиэдэ* (зима), с 8 ноября до Очищения (2 февраля); 4. *Порэ* (первая весна), от Очищения до дня святого Егория (23 апреля); 5. *Шиллэ* или *Шинлэ* (вторая весна), с 23 апреля до начала таяния снега, обычно до дня святого Николая (9 мая); 6. *Шондылэ* (третья весна), от таяния снега до дня святой Акулины [5, с. 86].

Год исчисляли понятием "снег". О ребёнке пятилетнего возраста говорили: "Он вступил в пятый снег". Самый светлый лунный месяц на Севере – декабрь. В декабрьские лунные ночи в тундре отлично видно на расстоянии до одного километра. В это время стоят 40–50 градусные морозы.

Октябрь – время переправы диких оленей через Омолон, оба Анюя и Анадырь. Олени, пересекавшие реки в первой половине июня были тощими после зимовки, и их добывали для прокорма собак, осенью мясо быков оленей заготавливали впрок на зиму. Во время переправы животных принимались строжайшие меры предосторожности: не разрешалось ни стрелять, ни разговаривать, ни разводить огонь для приготовления пищи. Ежедневно высылались разведка и сообразно полученным данным охотники группировались в укрытиях, расположенных вдоль берега. В 1934 г. запрещена добыча оленя "на плаву".

По данным Е.А. Крейновича, юкагиры делили год на периоды: *луку-дајлэмэн* – "время короткого (дословно маленького) дня", соответствовавшее декабрю, январю и февралю [6, с. 68]; *элин пугудэмэн* – "первое время потепления", т. е. начало весны, совпадающее примерно с мартом [6, с. 75]; *пугудэмэн* – "время потепления", совпадающее примерно с апрелем. В это время юкагиры оставляли зимнюю стоянку и начинали медленное продвижение на север в тундру (иногда этот период начинался с конца марта, если погода была тёплой) [6, с. 76]; *туонгајмэн* – "время отёла оленей", совпадающее примерно с маем. В это время кочевники выходили на край леса, откуда начинается тундра. Снег в эту пору начинал таять [6, с. 77]; *сабундилэмэн* – "начало лета", соответствующее примерно июню. В эту пору окончательно сходит снег, текут потоки воды, появляется первая зелень (с. 79); *лэшэјмэн* – "середина лета" [6, с. 79]; *элин комдэмэн* – "начало осени", соответствующее примерно

концу августа (с.87); *комдэмэн* – "время осени", соответствовавшее сентябрю и октябрю. В это время начиналось движение кочевников с севера на юг – от моря к лесу [6, с. 87]; *лашјэмэн* – "время замерзания воды", т. е. рек, озёр, совпадающее примерно с ноябрём. Снег в это время полностью покрывал тундру. Расставшись со своими стоянками, юкагиры постепенно продвигались на юг, к месту своей предстоящей зимовки. В пути на остановках для ориентира ставили маленькие зимние чумы [6, с. 91].

Итак, юкагиры создали самобытный календарь о смене времён года (зима, весна, лето, осень), разделив его на сезоны, от которых непосредственно зависели условия их жизни и хозяйственный уклад. В основе наблюдений лежало движение Земли вокруг Солнца (годовой цикл – зима, весна, лето, осень) и движение Луны вокруг Земли (лунные месяцы), что и нашло конкретное отражение в положительных народных знаниях и языке этноса.

Таким образом, в народной экологической этике охотников-рыболовов Арктики выделяются два пласта – рациональный и иллюзорный. Хозяйственная деятельность не стала причиной пагубных последствий антропогенного воздействия на природу, соблюдался главный принцип бережного отношения к ней. Пешие охотники на дикого оленя и поныне сохранили присущие только им социальные, культурные, экономические признаки, резко отличающие от других национальных групп, сегодня они ориентируются на традиционный уклад жизни, традиционное природопользование и промыслы. Юкагиры обладают самобытной древнейшей культурой, вся их жизнь исторически ориентирована на тесную связь со средой обитания. Психосоциологические особенности данного этноса делают проблематичной полную адаптацию к жизни в условиях урбанистической культуры. За аборигенами остаётся право выбора пути развития территории проживания и традиционного природопользования.

Литература

1. Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966 г. 244 с.
2. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск: Наука. Ч. 3, 2013. 232 с.
3. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Мифологическая модель мира Новосибирск: Наука. Ч. 2, 2012. 360 с.
4. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Одежда юкагиrow: генезис и семантика. Новосибирск: Наука. Ч. 1, 2009. 152 с.
5. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / перевод с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
6. Крейнович Е.А. Из жизни тундровых юкагиrow на рубеже XIX и XX вв. // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1972. Вып. 13. Кн. 2. С. 56–92.
7. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 285 с.
8. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
9. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 311 с.
10. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
11. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
12. Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Шадрин В.И., Астахова И.С., Григорьев С.А. Пространство жизнедеятельности "исчезающего" этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв. / отв. ред. С.И. Боякова. Владивосток: Дальнаука, 2020. 324 с.
13. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / отв. ред. акад. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.
14. Podmaskin V.V. Ecological Traditions in the Culture of the Peoples of the Far East of Russia // Bridges of the Science between North America and the Russian Far East: Proceedings of the 45th Arctic Science Conference 25–27 August, 1994, Anchorage, Alaska 29 August–2 September, 1994, Vladivostok, Russia. Anchorage; Vladivostok, 1994. P. 268–272.

References

1. Gurvich I.S. Ethnic history of the North-East of Siberia. M.: Nauka, 1966. 244 p. (In Russ).
2. Zhukova L.N. Essays on the Yukagir culture. Novosibirsk: Science. Ch. 3, 2013. 232 p. (In Russ).

3. Zhukova L.N. Essays on the Yukagir culture. Mythological model of the world Novosibirsk: Nauka. Part 2, 2012. 360 p. (In Russ).
4. Zhukova L.N. Essays on the Yukagir culture. Yukaghir clothing: genesis and semantics. Novosibirsk: Science. Part 1, 2009. 152 p. (In Russ).
5. Yokhelson V.I. Yukagirs and Yukagirized Tunguses / translation from English. V.Kh. Ivanova, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russ).
6. Kreinovich E.A. From the life of the tundra Yukagirs at the turn of the 19th and 20th centuries. // Countries and peoples of the East. M.: Nauka, 1972. Issue. 13. Book. 2. P. 56–92. (In Russ).
7. Kreinovich E.A. Yukaghir language. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 285 p. (In Russ).
8. Krupnik I.I. Arctic ethnoecology. Models of traditional nature management of sea hunters and reindeer breeders of Northern Eurasia. M.: Nauka, 1989. 270 p. (In Russ).
9. Simchenko Yu.B. Culture of deer hunters in Northern Eurasia. Ethnographic reconstruction. M.: Nauka, 1976. 311 p. (In Russ).
10. Spiridonov N.I. Oduls (Yukaghirs) of the Kolyma District. Yakutsk: Severoved, 1996. 80 p. (In Russ).
11. Tugolukov V.A. Who are you, Yukagirs? M.: Nauka, 1979. 152 p. (In Russ.).
12. Filippova V.V., Suleimanov A.A., Shadrin V.I., Astakhova I.S., Grigoriev S.A. The space of life of the "disappearing" ethnic group: the Yukaghirs of Yakutia in the XX-XXI centuries. / resp. ed. S.I. Boyakov. Vladivostok: Dalnauka, 2020. 324 p. (In Russ).
13. Yukagirs (historical and ethnographic essay) / otv. ed. acad. A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Nauka, 1975. 244 p. (In Russ).
14. Podmaskin V.V. Ecological Traditions in the Culture of the Peoples of the Far East of Russia // Bridges of the Science between North America and the Russian Far East: Proceedings of the 45th Arctic Science Conference 25–27 August, 1994, Anchorage, Alaska 29 August–2 September, 1994, Vladivostok, Russia. Anchorage; Vladivostok, 1994, P. 268–272.

Информация об авторе

Владимир Викторович Подмаскин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Information about the author

Vladimir V. Podmaskin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2023

Одобрена после рецензирования 02.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 28.04.2023

Approved 02.11.2023

Accepted 23.11.2023

Научная статья
УДК 303.8
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>

Анализ развития субурбий г. Хабаровска

Василий Александрович Удинкан
Тихоокеанский государственный университет, Россия, Хабаровск, v.udinkan@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика субурбанизации в явлении коттеджного строительства в г. Хабаровске. На основе данных геоинформационных систем и картографического метода была разработана классификация субурбий в рассматриваемом городе. Выделены внешние особенности субурбий, а также проанализирована доступность коттеджных посёлков до объектов социально-бытовой инфраструктуры. Полученные результаты позволяют оценить особенности и перспективы развития коттеджных посёлков в городах Дальнего Востока России.

Ключевые слова: социология, урбанистика, субурбанизация, пригород, коттеджный посёлок

Для цитирования: Удинкан В. А. Анализ развития субурбий г. Хабаровска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 119–128. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>

Analysis of the development of the suburbs of Khabarovsk

Vasilii A. Udinkan
Pacific State University, Russia, Khabarovsk, v.udinkan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of suburbanization in the phenomenon of cottage construction in Khabarovsk. Based on the data of geographic information systems and the cartographic method, a classification of suburbs in the mentioned city was developed. The external features of the suburbs are highlighted, and the accessibility of cottage settlements to social infrastructure facilities is analyzed. The results allow us to evaluate the features and prospects for the development of cottage settlements in the cities of the Russian Far East.

Key words: sociology, urban studies, suburbanization, suburb, cottage settlement

For citation: Udinkan V. A. Analysis of the development of the suburbs of Khabarovsk // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 119–128. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/119-128>

Одним из наиболее значимых процессов, определяющих сегодняшние изменения в облике российских городов, а особенно городов Востока России выступает субурбанизация, формирование системы пригородных поселений [3, с. 49–66]. В принципе, субурбанизацию можно отнести к глобальным процессам расселения [11, с. 35–39]. В рамках такой "глобальной" субурбанизации выделяют два фундаментальных типа: субурбанизация в глобальном Юге и глобальном Севере.

Субурбанизация в глобальном Юге отличается от этого процесса в глобальном Севере. Характер развития пригородов зависит от потребностей его жителей. Например, в городах глобального Юга субурбанизация зачастую имеет хаотичный неорганизованный характер, что объясняется миграцией на окраины городов сельского населения, которое не может позволить себе покупку или аренду жилья в городе. При этом жители таких субурбий занимаются сельскохозяйственной деятельностью, организуя скваттерские поселения, где смешиваются городские и сельскохозяйственные формы землепользования и расселения [1, с. 84; 13, с. 660].

В глобальном Севере субурбанизация проходит в большинстве случаев по американской модели, суть которой заключается в создании коттеджных посёлков официальным застройщиком на территории, где властями разрешено такое строительство. В такие субурбии переселяется средний класс и элита [13, с. 660].

Однако имеется здесь и серьезная страновая специфика [6, с. 34–39], из-за чего североамериканская модель развития пригорода не полностью описывает особенности субурбанизации в России. Субурбанизация в стране различается в зависимости от экономико-географического положения города, уровня жизни, статуса людей. Например, в Санкт-Петербурге и Москве массовый процесс субурбанизации связан с большим потоком миграции в эти го-

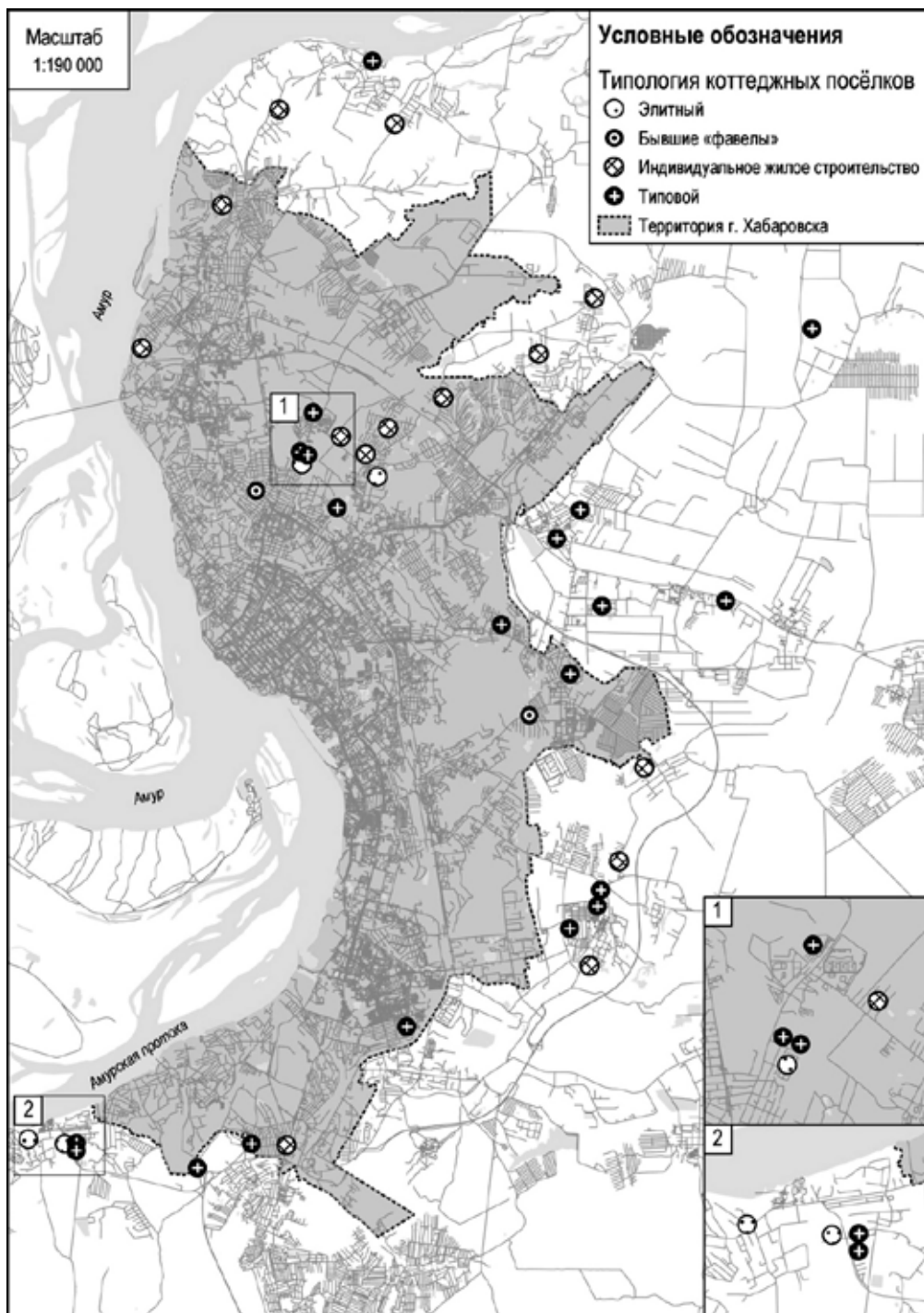

Рис. 1. Расположение коттеджных посёлков Хабаровской агломерации на 2022 г.

Fig. 1. Location of cottage settlements in the Khabarovsk agglomeration in 2022

Источник: [8; 9; 15].

Source: [8; 9; 15].

Табл. 1. Классификация коттеджных посёлков в Хабаровской агломерации в 2022 г. по внешним признакам
Table 1. Classification of cottage villages in the Khabarovsk agglomeration in 2022 according to external characteristics

Тип коттеджных посёлков	Количество наблюдений на конец 2022 г.	Критерии классификации			
		Расположение	Характерный класс жилья	Безопасность	Застройка
Бывшие "фавелы"	2	Бывшие окраины города и дачи	Стандарт	Индивидуальная охрана	Индивидуальная
Элитный	4	Рядом с природными или рекреационными объектами	Элитный, комфорт	Охрана общей территории посёлка	Индивидуальная, редко типовая
ИЖС	14	Пустые "городские" пространства	Нельзя определить	Индивидуальная охрана	Индивидуальная
Типовой	20	Пустые "городские" пространства	Стандарт, эконом	Охрана общей территории посёлка	Типовая

Источник: составлено автором на основе: [8; 9; 15].
 Source: compiled by the author based on: [8; 9; 15].

рода из менее крупных городов и ближнего зарубежья, следовательно, стоит вопрос расселения большого количества людей на ограниченной территории, чему способствуют политика государства [7, с. 103]. В городах Дальнего Востока субурбанизация происходит в ином ключе ввиду отсутствия огромного потока миграции и отсутствия дефицита жилой площади в городе. В данной статье мы рассмотрим типы "новых субурбий" (коттеджных посёлков), возникающих в прострaнcтве хабаровской агломерации.

Достаточно долгий период субурбанизация в России описывалась в связи с феноменом "дачника", а сами субурбии выступали в качестве временных, сезонных форм жилища горожанина [2, с. 56]. Однако сегодня структура субурбий становится существенно сложнее. Некоторые бывшие дачи были адаптированы под жилые нужды, организуя коттеджные посёлки без четких границ [1, с. 85]. Среди них есть также бывшие окраины, которые в результате роста города превратились из внешних пригородов во внутренние [13, с. 661].

Появляются и новые элитные и уже не особенно элитные, типовые, коттеджные посёлки. Они построены по североамериканской модели пригорода и их заселяют средний класс и элиты [1, с. 85]. Такие посёлки напоминают закрытые сообщества (gated communities) [14], но имеют лишь внешние сходства с западными примерами, так как в них не формируются близкие связи между жителями и восполняют лишь потребности жителей в безопасности и статусе.

Особенность этого процесса в крупных городах Дальнего Востока России заключается в том, что обеспеченные слои городского населения переселяются в пригороды или "пустые городские пространства" в индивидуальные поселения с целью улучшения качества жизни, избавляясь от негативных факторов проживания в городе: загрязнение воздушной, водной и акустической среды [6, с. 36]. Во всяком случае, именно так интерпретируется переезд самими обитателями этих посёлков. Таким образом, субурбанизация разделяется на внутреннюю и внешнюю [15].

Пригород, находясь между городом и селом, становится территорией взаимодействия двух типов поселения и характерных для них образов жизни [3, с. 13]. На таких внешних субурбиях формируется особый, отличный и от

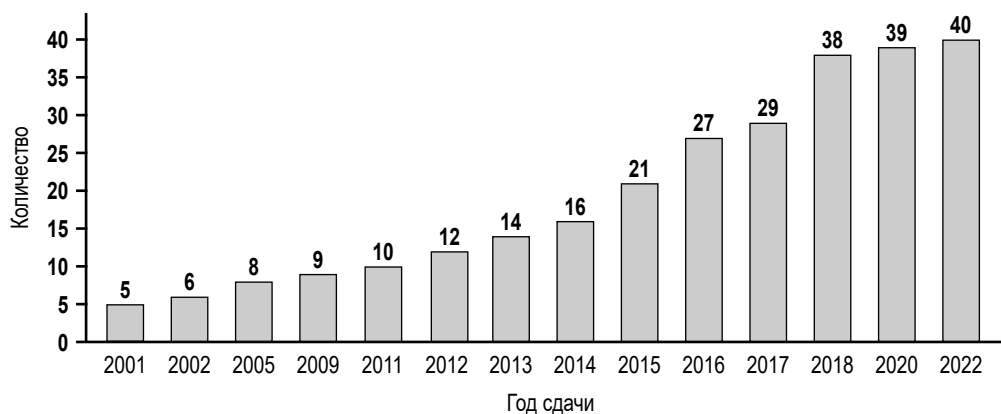

Рис. 2. Кумулятивное количество коттеджных посёлков Хабаровской агломерации

Fig. 2. Cumulative number of cottage settlements in the Khabarovsk agglomeration

Источник: [15].

Source: [15].

городского, и от и сельского образа жизни и, как следствие, у населения формируются особенные запросы к среде проживания [4, с. 52].

Иногда коттеджные посёлки встречаются в пределах города, что является признаком внутренней субурбанизации. Такие субурбии построены в "частном секторе" или на пустырях, иногда даже в центральных районах города, поэтому их жители наиболее тесно связаны с урбанизмом и реализация их потребностей происходит в городе. В связи с этим во внутренних субурбиях в меньшей мере проявляется зависимость от личного транспорта, чем во внешних субурбиях [4, с. 88].

Выбор "коттеджных посёлков" в качестве объекта исследования продиктован несколькими соображениями. Во-первых, это наиболее видимая, фиксируемая часть новой субурбанизации, отличной от "советских субурбий" дачного типа. В них, в отличие от предшествующих им дач, формируется иной, отличный от привычного городского образ жизни. При этом сохраняются и многие "городские" элементы, не свойственные "советской субурбанизации". Во-вторых, за постсоветский период коттеджные посёлки прошли достаточно серьёзную эволюцию. Если на первом этапе (в 1990-е годы) они отчасти воспроизводили традиции советских "богатых дач", то затем имитировали "аристократические" пригороды Лондона и Манчестера. В связи с этим актуально исследование развития коттеджных посёлков в пригородах Хабаровска как проявление процесса субурбанизации.

По внешним признакам коттеджные посёлки делятся на несколько исторических типов:

Элитный посёлок. Представляет собой частные дома элитного или комфорт класса, в которых живут обеспеченные слои населения. Они могут позволить себе недвижимость в личном доме, при этом частично или полностью связанном с городской жизнью. Иногда данный тип субурбий является признаком внутренней субурбанизации и частью городской застройки, которая возникла на месте "пустых пространств", где стоимость земли довольно высока, что определяется близостью к центру объектам социально-бытовых услуг. Они относительно новые и тяготеют к природным или рекреационным объектам (реке, парку). При этом безопасность обеспечивается по всему посёлку частными охранными предприятиями, таким образом, территория недоступна для общего пользования. Архитектура домов этих посёлков индивидуальная, но есть исключение в виде посёлка "Лукашово" с типовой архитектурой. Строительство посёлков с типовыми домами элитного или комфорт класса не несет массового характера в агломерации. Внутри посёлков может развиваться рынок услуг, например, детские сады или кафе, ориентированные на его жителей. На примере Хабаровска такие посёлки расположены около питом-

Табл. 2. Распределение количества маршрутов общественного транспорта, проходящих в пешей доступности от посёлков
Table 2. Distribution of the number of public transport routes passing within walking distance from the cottage settlement

Количество маршрутов общественного транспорта	Количество коттеджных посёлков
Нет маршрутов	3
От 1 до 2	20
От 3 до 4	11
От 5 до 6	3
От 7 до 8	1
От 9	2

Источник: составлено автором на основе: [8; 9].

Source: compiled by the author based on: [8; 9].

ника Лукашова, что достаточно близко к центру города и природному парку, или у Амурской протоки в районе села Корсаково-1.

Посёлки, возникшие на территории бывших "фавел". Раньше эти территории были удалены от городской жизни, на них располагались бараки, в которых жили не самые обеспеченные слои населения, или дачи. Дома сооружались собственноручно с минимальными удобствами. Постепенный рост города вызвал и рост цен на земельные участки, и жителям было выгодно продавать их среднему классу населения. Таким образом, на таких территориях стали происходить процесс "дефавелизации". Такие посёлки характеризуются индивидуальной застройкой преимущественно со стандартными коттеджами и редкими домами комфорт класса, на таких территориях можно наблюдать редкие бараки, как признак бывшей "фавелы". Безопасность каждого участка обеспечивается самими владельцами, поэтому каждая территория как минимум ограждена забором от другого участка.

Типовой коттеджный посёлок. Процесс массового строительства коттеджных посёлков, начавшийся в 2000-х годах и достигший пика в конце 2010-х годов, породил новый тип коттеджей, наиболее доступный для массового потребителя. Застройщик строит типовые коттеджи с домами эконом или стандарт класса в соответствии с планом застройки, которые иногда различаются по количеству жилой площади, на ранее неиспользуемой территории. Обычно такие посёлки расположены за городом, но прилегают к существующим поселениям городского или сельского типа и зачастую жители таких коттеджных посёлков используют инфраструктуру своего соседа. Безопасность территории обеспечивают частные охранные предприятия по всей территории. Для мобильности и связи с городом используется личный транспорт, зачастую отсутствует пешеходная инфраструктура вне территории посёлка.

Индивидуальное жилое строительство. На территории Хабаровской агломерации также наблюдается появление коттеджных посёлков, отличающихся от вышеупомянутых типов. Они сформировались на свободной территории без какой-либо организации в виде застройщика без прилегающей социальной или бытовой инфраструктуры и услуг ЖКХ. Жители выкупали свободные территории, где статус позволяет индивидуальное жилое строительство (далее – ИЖС), и самостоятельно строили дома, сформировав коттеджную застройку с неясными границами. В связи с этим безопасность обеспечивается в рамках каждого дома самим хозяином, каждый земельный участок огражден друг от друга. Определить характерный класс жилья в этом типе коттеджных посёлков сложно, так как дома отличаются друг от друга не только архитектурой, но и удобствами. Массив ИЖС на свободной территории

Табл. 3. Распределение времени пути на личном транспорте от коттеджного посёлка до ближайшей школы

Table 3. Distribution of travel time by private transport from the cottage village to the nearest school

Время пути от коттеджного посёлка до ближайшей школы на личном транспорте	Количество коттеджных посёлков
От 1 до 2 минут	9
От 3 до 5 минут	16
От 6 до 9 минут	13
От 10 минут	2

Источник: составлено автором на основе: [8; 9].

Source: compiled by the author based on: [8; 9].

можно наблюдать на территориях села Матвеевка, в пределах Хабаровска – на правом берегу Амура севернее Амурского моста.

Распределение количества коттеджных посёлков в рамках выявленной типологии представлено в *таблице 1*. Можно наблюдать преобладание типовой застройки, а также ИЖС. Низкое количество посёлков бывших "фавел" можно объяснить низким спросом на эти земли, так как человеку или семье проще построить дом с нуля без необходимости переустройства территории или купить готовый дом у застройщика.

Анализ развития субурбий проведен с использованием картографического метода: использованы открытые данные геоинформационных систем "Яндекс.Карты", "2ГИС" и спутниковые снимки города 2001–2022 гг. от Google Earth. Карта, демонстрирующая расположение коттеджных посёлков по типам, представлена на *рисунке 1*.

На основе этих данных была сформирована база данных из 40 коттеджных посёлков, где отражен примерный год образования, площадь территории, удалённость от центра города, времени пути до объектов социально-бытовой инфраструктуры на автомобиле, количество маршрутов общественного транспорта, проходящих в пешей доступности от посёлка. Выбор этих метрик для оценки пригородов связан с особенностями развития субурбий: зависимость от автомобильного транспорта, низкий транспортный спрос, полное или частичное отсутствие объектов социально-бытовой инфраструктуры (*рис. 2*).

На протяжении 20 лет активно растёт площадь коттеджных посёлков. По состоянию на конец 2022 г. в районе Хабаровской агломерации расположено 40 коттеджных посёлков.

Наиболее значимый рост наблюдался в период 2015–2018 гг. за счёт строительства типовых коттеджей. В 00-х годах рост площади коттеджных посёлков обеспечивался за счёт ИЖС на неиспользуемых ранее территориях. Большая часть посёлков расположена в районе административных границ города Хабаровска. При этом процессы субурбанизации происходят и в пределах границ самого города. В 2010-х годах активно застраивается коттеджами участки южнее и северо-западнее питомника имени Лукашева, западнее и северо-западнее посёлка Горького, а также свободные участки в Южном микрорайоне и в районе Амурского моста.

Собственники земли самостоятельно строили на своих территориях коттеджи, вместе образуя жилой массив совместно с сельскими поселениями, при этом ограничения по площади застройки диктуются только правилами землепользования. Например, с начала 2000-х по настоящее время увеличивается площадь застройки коттеджами в районе села Матвеевка. По состоянию на 2022 г. площадь составляет 1.28 кв. км, что является самым высоким показателем среди всех коттеджных посёлков в районе Хабаровской агломерации.

За весь период наблюдения площадь растёт за счёт типовых посёлков. Такие посёлки строятся определённым застройщиком, они имеют несколько этапов строительства, количество домов на территории ограничено генераль-

Табл. 4. Распределение времени пути на личном транспорте от коттеджного посёлка до ближайшего вуза или колледжа
Table 4. Distribution of travel time by private transport from the cottage village to the nearest university or college

Время пути от коттеджного посёлка до ближайшего вуза или колледжа на личном транспорте	Количество коттеджных посёлков
До 5 минут	2
От 6 до 10 минут	18
От 11 до 15 минут	6
От 16 до 20 минут	11
От 21 минуты	3

Источник: составлено автором на основе: [8; 9].

Source: compiled by the author based on: [8; 9].

ным планом посёлка, при этом сами коттеджи типовые. Такими посёлками являются "Лукашево", "Усадьба", "Солнечная поляна". Для двух рассмотренных периодов также характерен процесс появления коттеджей на территориях СНТ, что закладывает основу для функциональных изменений таких территорий в будущем. Важно отметить, что жители, переселяясь в пригороды, не принимают сельский образ жизни, а наоборот, дополняют сельские поселения и пригороды некоторыми чертами городской жизни (появление магазинов, аптек, кафе), поэтому можно говорить об определённых социальных процессах на этих территориях.

Также можно выделить различия в функциональных особенностях коттеджных посёлков. Значительная доля посёлков построена в качестве индивидуального жилья, где территория участка отведена для парковки и рекреационных целей собственников, например, бани, сады и т.д. В редких случаях, как, например, в посёлке Гаровка-1, придомовые территории используются в качестве огородов.

Низкий уровень транспортной доступности является барьером к получению услуг и образования, и может стать серьезным барьером для интеграции отдельных лиц или целых групп в общество [10, с. 81–90]. Посёлки, находящиеся вне Хабаровска, имеют ограниченный доступ к социальным и бытовым услугам. Связанность посёлков и города происходит через пригородные маршруты общественного транспорта, которые ходят только в определённое время и останавливаются только в транспортных узлах, например, на автовокзале. Для того чтобы добраться до нужных объектов, потребуется пересадка, что увеличивает время поездки. Такой способ передвижения занимает много времени и не является комфортным, особенно в условиях морозной зимы и жаркого летнего лета. Малое количество маршрутов общественного транспорта для большинства посёлков может объясняться низким транспортным спросом на такой вид передвижения, что в купе с отдалённостью некоторых объектов социальной и бытовой инфраструктуры вызвано автомобилизацией пригородов (табл. 2).

Очевидно, что жители пригородных посёлков будут использовать личный транспорт, и получение водительских прав становится необходимостью для комфортного проживания. В связи с этим дети и подростки ограничены в мобильности и зависят от передвижения их родителей. Однако многие посёлки имеют школу в пределах 2-6 минут езды на личном транспорте, что достаточно близко в пешей доступности (табл. 3). Но в то же время не все посёлки и прилегающие к ним дороги имеют безопасную качественную пешеходную инфраструктуру, в связи с чем можно предположить, что дети учатся в школах, находящихся в городе и рядом или по пути на работу одного из родителей.

Высшие заведения и заведения профессионального образования располагаются в городе. Более 10 посёлков находятся в 6-7 минутах езды на лич-

Табл. 5. Распределение времени пути на личном транспорте от коттеджного посёлка до ближайшей больницы или поликлиники

Table 5. Distribution of travel time by private transport from the cottage village to the nearest hospital

Время пути от коттеджного посёлка до ближайшей больницы или поликлиники на личном транспорте	Количество коттеджных посёлков
До 5 минут	13
От 6 до 10 минут	14
От 11 до 15 минут	8
От 16 до 20 минут	5

Источник: составлено автором на основе: [8; 9].

Source: compiled by the author based on: [8; 9].

ном транспорте от ближайших вузов и колледжей без учёта пробок. Около 11 посёлков находятся в пределах от 15 до 20 минут (табл. 4). Не все посёлки напрямую и регулярно связаны с этими заведениями общественным транспортом, следовательно, можно утверждать, что студенты, живущие в этих посёлках, тоже добираются на личном транспорте или переселяются в общежития, или снимают жильё поближе к учреждению с целью экономии времени на ежедневных поездках. Можно предположить, что в связи с этим в пригородах наблюдается отток молодого населения и значительное преобладание возрастных групп населения на этих территориях.

Изолировано от города пригороды Хабаровска не существуют. Значительное большинство потребностей населения реализуется в городе. Жителям пригородов свойственны маятниковые миграции [5, с. 186-195]. Это обусловлено наличием крупных торговых центров, многопрофильных поликлиник и больниц, а также сосредоточением основной массы мест приложения труда в городе. Например, ближайшие поликлиники расположены в пределах 10 минут на личном транспорте, то есть почти половина посёлков имеет пеший доступ к поликлиникам или больницам. В посёлках, где нет медицинских учреждений, доступ возможен с помощью личного транспорта, что обуславливает определённое транспортное поведение (табл. 5).

Таким образом, за последние 20 лет в Хабаровской агломерации наблюдается процесс субурбанизации, выражающийся в росте площади пригородных территорий, при отсутствии развития инфраструктуры в зоне их пешей досягаемости. В некоторых случаях застройщик строит типовые коттеджи, или владелец земли строит коттедж на территории посёлка, где есть школы, больницы, полиция и магазины с безопасной пешеходной инфраструктурой. Однако это также не компенсирует потребности населения в полном объеме, так как близлежащий населённый пункт (кроме города) зачастую не сможет предоставить обеспеченным слоям населения субурбий рабочее место соответствующей профессии. Для жителей элитных посёлков важна безопасность территории и близость к природным объектам, поэтому эти объекты находятся под частной охраной или далеко от города и расположены в пешей доступности от рек, парков. Следовательно, в субурбии переселяются такие группы населения, которые компенсируют недостаток услуг своей мобильностью. Мобильность обеспечивается личным транспортом, что также считается признаком обеспеченных слоёв населения. Субурбанизация пригородов приведёт к росту транспортных проблем в самом городе, что непосредственно повлияет на качество жизни в самом ядре агломерации.

Как было отражено в работе, в некоторых случаях субурбии появляются в самом городе в связи с его ростом. Эти посёлки полностью зависят от города и пользуются её инфраструктурой, в том числе общественным транспортом, поэтому проблем с доступностью услуг в них не наблюдается.

Проанализированное выше текущее положение может определить вероятное будущее развитие пригородов и города:

- дальнейшее разрастание пригородов, в основном за счёт типовых коттеджных посёлков;
- развитие сферы услуг в пригородах, что поспособствует функциональному разнообразию территорий и позволит снизить частоту и дистанцию маятниковых миграций;
- рост застройки пригородных территорий приведёт к потенциальному росту уровня автомобилизации, что потребует увеличения пропускной способности улично-дорожной сети или развития маршрутной сети общественного транспорта;
- отток молодежи из пригородов к местам сосредоточения досуга, образования и работы.

Стоит напомнить, что оценка развития субурбий в Хабаровске была произведена по внешним признакам. Для более точной оценки развития пригородов, потребуется провести дополнительные исследования, которые позволят оценить формирование сообществ в каждом из рассмотренных типов пригородов и точнее предположить их развитие.

Литература

1. Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. Современное общество: территориально-поселенческий аспект. 2016. Т. 25. № 1. С. 79–102.
2. Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. Социология. Этнология. 1997. Т. 6. № 1. С. 53–88.
3. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода: М. Иркутск: "Оттиск", 2013. 248 с.
4. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. "Частный сектор": не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2023. 128 с.
5. Комарова А.Д., Дорофеева Н.Н. Маятниковые миграции населения и стратегия устойчивого развития периферийных пригородных районов г. Хабаровска // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 186–195.
6. Малоян Г.А. Субурбанизация: проблемы российской специфики. // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 1. С. 34–39.
7. Русанов А.В. Субурбанизация и жилищное строительство в Московской области // Народонаселение. 2017. № 2. С. 103–111.
8. Яндекс.Карты. URL: <https://yandex.ru/maps> (дата обращения: 12.02.2023).
9. "2ГИС". URL: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 12.02.2023).
10. Daňková A., Dostál I. The Social Aspects of Transport // Transactions on Transport Sciences. 2011. Vol. 2. P. 81–90. <https://doi.org/10.2478/v10158-011-0009-5>
11. Fishman R. Urbanity and Suburbanity: Rethinking the 'Burbs // American Quarterly. 1994. Vol. 46. No. 1. P. 35–39.
12. Google Earth. URL: <https://earth.google.com/web> (дата обращения: 05.02.2023).
13. Harris R. Suburbanization and Suburbanism // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd edition). 2015. Vol. 23. P. 660-666. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.74044-X>
14. Hirt S. Iron curtains: gates, suburbs and privatization of space in the post-socialist city. Oxford: Willey-Blackwell, 2012. 252 p.
15. Spórna T., Krzysztofik R. 'Inner' suburbanisation – Background of the phenomenon in a polycentric, post-socialist and post-industrial region. Example from the Katowice conurbation, Poland // Cities. 2020. Vol. 104. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102789>.

References

1. Breslavsky A.S. Modes of Suburbanization in Russia. // Russian world. Modern society: territorial-settlement aspect. 2016. Vol. 25 No. 1. P. 79–102. (In Russ.).
2. Vagin V.V. Russian provincial town: key elements of life arrangement // Russian world. Sociology. Ethnology. 1997. Vol. 6. No. 1. P. 53–88. (In Russ.).
3. Grigorichev K.V. In the shadow of the big city: the social space of the suburbs. Monograph – Irkutsk: "Ottisk", 2013 P. 49–66. (In Russ.).
4. Grigorichev K.V., Dyatlov V.I., Timoshkin D.O. "Private sector": non-urban spaces and communities of Russian cities. Irkutsk "Ottisk", 2023. 128 P. (In Russ.).
5. Komarova A.D., Dorofeeva N.N. Commuting of the population and the strategy of sustainable development of peripheral suburban areas of Khabarovsk // Innovations and investments. 2022. No. 1. P. 186–195. (In Russ.).
6. Maloyan G.A. Suburbanization: problems of Russian specificity. // Academy. Architecture and construction. 2009. No. 1. P. 34–39.
7. Rusanov A.V. Suburbanization and housing construction in the Moscow region // Population. 2017. No. 2. P. 103–111.
8. Yandex.Maps. URL: <https://yandex.ru/maps> (accessed 12.02.2023) (In Russ.).
9. "2GIS". URL: <https://2gis.ru/> (accessed 12.02.2023) (In Russ.).
10. Daňková A., Dostál I. The Social Aspects of Transport // Transactions on Transport Sciences. 2011. Vol. 2. P. 81–90. <https://doi.org/10.2478/v10158-011-0009-5>
11. Fishman R. Urbanity and Suburbanity: Rethinking the 'Burbs // American Quarterly. 1994. Vol. 46. No. 1. P. 35–39.
12. Google Earth. URL: <https://earth.google.com/web> (accessed 05.02.2023).
13. Harris R. Suburbanization and Suburbanism // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd edition). 2015. Vol. 23. P. 660–666. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.74044-X>
14. Hirt S. Iron curtains: gates, suburbs and privatization of space in the post-socialist city. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 252 p.
15. Spórna T., Krzysztofik R. 'Inner' suburbanisation – Background of the phenomenon in a polycentric, post-socialist and post-industrial region. Example from the Katowice conurbation, Poland // Cities. 2020. Vol. 104. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102789>.

Информация об авторе

Василий Александрович Удинкан, аспирант Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: v.udinkan@yandex.ru

Information about the author

Vasilii A. Udinkan, Postgraduate Student, Higher School of International Studies and Diplomacy, Pacific State University, Russia, Khabarovsk, e-mail: v.udinkan@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.06.2023

Одобрена после рецензирования 11.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 26.06.2023

Approved 11.11.2023

Accepted 23.11.2023

Научная статья
УДК 94(5-012)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

Архитектура региональной безопасности в Восточной Азии

Сергей Александрович Верхоломов
Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия, verholomov_s@mail.ru

Аннотация. Восточная Азия является одним из быстро развивающихся регионов, который по уровню развития догоняет ведущие страны и регионы мира. Зарубежные и отечественные исследователи полагают, что восточноазиатский регион в будущем станет центром мирового развития. Вместе с этим усиливается вероятность прямого столкновения между странами в борьбе за лидерство. С целью защиты собственных интересов и мира, государства Восточной Азии участвуют в различных системах безопасности. Целью статьи выступает анализ региональных систем безопасности, сложившихся на территории Восточной Азии на сегодняшний день. Автор при работе над докладом использовал российские и зарубежные историографические источники, описал архитектуру восточноазиатской региональной безопасности в ретроспективе и перспективе, охарактеризовал влияние различных международных акторов на судьбу Восточной Азии. Статья будет интересна как специалистам, так и всем тем, кто интересуется историей Восточной Азии, международным отношениям и всемирной историей.

Ключевые слова: АСЕАН, "система оси и спиц", AUKUS, Индо-Тихоокеанской регион, глобальный "Юг", хуацяо

Для цитирования: Верхоломов С. А. Архитектура региональной безопасности в Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 129–135. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

The architecture of regional security in East Asia

Sergey A. Verkhlovomov
Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, verholomov_s@mail.ru

Abstract. East Asia is one of the rapidly developing regions, which is catching up with the leading countries and regions of the world in terms of development. Foreign and domestic researchers believe that the East Asian region will become the center of world development in the future. At the same time, the likelihood of a direct clash between the countries in the struggle for leadership increases. In order to protect their own interests and peace, East Asian States participate in various security systems. The purpose of the article is to analyze the regional security systems that have developed on the territory of East Asia today. The author, while working on the report, used Russian and foreign historiographical sources, described the architecture of East Asia regional security, characterized the influence of various international actors on the fate of East Asia. The article will be of interest to both specialists and all those who are interested in the history of East Asia, international relations and world history.

Key words: ASEAN, the "axis and spokes" system, AUKUS, Indo-Pacific region, global "South", huaqiao

For citation: Verholomov S. A. The architecture of regional security in East Asia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 129–135. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/129-135>

Трансформация международных отношений, вызванная ослаблением позиций США в мире, продвижением азиатского (китайского) варианта глобализации и усилением интеграционных процессов в Восточной Азии привели к возникновению нового комплекса противоречий. Созданная в период Холодной войны система безопасности в регионе не справляется с новыми вызовами, а разворот Вашингтона во внешней политике в 1990-е – начале 2000-х гг. в сторону Ближнего Востока создаст международный вакуум. В свете меняющейся расстановки сил начался поиск новых подходов и инструментов выстраивания региональной безопасности в регионе.

Сложившейся ситуацией страны АСЕАН решили воспользоваться для создания собственного варианта коллективной безопасности. На протяжении 1990–2000-х гг. страны Юго-Восточной Азии в целях укрепления сотрудничества в сфере безопасности создадут блок организаций – региональный форум АСЕАН (1994 г.), Восточноазиатский саммит (2005), АСЕАН плюс три (2008), Совещание министров обороны АСЕАН+8 (2010), расширенный морской форум АСЕАН (2012). "Сегодня АСЕАН – единственная многосторонняя организация во всей большой ВА, служащая площадкой, где как малые и средние страны региона, так и мировые державы могут на равных обсуждать и искать пути решения проблем безопасности" [3, с. 58]. Но в свете меняющегося ба-

ланса сил в Восточной Азии роль АСЕАН как ключевого элемента в формировании институтов региональной безопасности становится предметом дискуссии в научных кругах.

Успех АСЕАН в создании системы безопасности в Восточной Азии исследователи объясняют приверженностью принципам суверенитета, невмешательства и территориальной целостности [19]. "Дипломатия компромисса", предложенная странами Юго-Восточной Азии в феврале 1976 г., основывается на принципе "трех нет", который заключается в неприсоединении к военным союзам, в отказе от совместных действий, направленных против третьей стороны, а также в неприемлемости подрыва суверенитета какого-либо государства" [1, с. 41]. Такой политикой страны АСЕАН стремятся преодолеть принудительную систему союзов, созданную на территории Восточной Азии Соединенными Штатами Америки.

Многосторонний дипломатический подход, который используется странами АСЕАН в конструировании проекта региональной безопасности, опирается и на экономические инструменты. В основе расширения контактов между странами Восточной Азии лежат взаимные торговые соглашения. Беспрецедентное увеличение количества взаимных торговых соглашений за рамками Всемирной Торговой организации (ВТО), которые заключались по принципу "миска с лапшой", являются ключевым элементом формирующейся архитектуры экономического сотрудничества [12]. Взаимные торговые соглашения являются каналами взаимодействия, по которым происходит установление и расширение контактов между странами Восточной Азии. Поэтому государства АСЕАН придерживались малорискованной дипломатии неофициальных встреч и необязательных соглашений для выстраивания отношений внутри регионального блока, так как это давало возможность максимально извлекать экономическую выгоду от сотрудничества друг с другом [16].

Мягкий (легкий) регионализм, выстроенный странами АСЕАН, остается мощным стимулом интеграции и формирования региональной идентичности. Однако перечисленные достоинства, одновременно являются сдерживающим фактором развития институтов региональной безопасности в Восточной Азии. Слабость АСЕАН обусловлена ограниченной ролью генерального секретаря и инструментов вмешательства в разрешение конфликтных ситуаций. Для реформирования институтов региональной безопасности необходимо соглашение всех участников соглашения об урезании национального суверенитета с целью создания внешнего контролирующего органа, что противоречит основополагающему принципу АСЕАН. Для участников АСЕАН лучше скрыть проблему, нежели привлечь к ней внимание. Поэтому практически все конфликты между странами ЮВА и внешними игроками разрешались не в рамках АСЕАН, а за его пределами – международном арбитражном трибунале, международном суде, ООН, но не как не в рамках АСЕАН. Так произошло с камбоджийско-тайским пограничным конфликтом 2008–2011 гг., территориальными спорами в Южно-Китайском море, бирманским вопросом и т.д. [7]

Структура региональной безопасности в Восточной Азии, создаваемая на основе принципа "гибкого взаимодействия", позволяет избегать государствам АСЕАН заключать военные союзы с другими игроками. Но усиливающаяся напряженность в Восточной Азии из-за нарастающей борьбы между ведущими игроками за контроль над регионом, сделал страны ЮВА невольными участниками конфликта между Китаем и США, а в будущем между Китаем и Индией. Ведущие страны региона – Индия, Япония, Австралия, Китай, США – стали переманивать страны АСЕАН на свою сторону, что привело к фрагментации геополитического пространства Юго-Восточной Азии. Неудивительно, что развитие региональных проектов (ВРЭП, АРФ, АПТА и др.), где ядром выступает АСЕАН, тормозится. Многосторонние региональные площадки и институты, сложившиеся в Восточной Азии под руководством АСЕАН – ВАС, совещание министров обороны АСЕАН, АРФ и т.д., скорее всего, не смогут справиться с задачей сохранения порядка в связи с перераспределением власти в восточноазиатском регионе.

Наряду с асеановской моделью коллективной безопасности в Восточной Азии представлен американский вариант. Система безопасности, представленная США, формировалась в период Холодной войны и была направлена на сдерживание СССР и его союзников в регионе. Суть данной модели

заключается в том, что ""система оси и спиц" базируется на принятой Пентагоном посылке о потенциальной возможности перехода некоторых стран данного региона в статус "враждебных". За счет перекрытия зон ответственности в рамках двусторонних договоров с союзниками США пытаются обеспечить дополнительный "запас прочности" америкоцентристскому комплексу региональной безопасности" [5, с. 72].

Практика объединения держав посредством коалиций и союзов, существовавшая в период Холодной войны, становится неэффективной. И в отличие от биполярных систем стабильность в однополярной системе не может основываться на равновесии сил между двумя конкурирующими крупными державами. Основой целью стратегии американцев в новую эпоху является обеспечение мира и стабильности посредством создания превосходства сил США. Для сохранения гегемонии США путем реализации политического, экономического и военного превосходства над потенциальным противником осуществляют стратегию "дисбаланса сил" в мире. При реализации обозначенного внешнеполитического курса ресурсы США могут и должны использоваться для запугивания всех потенциальных противников и успокоения всех партнеров по коалиции. Корейская угроза, исламский фундаментализм, распространение ядерного оружия в странах Третьего мира – вот неполный перечень угроз, которые "создали" США для реализации стратегии "дисбаланса мира" [11].

Стратегия "дисбаланса сил", проводимая в период президентства Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего была обречена на провал. Она была создана для предотвращения появления новых полюсов власти, но в конце 2000-х гг. американская система безопасности допустила появление внешнеполитических центров – Германия, Китай, Россия и международных организаций (БРИКС), бросивших вызов гегемонии США. В сложившихся условиях Соединенные Штаты сформировали новую модель коллективной безопасности. Ситуация осложнилась Мировым финансовым кризисом 2008 г. и приходом к власти в США правых сил во главе с Д. Трампом.

Новая модель включает не одну стратегию, а несколько: избирательное столкновение, реализуемое Б. Обамой, неизоляционизм, проводимый Д. Трампом, совместная (кооперативная) безопасность – Дж. Байдена. Перечисленные стратегии не противоречат, а, наоборот, в процессе развития американской системы безопасности дополняют друг друга.

Стратегия "избирательного столкновения" признает появление крупных держав, бросивших вызов США. В рамках данной системы безопасности американские власти предлагают создание коалиции/коалиций (где они будут главенствовать) для борьбы с общим врагом, поэтому можно говорить о восстановлении системы "оси и спиц". С целью практического воплощения своей стратегии США нагнетают обстановку вокруг территориальных споров в Южно-Китайском море, на Корейском полуострове, поднимают проблемы демократии и соблюдения прав человека в Китае, предоставляя гарантии безопасности государствам Юго-Восточной и Восточной Азии [11].

В период президентства Д. Трампа Соединенные Штаты во внешней политике перешли к политике неоизоляционизма. Американский президент отказывается от дорогостоящих международных проектов в пользу решения накопившихся социально-экономических проблем. Переход к неоизоляционизму должен был позволить освободить США от ряда дорогостоящих обязательств и сложных вопросов, таких как "непредусмотренное расширение" НАТО, войны на Балканах, экономическая реформа России, северокорейская угроза и арабо-израильский конфликт. Но осознавая нарастающую угрозу со стороны Китая, США решают с ним бороться не напрямую, а используя третьи страны, некоммерческие организации и международные институты. На протяжении всего президентского срока Д. Трампа некоммерческие организации и международные институты подрывали "мягкую силу" Китая, а оснований для этого было достаточно – Covid-19, промышленный шпионаж, нарушение прав человека в Китае, запугивание соседей и союзников и т.д. [15]. А с целью военно-технического сдерживания Китая США перекладывают обязанности по защите своих интересов на Японию, Индию и Австралию, поэтому на стадии разрастания напряженности между Пекином и Вашингтоном появляются

ся первые зачатки нового регионального блока AUKUS, а АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион) расширяется до ИТР (Индо-Тихоокеанской регион).

С приходом к власти Дж. Байдена в 2021 г. стратегия региональной безопасности в Восточной Азии начала меняться, но ее отличительная особенность заключается в том, что она использует опыт предыдущих президентов.

Во-первых, в стратегии национальной безопасности США, выпущенной в 2022 г., Китай объявлен главным соперником коллективного Запада, а Индо-Тихоокеанский регион будет играть ключевую роль во внешней политике Вашингтона [14].

Во-вторых, американская администрация решила сформировать военный союз из государств по периметру КНР, используя "систему оси и спиц" – то, чего не удалось сделать во времена Б. Обамы [6, с. 20]. Для достижения данной цели были сформированы AUKUS (союз Австралии, США и Великобритании), второе рождение получает QUAD (четырёхстороннее соглашение Австралии, США, Индии и Японии).

В-третьих, США выстраивают кооперативную систему региональной безопасности в Восточной Азии. Для реализации данной стратегии американские власти используют опыт Д. Трампа во внешней политике, где большую роль играют международные институты и некоммерческие организации. Поэтому их роль не уменьшается, а наоборот увеличивается [17].

В-четвертых, США будут проводить политику "дисбаланса сил" для переманивания на свою сторону государств Юго-Восточной Азии, так как страны АСЕАН будут искать гарантии безопасности против сильного Китая.

В-пятых, США придают особое значение экономическим организациям (АСЕАН, АТЭС) и проектам (IPEF, PGII, V3W), которые должны стать прямыми конкурентами китайской инициативы "Один пояс, один путь".

При изучении проектов систем региональной безопасности исследователи выделяют американский и асеановский варианты, но не рассматривают китайскую модель, которая бросает вызов сложившимся восточноазиатским международным институтам.

После завершения саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в ноябре 2014 г. в Пекине состоялось политическая конференция, которая дала более четкое представление о направлении китайской дипломатии. На этом заседании, на котором присутствовал комитет Политбюро, члены Госсовета, члены ключевых партийных органов, было принято решение о реформировании международного порядка с целью возрождения великой китайской нации [8].

Китай – это держава, которая стремится вернуть себе законное место в мировой политике, в то время как Соединенные Штаты находятся на стадии упадка, о чем свидетельствует изнашивающийся порядок глобальной политики и несостоятельная модель внутреннего управления. В преддверии 2049 г., столетия со дня основания КНР, Соединенным Штатам следует ожидать, что Китай объявит о широком спектре военных, экономических и технологических целей, которые он намерен достичь к этой дате. Для достижения поставленной цели Китаю нужно создать благоприятный международный климат на территории Восточной Азии и мировой арене, а это означает и создание собственной модели системы союзов [21].

Отечественный экономист В.Я. Портяков отмечает, что "пришедшее к власти в конце 2012 – начале 2013 г. пятое поколение руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином всецело солидаризировалось с идеей продолжения поступательного возвышения Китая, выдвинув при этом собственный, весьма амбициозный лозунг осуществления "китайской мечты" [4, с.180].

Многие американские исследователи (К. Хопвелл, А. Вайн, С. Патрик) отмечают, что Китай с целью сдерживания США и его союзников в регионе и мире собирает свою "волчью стаю". При этом КНР осознает, что созданные союзы являются результатом взаимодействия различных сил. Национальные интересы не статичны, они могут меняться из-за экономических колебаний, смены конфигураций власти, с приходом нового правительства, поэтому нереально ожидать, что стратегии альянсов останутся неизменными. Поэтому следует говорить не об одном союзе, а нескольких – Китай создает собственный вариант "оси и спиц". Но в отличие от американского проекта китайская модель на первое место ставит экономические задачи [13]. Данную стратегию

можно наблюдать при выстраивании отношений со своими потенциальными союзниками и другими международными организациями, действующим на территории Восточной Азии. Китай стремится вступить в проект ТТП, подмывает под себя асеановский проект ВРЭП, усиливает сотрудничество с Россией, Монголией, странами АСЕАН, Республикой Корея, занимает ведущие позиции в АТЭС, ШОС и т.д. И с целью успешного закрепления сотрудничества с потенциальными союзниками Китай ищет различные точки соприкосновения – космическая отрасль, технологии, экологические проекты, борьба с терроризмом и т.д. с целью углубления сотрудничества со странами региона. В этом преимущество Китая перед своими потенциальными противниками, так как США и их союзники заключают союзы на основе противостояния Китаю и его агрессивной политики.

В отличие от американской системы региональной безопасности, КНР выступает за выстраивание отношений со всеми участниками восточноазиатского региона на равных условиях. При этом китайское руководство разрабатывает международный порядок на основе сотрудничества "Юг-Юг". Политика, проводимая Китаем в Восточной Азии, направлена против США и его партнеров. В условиях борьбы один на один американское руководство, очевидно, победит, поэтому КНР решило сосредоточиться на "единстве" и "солидарности" с другими развивающимися странами в борьбе против Соединенных Штатов.

Схема сотрудничества "Юг-Юг" предоставила Китаю доступ к многочисленным материальным и человеческим ресурсам для производства товаров; доступ к маршрутам и стратегическим центрам распределения и коммерциализации товаров; углубление дипломатических отношений, позволяющих развивать экономическое сотрудничество со странами глобального Юга. И все это осуществляется в рамках инициативы "Один пояс, один путь" [10].

При реализации экономического проекта Китай создает альтернативные модели финансовой и торговой систем, которые являются мощным стимулом сближения государств Восточной Азии. Вытеснение ВБ, МВФ и ВТО из региона дает возможность не только осуществлять глобализацию с китайской спецификой, но и являются основанием для реформирования существующей глобальной финансовой системы [9]. Выстраивая глобальную инфраструктуру, китайское руководство конструирует модель региональной безопасности в Восточной Азии. При этом Пекин понимает, что без учета мнений и позиций АСЕАН невозможно создать систему региональной безопасности. В "Глобальной инициативе по безопасности", озвученной Си Цзиньпином в 2021 г., совершенствование механизмов регионального сотрудничества должно проходить с опорой на АСЕАН, в том числе в рамках формата Ланьцанг-Меконг [20].

Еще одной отличительной чертой китайской дипломатии выступает эффективное использование общин "хуацяо". "Многие китайцы в ЮВА заняты в различных сегментах предпринимательской деятельности и преуспели в выстраивании не только эффективных корпоративных и бизнес-стратегий, но и налаживании и поддержании деловых связей с администрациями всех уровней в странах своего проживания. Тем самым китайские диаспоры становятся ключевым инструментом продвижения интересов КНР на азиатском юго-востоке" [2, с.32].

Руководство КНР осознает важность данного ресурса, поэтому при Си Цзиньпине происходят изменения в структуре управления аппарата диаспоры. В 2018 г. Управление по делам зарубежных китайцев при Государственном Совете Китая было включено в работу ЦК КПК. Реструктуризация аппарата направлена на укрепление связей диаспоры и КПК (а не государства). Все это является свидетельством изменения стратегии в отношении диаспоры. В рамках нового направления в политике в отношении "хуацяо", предложенного Си, зарубежные китайцы должны отстаивать интересы Китая, предпринимать меры по распространению китайской культуры, облегчать влияние Китая на деловые круги других стран [18].

На Западе и Востоке деловые связи развиваются по-разному. На Западе контакты носят корпоративный характер, поэтому одной из стратегий борьбы США с КНР – это продвижение проекта недружественных Китаю международных организаций и некоммерческих организаций. На Востоке (Восточной Азии) отношения выстраиваются на основе личных связей. И китайское ру-

ководство стремится использовать данный механизм в своих целях, поэтому роль "хуацяо" и "гуаньси" не ослабевает, а, наоборот, усиливается. По этой причине американские стратегии раз за разом терпят неудачи в Восточной Азии, так как "гуаньси" имеет стратегическое измерение: отношения выстраиваются таким образом, чтобы у партнеров были веские причины сотрудничать долгие годы даже при появлении привлекательных альтернатив" [2, с.40].

Таким образом, на территории Восточной Азии можно выделить несколько моделей систем безопасности – асеановскую, американскую и китайскую. Каждый из представленных проектов по-своему уникален. Китайский проект – это объединение глобального "Юга" против Запада. Американская модель обращена на борьбу с Китаем. АСЕАН свои усилия направляет на сохранение баланса сил. При этом по мере роста противоречий в регионе роль асеановской модели ослабевает, а вместе с этим усиливает риск прямого столкновения государств в регионе.

Литература

1. Губин А.В. Военно-политические аспекты баланса сил в Восточной Азии: роль Японии, Республики Корея и стран АСЕАН // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 1. С. 29–49.
2. Канаев Е.А. Китайское деловое присутствие в Юго-Восточной Азии как фактор развития инициативы "Пояс и Путь" // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2022. Том. 1. № 1. (54). С. 30–43.
3. Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Отв. ред.: В.М. Мазырин. М.: "ФОРУМ", 2016. 440 с.
4. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI. М.: ИДВ РАН, 2015. 278 с..
5. Стрельцов Д.В. Case-study: регион Восточной Азии в мировых политических и экономических процессах // *Сравнительная политика* 2010. № 2. С. 72–86.
6. Цветкова Н., Стругач Ф. США в АТР. Влияние экспертного сообщества на процесс принятия внешнеполитических решений // *АЗИЯ И АФРИКА сегодня*. 2019. № 3. С. 18–23.
7. Ba A. D. Multilateralism and East Asian transitions: the English school, diplomacy, and a networking regional order // *International Politics*. 2020. No 57. P. 259–277.
8. Boon Tiang H., Li M., Char J. Introduction to the Special Issue: New Trends in Chinese Foreign Policy // *Asian Security*. March. 2017. 1–5 p.
9. Breslin S. *Handbook of China's International Relations*. Routledge. L., N-Y. 2010. 278 p.
10. Dal E. P. *G20 Rising Powers in the changing International development landscape*. Palgrave Macmillan. Istanbul 2022. 202 p.
11. Edstrom H., Westberg J. *Military Strategy of Great Powers Managing Power Asymmetry and Structural Change in the Twenty-first Century*. New York, London. Routledge. 2022. 264 p.
12. Hicks R., Kim S.Y. Reciprocal trade agreements in Asia: credible commitment to trade liberalization or paper tigers? // *Journal of East Asian studies*. 2012. No 12. P. 1–29.
13. Hopewell K. How China lost its wolf pack // *International Affairs*. 2022. № 98 (6). P. 1916–1935.
14. Indo-Pacific strategy of the United States. The White House. Washington. February. 2022. 19 p.
15. Kurlantzick J. *China's Collapsing Global Image. How Beijing's Unpopularity Is Undermining Its Strategic, Economic, and Diplomatic Goals*. New York. 2022. 38 p.
16. Martin D. J., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2015. Vol. 16. No 2. P. 209–240.
17. Patrick S. Four Contending U.S. Approaches to Multilateralism. Carnegie Endowment for International Peace. January 2023. 48 p.
18. Schäfer C. China's Diaspora Policy under Xi Jinping. Content, limits and challenges. German Institute for International and Security Affairs. Berlin. 2022. Paper 10. 34 p.
19. The ASEAN charter. Jakarta. 2008. 59 p.
20. The Global Security Initiative Concept Paper. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1285900.shtml?id=11> (дата обращения: 31.07.2022).
21. Wyne A. *America's Great-Power Opportunity. Revitalizing US Foreign Policy to Meet the Challenges of Strategic Competition*. Cheshire Typesetting Ltd, Cuddington, Cheshire. 2022. 251 p.

References

1. Gubin A.V. Military-political aspects of the balance of power in East Asia: the role of Japan, Republic of Korea and ASEAN countries // *Contours of global transformations: politics, economics, right*. 2022. T. 15. No. 1. Pp. 29–49. (In Russ.).
2. Kanaev E.A. Chinese business presence in Southeast Asia as a development factor Belt and Road Initiative // *Southeast Asia: Current Development Issues*. 2022. Vol. 1. No. 1. (54). Pp. 30–43. (In Russ.).
3. New challenges and security mechanisms in East Asia. Rep. ed.: V.M. Mazyrin. M.: "FORUM", 2016. 440 p. (In Russ.).
4. Portyakov V.Ya. Foreign policy of the People's Republic of China in the 21st century. M.: IFES RAS, 2015. 278 p. (In Russ.).
5. Streltsov D.V. Case-study: the East Asian region in global political and economic processes // *Comparative Politics* 2010. No. 2. Pp. 72–86. (In Russ.).
6. Tsvetkova N., Strugach F. USA in the Asia-Pacific region. The influence of the expert community on the process of making foreign policy decisions // *ASIA AND AFRICA today*. 2019. No. 3. Pp. 18–23. (In Russ.).
7. Ba A. D. Multilateralism and East Asian transitions: the English school, diplomacy, and a networking regional order // *International Politics*. 2020. No 57. P. 259–277.
8. Boon Tiang H., Li M., Char J. Introduction to the Special Issue: New Trends in Chinese Foreign Policy // *Asian Security*. March. 2017. 1–5 p.
9. Breslin S. *Handbook of China's International Relations*. Routledge. L., N-Y. 2010. 278 p.
10. Dal E. P. *G20 Rising Powers in the changing International development landscape*. Palgrave Macmillan. Istanbul 2022. 202 p.
11. Edstrem H., Westberg J. *Military Strategy of Great Powers Managing Power Asymmetry and Structural Change in the Twenty-first Century*. New York, London. Routledge. 2022. 264 p.
12. Hicks R., Kim S.Y. Reciprocal trade agreements in Asia: credible commitment to trade liberalization or paper tigers? // *Journal of East Asian studies*. 2012. No 12. P. 1–29.
13. Hopewell K. How China lost its wolf pack // *International Affairs*. 2022. № 98 (6). P. 1916–1935.
14. Indo-Pacific strategy of the United States. The White House. Washington. February. 2022. 19 p.
15. Kurlantzick J. China's Collapsing Global Image. How Beijing's Unpopularity Is Undermining Its Strategic, Economic, and Diplomatic Goals. New York. 2022. 38 p.
16. Martin D. J., Jenne N. Weak states' regionalism: ASEAN and the limits of security cooperation in Pacific Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2015. Vol. 16. No 2. P. 209–240.
17. Patrick S. Four Contending U.S. Approaches to Multilateralism. Carnegie Endowment for International Peace. January 2023. 48 p.
18. Schäfer C. China's Diaspora Policy under Xi Jinping. Content, limits and challenges. German Institute for International and Security Affairs. Berlin. 2022. Paper 10. 34 p.
19. The ASEAN charter. Jakarta. 2008. 59 p.
20. The Global Security Initiative Concept Paper. URL.: <https://www.globaltimes.cn/page/202302/1285900.shtml?id=11> (accessed 31.07.2022).
21. Wyne A. America's Great-Power Opportunity. Revitalizing US Foreign Policy to Meet the Challenges of Strategic Competition. Cheshire Typesetting Ltd, Cuddington, Cheshire. 2022. 251 p.

Информация об авторе

Сергей Александрович Верхоломов, старший преподаватель кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия, verholomov_s@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Verkhomolov, Senior lecturer, Department of History and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia, verholomov_s@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2023

Одобрена после рецензирования 15.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 21.09.2023

Approved 15.11.2023

Accepted 23.11.2023

Влияние малосторонних форматов в сфере безопасности на международные отношения в Восточной Азии

Андрей Владимирович Губин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
Цзилиньский университет, Чанчунь, Китай, gubin.av@dfvu.ru

Аннотация: После окончания второй мировой войны на пространстве Тихого океана не сложилось формата обеспечения коллективной безопасности, подобному НАТО. Несмотря на поляризацию региональной подсистемы международных отношений, и сегодня шансы на складывание полноценных многосторонних блоков отсутствуют. В интересах сдерживания Китая США фокусируются на создании гибких малосторонних форматов взаимодействия, в рамках которых вырабатываются также общие интересы и ценности. Вместе с тем все партнёры Вашингтона действуют сообразно собственной логике. Главная цель работы – оценить эффективность существующих механизмов с акцентом на интересы Японии и Республики Корея как главных военных союзников США в регионе. Представляет исследовательский интерес и способность данной деятельности оказать системообразующее воздействие на международные отношения в Восточной Азии, что обусловило задачи исследования. Автор пришёл к выводам о неизбежности продолжения США деятельности по укреплению малосторонних гибких организационных форм сотрудничества в целях противодействия иным центрам силы на всём пространстве ИТР. Однако Вашингтон всеми силами будет избегать прямого столкновения с любым потенциальным противником (КНР, РФ, КНДР), максимально задействовав потенциал союзников и партнёров.

Ключевые слова: региональная безопасность, международные отношения, QUAD, AUKUS

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Китайской академии общественных наук (КАОН) в рамках научного проекта № 20-511-93005 "Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии"

Для цитирования: Губин А. В. Влияние малосторонних форматов в сфере безопасности на международные отношения в Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 136–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/136-146>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/136-146>

Influence of minilateral security cooperative formats on international affairs in East Asia

Andrey V. Gubin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
Jilin University, Changchun, China, gubin.av@dfvu.ru

Abstract: After the Second World War Pacific Asia didn't demonstrate stable collective security organization, like NATO in Europe. Despite of polarization of the regional international relations system, there are still a few chances to form effective multilateral block here. The USA are focused on containing China and thus tend to shape flexible minilateral cooperative formats, where common values and interests are also were elaborated. Nevertheless, all Washington's partners prefer to act under their own specific logic. The present article sets goal to assess effectiveness of the existing mechanisms with the acute accent on Japan's and South Korea's interests as the major U.S. allies in the Pacific. The practical interest also lays in examining the ability to have systemic affection on international relations in East Asia, which was uncovered by completing research's tasks. Author concludes that the USA would inevitably continue implementing strategy based on flexible minilateral security cooperation schemes aimed to prevent any centralized power within the Indo-Pacific. Nevertheless, Washington seems to avoid from direct military clash with its potential rival (China, Russia, DPRK), intensively engaging allies' capacity and resources.

Key words: East Asia, regional security, international relations, QUAD, AUKUS

This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), project number 20-511-93005.

For citation: Gubin A. V. Influence of minilateral security cooperative formats on international affairs in East Asia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 136–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/136-146>

Введение

Современная система международных отношений в отличие от всех предыдущих не связана с наименованием какого-либо многостороннего договора, устанавливающего характер и порядок мироустройства. Более того, определить точное количество крупных самостоятельных центров силы затруднительно. США пытаются задержать постепенно исчезающую однополярность (моноцентричность) через сплочение собственных союзников как в формате НАТО, так и через укрепление спиц в тихоокеанском "колесе" (hub and spokes).

В 1950–1970-е гг. действовал Манильский пакт, учредивший создание Организации договора Юго-Восточной Азии в интересах обеспечения коллективной безопасности. Участниками данного военного блока тогда являлись США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд, Филиппины, а партнёрами – Республика Корея, Южный Вьетнам и Королевство Лаос. Победа вьетнамского народа в войне с империалистами положила конец данной организации. В силу специфики холодной войны в Азии физическое противостояние "двух миров" сохранилось только на Корейском полуострове. С 1996 г. возобновился очаг напряжённости в Тайваньском проливе, поскольку после распада СССР военный и экономический потенциалы Пекина для Вашингтона превратились скорее в опасность, чем в возможность.

Вместе с тем какой-либо институт, подобный НАТО, в Азии больше не появился. Главная причина – отсутствие общей угрозы, которая, согласно теории "баланса угроз" Стивена Уолта [31], и стала главной причиной объединения европейских государств вокруг США после окончания второй мировой войны. Четырёхсторонний диалог по безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (QUAD) выстроен скорее по логике неформального "клуба по интересам", не имея в основе устава и не подразумевая чётких обязательств. Это объясняется тем, что растущий Китай не воспринимается однозначно как противник даже среди американских союзников и партнёров. По этой причине организацией коллективной безопасности QUAD не является и вряд ли станет в обозримом будущем. Тем не менее деятельность Вашингтона явно направлена на разделение стран на "своих" и "чужих" вполне в духе биполярного противостояния.

Настоящее исследование направлено на изучение степени и характера влияния процесса создания малосторонних форматов взаимодействия по вопросам безопасности на систему международных отношений в Восточной Азии. В силу различий между привычным для российской академической традиции понятием "Азиатско-Тихоокеанский регион", "Восточная Азия" с политическим термином "Индо-Тихоокеанский регион" географические рамки работы охватывают пространство так называемой Большой Восточной Азии в понимании, предложенном авторским коллективом МГИМО(У) МИД РФ [1].

Задачи подчинены главной цели и включают в себя изучение подходов партнёров США (Японии, Индии и Австралии) к формированию Четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе; оценка настоящей и потенциальной роли Республики Корея в американоцентричных форматах; а также определение перспектив вертикального (по числу участников) и горизонтального (по характеру вопросов) расширения соглашения о военно-техническом сотрудничестве между Австралией, США и Великобританией.

В силу специфики изучаемых вопросов значительная часть источников представлена работами американских, британских, австралийских, японских, индийских и южнокорейских исследователей, официальными документами и текстами выступлений политических деятелей из указанных стран. Подобный подход оправдан практической целесообразностью опоры на информацию и оценки из государств, непосредственно вовлечённых в процесс создания малосторонних форматов. Российские и китайские авторы представляли интерес с точки зрения качественно новых оценок или обобщений.

Настоящая работа во многом выстроена вокруг метода экспертных оценок через самостоятельную аналитическую обработку тенденций, состояния и путей развития исследуемых объектов. Задействовались и неформализованный (качественный) метод анализа документов. Часть полученных результатов ранее была апробирована автором в ряде публикаций на сайтах Российского совета по международным делам, дискуссионного клуба "Валдай", комментариях в СМИ и докладах на конференциях.

Подходы партнёров США к функционированию QUAD

В современном мире центром гравитации становится так называемый Индо-Тихоокеанский регион, включающий в себя обширные пространства Восточной и Южной Азии. Несмотря на главенствующую роль Вашингтона в строительстве "свободного и открытого ИТР", влияние американцев всё же

ограничено только традиционными союзниками. Подавляющее же большинство государств региона являются непосредственными участниками процесса транзита порядка в условиях американо-китайского комплексного противоборства, а значит, вынуждены принимать какую-либо сторону или хотя бы обозначать собственную позицию.

Пекин и Нью-Дели в текущих условиях кризиса скорее поддерживают Москву, чем выступают на стороне Вашингтона. Хотя уровень солидарности и побуждающий мотив у индийского и китайского руководств совершенно разные. Китай столкнулся с открытой угрозой территориальной целостности и политическому режиму со стороны Запада, тогда как Индия просто не согласна играть по чужим правилам и быть на вторых ролях у ведущих держав. Несмотря на все чаяния США и союзников, конкуренция между региональными гигантами не переходит в открытую фазу, даже при наличии между ними нерешённого пограничного спора.

Крайне важным фактором является приверженность России, Индии и Пекина идее многополярного мира, основанного на равноправии и увеличении роли развивающихся стран. Индийское руководство в отличие от соратников выступает за отказ от политики великих держав и большее разнообразие в международных отношениях [19]. По убеждению Дж. Панды, дипломатическая линия страны уже прошла путь через неприсоединение к ограниченному вовлечению (pointed alignment) в духе неореализма [20].

Правительство Моди на словах признаёт Пекин главным вызовом безопасности и растущей угрозой [10], однако воздерживается называть противником в официальных документах. При этом главный повод для волнений отнюдь не пограничный спор, а скорее контроль над морскими пространствами и влиянием в соседних государствах (Шри-Ланка, Мьянма, Бангладеш, Непал). Индия не приемлет китайской версии многополярного мира, основанного на антагонизме Запада, считая такой подход империалистическим. Вместе с тем в Нью-Дели понимают, что и биполярность в любом виде не отвечает национальным интересам. Перераспределение властных полномочий между Китаем и США, сопровождаемое изменением структуры и веса международных институтов, вообще может оставить Индию на обочине мировой политики.

Одной из форм увеличения собственного влияния индийцы считают участие в многосторонних форматах сотрудничества, подобных ШОС, БРИКС и "Большой двадцатке", для предотвращения "китайского крена" в новом миропорядке. Такой подход можно назвать "асимметричной многополярностью", в котором средние державы способны на равных взаимодействовать с великими, безо всякой иерархии. Кроме того, в Нью-Дели считают несправедливым и то, что Китай единолично представляет всё гигантское азиатское сообщество в Совете Безопасности ООН на постоянной основе, а потому выступают за получение равных возможностей и для себя через реформу СБ [21]. Индия всеми силами пытается сохранить стратегическую автономность, которую в МИД страны считают главной отличительной особенностью и основной целью национальной дипломатии. Фокус же на многополярность, по замыслу, придаст Нью-Дели глобальный вес в качестве лидера развивающихся стран.

Обновлённый Стратегический обзор обороны Австралии (Defence Strategic Review) [18] подчёркивает важность коллективных усилий по обеспечению безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. По мнению индийского исследователя А. Саху, вооружённые силы, выстроенные только на "балансирующем принципе" (balanced force), недостаточны для противодействия значительным угрозам [26]. По этой причине Канберра планирует обзавестись современными боевыми системами, включая и крылатые ракеты морского и воздушного базирования для нанесения ударов по наземным целям. Этой же логике подчинены и планы по вводу в строй многоцелевых атомных подводных лодок в рамках соглашения AUKUS с США и Великобританией.

Существенный повод для беспокойства Канберры представляет военная деятельность КНР в Южно-Китайском море, главным образом заключающаяся в создании оборонительной инфраструктуры на искусственных и природных островах. Схематический обзор представлен специалистами американского Центра стратегических и международных исследований [9]. Пекин наращивает возможности передового развёртывания не только средств

обнаружения, противовоздушной и береговой обороны, но также авиации и ударного ракетного оружия. Специалисты Австралийского национального университета не сбрасывают со счетов и возможность появления поблизости китайской военной базы, особенно в свете договорённостей 2022 г. в сфере безопасности между КНР и Соломоновыми островами [30].

Тем не менее, как сообщают СМИ со ссылкой на австралийские политические круги, существуют и сомнения относительно необходимости обеспечивать военным путём американские интересы в Южно-Китайском море и южной части Тихого океана, поскольку китайцы явно не собираются высаживаться на "зелёном континенте". Увеличение же оборонительных возможностей Австралии может стать катализатором американо-китайских переговоров по вопросам безопасности в ИТР и разграничения сфер влияния, но не иметь конкретной цели участия в боевых действиях против НОАК [13].

Однако, несмотря на решение ряда спорных вопросов в двусторонней торговле, отношения Пекина и Канберры далеки от идеальных. Правительство Албанезе хотя и провозглашает курс на нормализацию связей с КНР, однако усиление взаимодействия с США и Японией в сфере безопасности, включая военные учения, обмен разведданными и логистическую поддержку, этому совершенно не способствуют.

В марте 2023 г. во время визита в Индию премьер-министр Японии Фумио Кисида раскрыл детали нового национального плана по содействию создания "свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона". Интересно, что японский лидер не исключил присоединения к инициативе и других стран, поскольку в цели не входит формирования какого-либо лагеря или блока [22]. Таким способом Токио, вероятно, послал сигнал Пекину, что со своей стороны готов к диалогу и не рассматривает концепцию ИТР исключительно в контексте сдерживания Китая. Конфликт на Украине якобы побудил японское руководство усилить меры безопасности военными средствами. А главный же повод для беспокойства, по словам Кисиды, заключается в односторонних попытках изменения расстановки сил [23].

Для большей привлекательности среди развивающихся стран японские стратеги попытались выйти за рамки территориальных споров и военно-политической безопасности. Современные планы Токио фокусируются на нетрадиционных угрозах в ИТР в прагматичном ключе, например, изменении климата, кибербезопасности и здравоохранении. Используется и популистский тезис о равноправии представителей глобального Юга в политических делах и мировой экономике. Японцы выдвигают также внешне привлекательную концепцию человеческой безопасности (human security), выстроенную вокруг таких приоритетов, как выживание, благосостояние, личные достоинство и индивидуальность. Вместе с тем новые предложения всё же не представляют собой ничего прогрессивного: идеи верховенства закона, свободы навигации и демократических ценностей фактически маскируют намерения японского руководства существенно укрепить позиции страны. При этом ослабление Китая, России и даже США в противоборстве будет на руку Токио – в духе стратегии, характеризовавшей отношения милитаристов с СССР в годы Второй мировой войны.

Современные попытки кабинета Кисиды вдохнуть жизнь в первоначальное видение ИТР как объединение потенциалов ведущих экономик Тихого и Индийского океанов в основном вылились в поддержку формата QUAD в полном соответствии с генеральной линией Вашингтона. Ряд предложений вообще выглядят довольно странно. Например, провозглашение Японией лидером "индо-тихоокеанского способа кооперации" [25] совершенно не отвечает реальности, так как страны Восточной и Южной Азии в основном заинтересованы в развитии продуктивных и выгодных отношений с Китаем, нежели формировании противовеса и альтернативы. Успех плана Кисиды зависит от поддержки другими участниками QUAD (прежде всего Индией), а также популярности среди собственного населения. И если в формате "Большой семёрки" ещё удаётся демонстрировать некую солидарность против КНР и России, то на более разнообразных по составу участников площадках такая антагонистская позиция не находит понимания. Токио самоограничивает дипломатическую линию только отношениями со странами Запада, что подрывает

вает авторитет среди развивающихся государств, борющихся за преодоление дискриминации и гегемонизма.

Кроме того, реализация любого плана потребует финансирования, которого будет весьма сложно добиться при нынешнем рейтинге доверия к правительству менее 40%, согласно данным издания "Никкей" [14]. Возможно, единственной здоровой мыслью является прагматичный подход к партнёрству в рамках ИТР и направленность на конкретные инициативы и проекты. Однако привнесение идеологической составляющей в виде защиты единственно правильного, на взгляд Токио, либерального международного порядка существенно ограничивает число сторонников подобных идей, поскольку для тех же членов АСЕАН добрососедские отношения с Пекином – важнейший приоритет дипломатии.

Республика Корея как потенциальное государство-балансир

По мнению германского корееведа Б. Зелигера, в Северо-Восточной Азии усиливается поляризация в силу наступательной и агрессивной политики КНДР, КНР и России, что оставляет всё меньше вариаций для внешнеполитической линии Сеула [27]. Тем не менее Республика Корея (РК) всё ещё может выступить в качестве одного из глобальных государств-балансиров или по аналогии с американской выборной терминологией, *swing state*, способных изменить геополитическую картину Азиатско-Тихоокеанского региона.

В декабре 2022 г. правительство Республики Корея опубликовало "Стратегию для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона" [29]. Документ констатирует нарастание американо-китайского соперничества, однако в основном сосредоточен на поиске баланса в отношениях с главным военным союзником – Вашингтоном и ведущим экономическим партнёром – Пекином. Примечательно, что южнокорейское руководство, несмотря на провозглашённый на саммите РК-АСЕАН в Пномпене в ноябре 2022 г. акцент на углубление сотрудничества с США, всячески воздерживается от антикитайской риторики. КНР названа в Стратегии ведущим партнёром, с которым имеются общие интересы, реализуемые на принципах взаимоуважения в соответствии с международными нормами. Вместе с тем в документе констатируется угрожающий характер политики Пекина для региона. Не исключается присоединение РК к малосторонним форматам взаимодействия по вопросам безопасности, например, к QUAD и AUKUS, где корейцы уже и так представлены на уровне рабочих групп [34].

Интересно, что в тексте практически не рассматривается КНДР, кроме упоминания об очевидной необходимости совместного решения проблемы распространения ядерного оружия. Вероятно, это свидетельствует о том, что для Сеула межкорейские отношения не нуждаются в широком международном обсуждении и не относятся к повестке дня для ИТР. Кроме того, южнокорейское руководство публично не уделяет внимания формату AUKUS, более концентрируясь на Четырёхстороннем диалоге по вопросам безопасности (QUAD), особенно в сфере обмена информацией о деятельности на море (Indo-Pacific Partnership for Maritime Domain Awareness). Сеул отмечает необходимость дипломатического решения существующих проблем в ИТР. В частности, корейцы выражают готовность внести посильный вклад в мирное урегулирование спора некоторых стран АСЕАН с Китаем относительно принадлежности части акватории Южно-Китайского моря, а также Парасельских островов и архипелага Спратли.

Президент Юн Сок Ёль свободно высказывает персональное отношение к ситуации на Украине и в Тайваньском проливе, которое почти полностью совпадает с позицией Вашингтона и оставляет крайне мало шансов для налаживания связей с Пекином и Москвой. Пока Сеулу удаётся сохранять торгово-экономические и технологические связи с Китаем. Не распущен и секретариат по трёхстороннему сотрудничеству между КНР, Японией и РК; вероятно, руководство страны не исключает возобновления работы данного формата. Надежды на продолжение контактов возлагаются корейцами и на отделение Экономического и социального совета ООН по Азии и Тихому океану с офисом в Инчхоне.

Однако корейское руководство постепенно идеологизирует международное сотрудничество, чётко позиционируя себя как часть коллективного Запа-

да, что импонирует не всем государствам региона. Так, по замечанию аналитиков исследовательского центра Asia Risk, в ходе визита во Вьетнам в июне 2023 г. Юн Согель наткнулся на неготовность Ханоя увязать вопросы двустороннего торгово-экономического сотрудничества с многосторонним спором в Южно-Китайском море и ракетно-ядерной программой КНДР [3].

Характер контактов Сеула в сфере обороны и безопасности с Вашингтоном и Токио свидетельствует о явном включении в американскую стратегию. Посещение портов страны за последнее время тремя атомными подводными лодками ВМС США несёт сигнал скорее Пекину и Москве, нежели Пхеньяну.

Перспективы видоизменения соглашения AUKUS

В сентябре 2021 г. Австралия, Великобритания и США подписали соглашение о сотрудничестве по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, известное также как договор AUKUS. Документ предусматривает "обмен военными возможностями и критическими технологиями в сферах кибернетики, искусственного интеллекта, квантовых технологий и действий под водой" [24]. Главным пунктом стало приобретение Канберрой нескольких многоцелевых атомных подводных лодок. Вопросы о том, где будут строиться субмарины, какие и в каком количестве, кто именно предоставит реакторы, всё ещё в стадии согласования. Вполне вероятно, что первая АПЛ появится в составе австралийских ВМС только к 2040 г. Тем не менее уже с начала 2027 г. планируется организовать постоянное базирование на ротационной основе американско-английской группировки в составе до пяти лодок. Субмарины будут активно задействоваться в обучении австралийских моряков и осуществлять походы в районы Малаккского пролива и южной части Южно-Китайского моря [2].

В ноябре 2021 г. экс-премьер Японии Синдзо Абэ отмечал, что страна должна усилить сотрудничество с членами AUKUS, особенно в сфере кибербезопасности и искусственного интеллекта [11]. В апреле 2022 г. Белый дом опроверг сообщения некоторых СМИ о приглашении Японии присоединиться и преобразовать соглашение в формат JAUKUS [33]. Однако в ноябре 2022 г. западные аналитики снова всерьёз заговорили о перспективах вхождения Токио в договор [6]. Подобную тенденцию министр иностранных дел России Сергей Лавров уже определил, как попытку продвижения интересов НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе [4].

В августе 2022 г. правительство Японии объявило о беспрецедентном увеличении расходов на оборону. Военный бюджет 2023 г. в несколько этапов достиг 50 млрд долл. [8]. Предусмотрены разработка и приобретение ранее не характерных для Сил самообороны (ССО) видов вооружений, в частности крылатых ракет большой дальности и гиперзвуковых ракет. Также в Токио отмечают, что интересы национальной безопасности совпадают с приоритетами политики США, Великобритании и Австралии по построению "свободного и открытого ИТР". Довольно показательна инфографика МИД страны по данному аспекту внешней политики, размещённая на официальном сайте ведомства [12].

Обращает на себя внимание наступательный характер внешнеполитической линии Токио, который стал активно позиционировать себя как защитник "либеральных ценностей" в Азии. В частности, с середины 2021 г. японские политики открыто выступают в пользу защиты Тайваня в случае "агрессии с материка" [28] и необходимости развития сотрудничества с островом по вопросам безопасности [5]. Некоторые японские аналитики прямо предупреждают руководство страны об опасности таких действий и сомнительной поддержке среди населения [15], но официальный протайваньский курс правительства Кисиды пока не меняется.

Немаловажно и то, что Япония присоединилась к западным санкциям в отношении России после начала специальной военной операции, обозначив себя частью коллективного Запада и став "недружественной страной" для Москвы. А взвешенная позиция Индии, напротив, поставила вопрос о будущем QUAD, потому "архитекторам" строительства "свободного и открытого ИТР" срочно потребовался новый формат многостороннего сотрудничества в сфере безопасности с перспективой реформирования в военный альянс. Так, в апреле 2022 г. США объявили о расширении рамок AUKUS, включив в число при-

оритетов совместную разработку гиперзвуковых ракет, а также средств противодействия такому оружию как кинетического, так и электронного характера. Данный формат вполне позволяет привлечь к сотрудничеству Японию, имеющую практический интерес к таким исследованиям и работам.

Примечательно, что Токио и Канберра уже начали процесс сближения по вопросам безопасности. В октябре 2022 г. премьер-министры Австралии и Японии Энтони Албанезе и Фумио Кисида подписали обновлённую Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности. В сравнении с первоначальной версией 2007 г. документ приобрёл явные очертания военного альянса. Свежая версия предусматривает проведение совместных военных учений различного характера, участие в многосторонних манёврах с партнёрами, взаимное использование объектов военной инфраструктуры, защиту собственности, обмен опытом, обучение личного состава и гражданского персонала. Документ не содержит взаимных обязательств, однако упоминает о необходимости консультаций в случае возникновения опасности для суверенитета, интересов обеспечения региональной безопасности в целях выработки возможных мер реагирования. Силы самообороны уже наделены правом эскортировать и защищать военнослужащих других стран, обеспечивающих безопасность Японии, и в случае угрозы применить силу в целях самообороны. Другими словами, японские военные теперь могут оказывать содействие Вооружённым силам Австралии и гарантировать сохранность объектов и подразделений даже в мирное время [32].

Втягивание Токио в многосторонний военный союз, пусть даже и неформализованный, позволит США более полно использовать потенциал обновлённых и более боеспособных Сил самообороны в пределах ИТР. Военные возможности Австралии пока ограничены, а Великобритания только собирается развернуть авианосное соединение в регионе. Японский флот (Морские силы самообороны) способен действовать в западной части Тихого океана и Восточно-Китайском море, выполняя задачи в рамках стратегии по воспрепятствованию доступа в определённые районы и ограничения манёвра сил вероятного противника. Стоит отметить уже существующий потенциал японских кораблей в области противоракетной обороны, а в перспективе флот сможет наносить удары по наземным целям бортовыми ракетным оружием, а также управляемыми авиационными боеприпасами палубных самолётов F-35. Кроме того, по данным "Асахи симбун", Япония намерена развернуть группировку не менее чем в 50 спутников, которые могут использоваться и для предупреждения о ракетном нападении [17].

В рамках JAUUKUS или иного совместного формата в сфере безопасности наверняка будет задействован промышленный и научный потенциал Японии, например, для создания современных автономных боевых аппаратов и повышения возможностей всех участников возможного альянса в киберпространстве.

Пока официально ни одна сторона не заявляла о присоединении Японии к AUKUS и начале практического взаимодействия. Слова одобрения пока звучат на экспертном уровне, а также от некоторых политиков в качестве личного мнения [5]. Вместе с тем в силу особенностей политической системы Японии, решения такого рода во многом будут зависеть от общественного мнения. Возможно, расширение сотрудничества по вопросам кибербезопасности найдёт поддержку в обществе, однако милитаризация с явным антикитайским и антироссийским уклоном вызывает тревогу у избирателей. Конечно, для Вашингтона и Лондона плюсы вовлечения японцев перевешивают все минусы, так как в англосаксонской традиции перекладывать ответственность и усилия, а желательно ещё и затраты на союзников. Однако имидж Вашингтона как гаранта безопасности после бегства из Афганистана серьёзно пострадал и, в частности, в японском обществе, скептические настроения к заокеанскому союзнику свободно распространяются.

Пока не представляется возможным предметно говорить о полноценном вхождении каких-либо других стран, помимо Японии, в соглашение AUKUS. Однако горизонтальное расширение за счёт увеличения числа прикладных вопросов сотрудничества представляет не меньшую опасность для безопасности в Большой Восточной Азии. В частности, гиперзвуковое оружие, беспилотные технологии, военное применение искусственного интеллекта и квантовых

вычислений, операции в киберпространстве и милитаризация Космоса – перспективные сферы взаимодействия, в которых США планируют удерживать технологическое лидерство, в том числе с помощью широкого привлечения возможностей стран-партнёров.

Россия и Китай единогласно выступают за открытость и внеблоковость политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, осуждая любые проявления формирования военных коалиций. Действия же США по выстраиванию гибкой архитектуры безопасности на основе двусторонних соглашений и малосторонних схем, имеющие явный характер сдерживания, совершенно не способствуют миру и стабильности и, скорее всего, не привлекут дополнительных сторонников на постоянной основе. Попытки вовлечь различными способами, включая давление и запугивание, собственных азиатских союзников – Японию и Республику Корея в практические мероприятия по сдерживанию России, Китая и КНДР неизбежно будут нивелированы ответными мерами, в том числе военно-стратегического характера.

Поскольку США избегают прямого столкновения с любым потенциальным противником на пространстве ИТР, ставка будет и дальше делаться на прокси-стратегию и "накачивание" союзников как материальное, так и морально-психологическое. В силу явного нежелания Индии участвовать в американских планах по сдерживанию Китая, а также ограниченного пока военного потенциала Австралии стабильность во многом будет зависеть от политического поведения Японии и Республики Корея и ситуации внутри данных стран. Пока оба союзника Вашингтона выказывают явные намерения по повышению собственных возможностей в военной сфере и оказания максимального содействия реализации планам своего патрона.

Тем не менее даже прямое участие Токио и Сеула в американских планах удержания военного и технологического превосходства на пространстве Большой Восточной Азии не способно оказать значительного балансирующего воздействия на региональную подсистему безопасности. Более того, делегирование Вашингтоном ряда вопросов собственным союзникам, например, включения ударных вооружений в национальные стратегии обороны, имеет ярко выраженный дестабилизирующий характер. Налицо намерение американского руководства создать максимальное количество "точек напряжения" для распыления ресурсов основных визави – Китая, России и КНДР – в интересах усиления собственной переговорной позиции по наиболее важным для Вашингтона политическим и экономическим аспектам.

Литература

1. "Большая Восточная Азия": мировая политика и региональные трансформации: научно образовательный комплекс. Под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. 444 с.
2. Ермаков А. Долгая дорога в море. Развитие и перспективы союза AUKUS // Российский совет по международным делам. 27.04.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dolgaya-doroga-v-more-razvitie-i-perspektivy-soyuza-aukus/?sphrase_id=105746391 (дата обращения: 10.07.2023).
3. Комментарий ARRC: в ходе визита во Вьетнам Юн Сок Ёль попытается разыграть антикитайскую карту // AsiaRisk Research Center. 20.07.2023. URL: <https://asiarisk.org/novosti/322-kommentarij-arrc-v-khode-vizita-vo-vietnam-yun-sok-jol-popytalsya-razygrat-antikitajskuyu-kartu> (дата обращения: 25.07.2023).
4. Кулемякин Д. Лавров: Запад пытается использовать AUKUS для продвижения интересов НАТО // Российская газета. 05.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/08/05/lavrov-zapad-pytaetsia-ispolzovat-aukus-dlia-prodvizheniia-interesov-nato.html> (дата обращения: 18.06.2023).
5. Ashley R. Japan's revolution on Taiwan affairs // War on the Rocks. 23.11.2021. URL: <https://warontherocks.com/2021/11/japans-revolution-on-taiwan-affairs> (дата обращения: 15.07.2023).
6. Auslin M. Why Japan belongs to AUKUS // Foreign Affairs. 28.12.2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/japan/why-japan-belongs-aukus> (дата обращения: 10.07.2023).
7. Auslin M. Why Japan should join AUKUS // Foreign Policy. 15.11.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/15/japan-aukus-jaukus-security-defense-pact-alliance-china-containment-geopolitics-strategy-indo-pacific> (дата обращения: 10.07.2023).

8. Bell C.L., Collinson E. Australia-China relations: the outlook for 2023 // *The Diplomat*. 22.12.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/12/australia-china-relations-the-outlook-for-2023> (дата обращения: 18.07.2023).
9. China power projection capabilities in the South China Sea // *Asia Maritime Transparency Initiative*. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://amti.csis.org/chinese-power-projection> (дата обращения: 05.06.2023).
10. Deepak B.R. India rethinks ties with China // *East Asia Forum*. 12.09.2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/09/12/india-rethinks-ties-with-china> (дата обращения: 20.07.2023).
11. Ex-Japan PM Abe calls for Tokyo's cooperation with AUKUS in AI, cyber // *Reuters*. 19.11.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/ex-japan-pm-abe-calls-tokyos-cooperation-with-aucus-ai-cyber-2021-11-19> (дата обращения: 18.06.2023).
12. Hanada R. Fighting to fund Japan's historic defence budget increase // *East Asia Forum*. 17.05.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/05/17/fighting-to-fund-japans-historic-defence-budget-increase> (дата обращения: 28.06.2023).
13. Hurst D. Beijing says don't 'hype up the so-called China threat narrative' after Australian criticism // *The Guardian*. 24.04.2023. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/apr/24/beijing-says-dont-hype-up-the-so-called-china-threat-narrative-after-australian-criticism> (дата обращения: 11.06.2023).
14. Imao R. Kishida's approval rating roughly flat at 40% // *Nikkei Asia*. 31.07.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Kishida-s-approval-rating-roughly-flat-at-40> (дата обращения: 15.06.2023).
15. Inoue M. Japan's stance on the Taiwan Strait // *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 14 No.3. July-September 2022. Pp. 15-17.
16. Japan's effort for a "Free and open Indo-Pacific" // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).
17. Matsuyama N. Japan eyes network of 50 satellites to track enemy missiles // *The Asahi Shimbun*. 15.11.2022. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14759571> (дата обращения: 18.06.2022).
18. National Defence: Defence Strategic Review 2023 // *Australian Government*. Public Report. 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (дата обращения: 20.07.2023).
19. Ollapally, D. M. India goes its own way on global geopolitics // *East Asia Forum*. 22.09.2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/09/22/india-goes-its-own-way-on-global-geopolitics> (дата обращения: 10.07.2023).
20. Panda J.P. The QUAD Plus and India's pointed alignment strategy // *QUAD Plus and Indo-Pacific: the changing profile of International Relations*. Ed. by J.P. Panda, E. Gunasekara-Rockwell. London : Routledge, 2021. 312 p. Pp. 41-74.
21. Panda J. Will India and China escape the Thucydides' trap? // *The Diplomat*. 12.09.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/will-india-and-china-escape-the-thucydides-trap> (дата обращения: 10.07.2023).
22. Policy speech by Prime Minister Kishida Fumio (New plan for a "Free and open Indo-Pacific") // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 20.03.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page1e_000586.html (дата обращения: 10.07.2023).
23. Policy speech by Prime Minister Kishida Fumio at the Johns Hopkins University School of advanced international studies // *Prime Minister's Office of Japan*. 13.01.2023. URL: https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202301/_00005.html (дата обращения: 10.07.2023).
24. Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom announcing the creation of AUKUS // *The White House*. 15.09.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus> (дата обращения: 20.07.2023).
25. Richey M., Reiterer M. Answering the bell – Japan's Indo-Pacific leadership aspirations // *East Asia Forum*. 02.08.2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/08/02/answering-the-bell-japans-indo-pacific-leadership-aspirations> (дата обращения: 10.07.2023).
26. Sahu A. Australia and the new Indo-Pacific security architecture // *East Asia Forum*. 23.06.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/06/23/australia-and-the-new-indo-pacific-security-architecture> (дата обращения: 10.07.2023).
27. Seliger B. South Korea picks its squad in Northeast Asia // *East Asia Forum*. 06.05.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/05/06/south-korea-picks-its-squad-in-northeast-asia> (дата обращения: 20.07.2023).
28. Sposato W. Taro Aso's Taiwan slip was likely deliberate // *Foreign Policy*. 12.07.2021. –. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/07/12/taro-aso-taiwan-japan-china-policy> (дата обращения: 25.07.2023).
29. Strategy for a free, peaceful, and prosperous Indo-Pacific region // *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea*. 28.12.2022. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133 (дата обращения: 10.07.2023).
30. Unpacking Solomon Islands' security pact with China // *Australia National University*. – 06.05.2022. URL: <https://www.anu.edu.au/news/all-news/unpacking-solomon-islands%E2%80%99-security-pact-with-china> (дата обращения: 20.07.2023).

31. Walt, S. Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 9, No 4, Spring. Pp. 3-43.
32. Walton D., Akimoto D. What's new in Australia and Japan's updated Joint declaration of security cooperation? // *The Diplomat*. 25.10.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/10/whats-new-in-australia-and-japans-updated-joint-declaration-of-security-cooperation> (дата обращения: 25.07.2023).
33. Washington and Tokyo deny Japan invited to join AUKUS security pact // *The Japan Times*. 14.04.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/04/14/national/japan-aukus-join-denial> (дата обращения: 18.06.2023).
34. Yoon S. South Korea's Indo-Pacific strategy: some takeaways // *Institute for China-America Studies*. 31.12.2022. URL: <https://chinaus-icas.org/research/south-koreas-indo-pacific-strategy-some-takeaways> (дата обращения: 25.07.2023).

References

1. "Grand East Asia": world politics and regional transformations: scientific-educational complex. Ed. by A.D. Voskresenskiy. Moscow : MGIMO-University, 2010, 444 p. (in Russ.).
2. Ermakov A. A long way to the sea. Development and prospects of the AUKUS pact. // *Russia's International Affairs Council*. 27.04.2023. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dolgaya-doroga-v-more-razvitiye-i-perspektivy-soyuza-aukus/?sphrase_id=105746391 (assessed 10.07.2023) (in Russ.).
3. ARRC commentary: during his Vietnam visit Yoon Suk Yeol tried to play an 'anti-Chinese' card // *AsiaRisk Research Center*. 20.07.2023. URL: <https://asiarisk.org/novosti/322-komentarij-arrc-v-khode-vizita-vo-vietnam-yun-sok-jol-popytalsya-razygrat-antikitajskuyu-kartu> (accessed 25.07.2023) (in Russ.).
4. Kulemyakin D. Lavrov: The West tries to use AUKUS for promoting NATO's interests // *Rossiyskaya Gazeta*. 05.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/08/05/lavrov-zapad-pytaetsia-ispolzovat-aukus-dlia-prodvizheniia-interesov-nato.html> (accessed 18.06.2023) (in Russ.).
5. Ashley R. Japan's revolution on Taiwan affairs // *War on the Rocks*. 23.11.2021. URL: <https://warontherocks.com/2021/11/japans-revolution-on-taiwan-affairs> (accessed 15.07.2023).
6. Auslin M. Why Japan belongs to AUKUS // *Foreign Affairs*. 28.12.2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/japan/why-japan-belongs-aukus> (accessed 10.07.2023).
7. Auslin M. Why Japan should join AUKUS // *Foreign Policy*. 15.11.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/15/japan-aukus-jaukus-security-defense-pact-alliance-china-containment-geopolitics-strategy-indo-pacific> (accessed 10.07.2023).
8. Bell C.L., Collinson E. Australia-China relations: the outlook for 2023 // *The Diplomat*. 22.12.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/12/australia-china-relations-the-outlook-for-2023> (accessed 18.07.2023).
9. China power projection capabilities in the South China Sea // *Asia Maritime Transparency Initiative*. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://amti.csis.org/chinese-power-projection> (accessed 05.06.2023).
10. Deepak B.R. India rethinks ties with China // *East Asia Forum*. 12.09.2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/09/12/india-rethinks-ties-with-china> (accessed 20.07.2023).
11. Ex-Japan PM Abe calls for Tokyo's cooperation with AUKUS in AI, cyber // *Reuters*. 19.11.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/ex-japan-pm-abe-calls-tokyos-cooperation-with-aukus-ai-cyber-2021-11-19> (assessed: 18.06.2023).
12. Hanada R. Fighting to fund Japan's historic defence budget increase // *East Asia Forum*. 17.05.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/05/17/fighting-to-fund-japans-historic-defence-budget-increase> (accessed 28.06.2023).
13. Hurst D. Beijing says don't 'hype up the so-called China threat narrative' after Australian criticism // *The Guardian*. 24.04.2023. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/apr/24/beijing-says-dont-hype-up-the-so-called-china-threat-narrative-after-australian-criticism> (accessed 11.06.2023).
14. Imao R. Kishida's approval rating roughly flat at 40% // *Nikkei Asia*. 31.07.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Kishida-s-approval-rating-roughly-flat-at-40> (accessed 15.06.2023).
15. Inoue M. Japan's stance on the Taiwan Strait // *East Asia Forum Quarterly*. Vol. 14 No.3. July-September 2022. Pp. 15-17.
16. Japan's effort for a "Free and open Indo-Pacific" // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf> (accessed 25.07.2023).
17. Matsuyama N. Japan eyes network of 50 satellites to track enemy missiles // *The Asahi Shimbun*. 15.11.2022. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14759571> (accessed 18.06.2022).
18. National Defence: Defence Strategic Review 2023 // *Australian Government*. Public Report. 2023. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (accessed 20.07.2023).

19. Ollapally, D. M. India goes its own way on global geopolitics // East Asia Forum. 22.09.2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/09/22/india-goes-its-own-way-on-global-geopolitics> (accessed 10.07.2023).
20. Panda J.P. The QUAD Plus and India's pointed alignment strategy // QUAD Plus and Indo-Pacific: the changing profile of International Relations. Ed. by J.P. Panda, E. Gunasekara-Rockwell. London : Routledge, 2021. 312 p. Pp. 41-74.
21. Panda J. Will India and China escape the Thucydides' trap? // The Diplomat. 12.09.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/will-india-and-china-escape-the-thucydides-trap> (accessed 10.07.2023).
22. Policy speech by Prime Minister Kishida Fumio (New plan for a "Free and open Indo-Pacific") // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 20.03.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page1e_000586.html (accessed 10.07.2023).
23. Policy speech by Prime Minister Kishida Fumio at the Johns Hopkins University School of advanced international studies // Prime Minister's Office of Japan. 13.01.2023. URL: https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/statement/202301/_00005.html (accessed 10.07.2023).
24. Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom announcing the creation of AUKUS // The White House. 15.09.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus> (accessed 20.07.2023).
25. Richey M., Reiterer M. Answering the bell – Japan's Indo-Pacific leadership aspirations // East Asia Forum. 02.08.2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/08/02/answering-the-bell-japans-indo-pacific-leadership-aspirations> (accessed 10.07.2023).
26. Sahu A. Australia and the new Indo-Pacific security architecture // East Asia Forum. 23.06.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/06/23/australia-and-the-new-indo-pacific-security-architecture> (accessed 10.07.2023).
27. Seliger B. South Korea picks its squad in Northeast Asia // East Asia Forum. 06.05.2023. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/05/06/south-korea-picks-its-squad-in-northeast-asia> (accessed 20.07.2023).
28. Sposato W. Taro Aso's Taiwan slip was likely deliberate // Foreign Policy. 12.07.2021. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/07/12/taro-aso-taiwan-japan-china-policy> (accessed 25.07.2023).
29. Strategy for a free, peaceful, and prosperous Indo-Pacific region // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. 28.12.2022. URL: https://overseas.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133 (accessed 10.07.2023).
30. Unpacking Solomon Islands' security pact with China // Australia National University. – 06.05.2022. URL: <https://www.anu.edu.au/news/all-news/unpacking-solomon-islands%E2%80%99-security-pact-with-china> (accessed 20.07.2023).
31. Walt, S. Alliance formation and the balance of world power // International Security. 1985. Vol. 9, No 4, Spring. Pp. 3-43.
32. Walton D., Akimoto D. What's new in Australia and Japan's updated Joint declaration of security cooperation? // The Diplomat. 25.10.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/10/whats-new-in-australia-and-japans-updated-joint-declaration-of-security-cooperation> (accessed 25.07.2023).
33. Washington and Tokyo deny Japan invited to join AUKUS security pact // The Japan Times. 14.04.2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/04/14/national/japan-aukus-join-denial> (accessed: 18.06.2023).
34. Yoon S. South Korea's Indo-Pacific strategy: some takeaways // Institute for China-America Studies. 31.12.2022. URL: <https://chinaus-icas.org/research/south-koreas-indo-pacific-strategy-some-takeaways> (accessed 25.07.2023).

Информация об авторе

Андрей Владимирович Губин, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; адъюнкт-профессор Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета, Чанчунь, Китай, e-mail: gubin.av@dvfu.ru

Information about the author

Andrey V. Gubin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Adjunct-Professor, North East Asia Research Center, Jilin University, Changchun, China, e-mail: gubin.av@dvfu.ru

Поступила в редакцию 01.09.2023

Одобрена после рецензирования 09.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 01.09.2023

Approved 09.11.2023

Accepted 23.11.2023

Трансформация миграционной политики Австралии в период пандемии COVID-19

Анастасия Станиславовна Киселёва

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, nastya20001227@gmail.com

Аннотация: В данном исследовании освещается трансформация миграционной политики Австралии в период пандемии COVID-19. В фокусе исследования находятся факторы, которые оказывают влияние на изменения политики, включая вызовы в государственной политике в области регулирования иммиграции, экономические аспекты и социальные последствия. Автором проводится анализ социально-культурных и экономических последствий указанных изменений с выделением их краткосрочных и долгосрочных последствий. Полученные данные способствуют более глубокому пониманию политических мер реагирования на кризис и формированию будущих стратегий в области управления миграцией и общественным здравоохранением.

Ключевые слова: *австралийская миграционная политика, COVID-19, визовые категории, Австралия, мигранты*

Для цитирования: Киселёва А. С. Трансформация миграционной политики Австралии в период пандемии COVID-19 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 147–163. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/147-163>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/147-163>

Transformation of Australian migration policy during the COVID-19 pandemic

Anastasia S. Kiseleva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, nastya20001227@gmail.com

Abstract: This study highlights the transformation of Australia's migration policy during the COVID-19 pandemic. The research focuses on factors that influence policy changes, including challenges in government policy in the field of immigration regulation, economic aspects, and social consequences. The author analyzes the socio-cultural and economic consequences of these changes, bringing out their short-term and long-term consequences. The data obtained contribute to a deeper understanding of policy responses to the crisis and the formation of future strategies in the field of migration management and public health.

Key words: *Australian migration policy, COVID-19, visa categories, Australia, migrants*

For citation: Kiseleva A. S. Transformation of Australian migration policy during the COVID-19 pandemic // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 147–163. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/147-163>

COVID-19 значительно повлиял на жизнь временных мигрантов в Австралии. В связи с ограничениями на международные путешествия многие из них не смогли вернуться на родину, потеряли работу или столкнулись с изменениями в визовых правилах. В ответ на пандемию правительство Австралии внесло некоторые изменения в визовые правила с целью улучшить положение временных мигрантов. Следовательно, научная актуальность заключается в изучении динамической взаимосвязи между кризисами общественно-здравоохранения, национальной политикой и перемещением населения. Эта тема охватывает несколько ключевых областей научных исследований и может способствовать нашему пониманию следующим образом. Во-первых, миграционная политика играет решающую роль в формировании социального, экономического и культурного ландшафта страны. Трансформация миграционной политики Австралии во время пандемии дает возможность изучить процессы принятия решений и факторы, повлиявшие на изменения политики. Это исследование может внести свой вклад в области управления и изучения политики, изучая влияние кризисных ситуаций на формулирование, реализацию и оценку политики. Во-вторых, отметим социально-экономические последствия. Миграция тесно связана с социально-экономическими факторами, включая рынки труда, экономический рост и демографические изменения. Понимание того, как изменилась миграционная политика Австралии во время пандемии COVID-19, может пролить свет на краткосрочные и долгосрочные социально-экономические последствия. Этот анализ может помочь определить проблемы, с которыми сталкиваются различные секторы экономики, оценить устойчивость рынков труда и предоставить информацию для стратегий восстановления и разработки будущей политики. В-третьих, это гуманитарные соображения. Пандемия создала уникальные проблемы для уязвимых групп населения, включая беженцев, просителей убежища и временных мигрантов. Изучение трансформации миграционной политики

Австралии может дать представление о влиянии ограничительных мер на эти группы и выявить этические и правозащитные аспекты политических решений. Это исследование может внести вклад в область гуманитарных исследований и послужить основой для дискуссий об инклюзивной и справедливой миграционной политике во время кризиса. В целом рассмотрение проблемы трансформации миграционной политики в условиях пандемии находится в процессе развития и является актуальным.

Цель исследования состоит в рассмотрении визовых изменений как инструмента миграционной политики, предпринятых правительством Австралии с момента объявления о закрытии государственных границ по причине распространения коронавирусной инфекции и до настоящего времени.

Можно сформулировать несколько гипотез для изучения трансформации миграционной политики Австралии во время пандемии COVID-19.

Гипотеза 1: пандемия COVID-19 привела к ужесточению мер пограничного контроля и снижению уровня миграции в Австралии. Эта гипотеза предполагает, что в ответ на пандемию Австралия ввела более строгую политику пограничного контроля, включая ограничения на поездки, приостановку действия виз и сокращение миграционных квот. Согласно гипотезе, на указанные изменения в миграционной политике повлияли проблемы общественного здравоохранения и необходимость ограничить распространение вируса.

Гипотеза 2: во время пандемии COVID-19 экономические факторы оказались важными при определении миграционной политики Австралии. Эта гипотеза подразумевает, что экономические факторы, такие как влияние пандемии на рынки труда и экономический рост, повлияли на трансформацию миграционной политики Австралии. Соответственно, изменения в политике были вызваны соображениями защиты внутренней занятости и приоритетом восстановления экономики.

Гипотеза 3: изменения миграционной политики Австралии во время пандемии COVID-19 повлияли на гуманитарные и этические соображения. Данная гипотеза учитывает тот факт, что трансформация миграционной политики Австралии во время пандемии имела последствия для гуманитарных и этических аспектов. Полагается, что ограничительные меры могли несоразмерно затронуть уязвимые группы населения, такие как беженцы, просители убежища и временные мигранты, поднимая вопросы об этических последствиях приоритета общественного здравоохранения над гуманитарными обязательствами.

Эти гипотезы служат отправной точкой для нашего научного исследования темы и могут быть проверены посредством анализа данных и изучения программных документов и правительственных решений.

Теоретическим обоснованием работы является институциональная теория Д. Норта, которая уделяет основное внимание роли государства в формировании иммиграционной политики в качестве значимого актора её регулирования. Согласно данной теории, государственный аппарат и подчиняющиеся ему специальные бюро склонны к самостоятельности в принятии решений, в частности касающихся безопасности страны [1]. Принято считать, что возникновение общественных потребностей в новых типах социальной деятельности является предпосылкой для запуска процесса институционализации. Угроза распространения коронавирусной инфекции в данном случае является раздражителем или в нашем случае потребностью для немедленного реагирования со стороны государственного аппарата. По мнению Д. Норта, формальная сторона институционализации заключается в наличии собственной организации и её включение в область взаимодействия общества с органами власти. Следовательно, представители власти, очерчивая область прав и свобод общества, определяют форму и поле его деятельности. Иными словами, правящая элита задает новые "правила игры" для участников общественных движений [2].

В случае с Австралией правительство предприняло ряд действий, в том числе и правовых, для защиты страны и её граждан. Выступив в данном случае как наиболее значимый актор регулирования иммиграционной политики, правительству также предстояло разобраться с вопросами иммигрантов.

Для определения границ исследования стоит дать определения политике иммиграции и политике в отношении временных работников. В первом

случае правительство осуществляет политику влияния на уровень документированной иммиграции в страну, во втором – влияние на уровень иммиграции временных работников [21].

Выявлено, что на момент объявления о закрытии австралийских границ в стране всё ещё находились временные мигранты. Более того, в последующем часть из них так же продолжала оставаться в Австралии как по своей воле, так и против неё. Правительство страны предпринимало определенные меры для поддержки временных мигрантов, однако их было недостаточно, что повлекло за собой соответствующие последствия и для временных мигрантов, и для австралийского государства.

Решение автора остановиться на временных мигрантах было обусловлено открытым доступом к официальным статистическим данным владельцев виз упомянутой категории. Более того, стоит отметить, что постоянные мигранты фактически находятся на одном уровне с гражданским населением, обладая теми же правами (с некоторыми исключениями), что и австралийцы (однако всё же нельзя утверждать, что постоянный мигрант равно гражданин страны) [32]. К примеру, согласно австралийскому законодательству, постоянный мигрант не может претендовать на студенческий кредит, вступать в оборонные силы Австралии или получать постоянную работу в правительстве Австралии [22].

COVID-19 затронул практически все сферы жизни общества в мире. Поскольку пандемия и международная миграция являются глобальными явлениями, они также разделяют преобразующую общество динамику. Равно как миграция представляет собой важный фактор социальной трансформации, так и пандемия значительно влияет на устройство общества. Тем не менее особенно уязвимой частью в период коронавируса оказались временные мигранты [5].

Правительство Австралии объявило, что страна закрывает свои границы для всех нерезидентов 20 марта 2020 г. Путешествовать в Австралию могут только граждане, жители Австралии и ближайшие члены семьи (с исключениями: например, экипаж авиакомпании) [16]. Через некоторое время Скотт Моррисон, премьер-министр Австралии с 24 августа 2018 по 23 мая 2022 г. и член Либеральной партии, 3 апреля 2020 г. заявил о том, что владельцам виз, которые не в состоянии обеспечивать себя в период коронавирусной инфекции, стоит рассмотреть вариант возвращения на родину. Также Моррисон добавил, что Австралии следует сосредоточиться на своих гражданах для максимизации экономической поддержки [24].

Во время эпидемии COVID-19 главным политическим игроком в Австралии была партия либералов, управлявшая страной с 18 сентября 2013 по 23 мая 2022 г. [26]. Стоит отметить, что у двух ведущих политических партий Австралии (либералы и лейбористы) были различные точки зрения относительно стратегии по борьбе с коронавирусной инфекцией. Например, партия либералов стремилась сохранить внутренние границы открытыми как можно дольше, чтобы стимулировать восстановление экономики [8]. Либералы не одобряли решение лейбористской партии о длительном закрытии школ, считая, что это причинит серьёзный ущерб обучению, развитию и психическому здоровью детей [28]. Тем не менее важно отметить результаты опроса Австралийского национального университета, которые показали, что только 30% избирателей считали, что партия во главе со Скоттом Моррисоном успешно справилась с пандемией, в то время как лейбористы были оценены позитивно за свою работу [4]. В целом подход двух партий к управлению ситуацией с COVID-19 можно выразить следующим образом: Энтони Альбанезе, представитель Лейбористской партии, считал пандемию "основной проблемой", в то время как Скотт Моррисон утверждал, что австралийцы хотели бы оставить коронавирус позади [27].

Поскольку общественные предприятия закрыли свои двери для клиентов, многие владельцы временных виз потеряли работу и оказались в затруднительном финансовом положении. Ситуация усугубилась, когда правительство Австралии исключило временных мигрантов из пакетов поддержки

JobKeeper и JobSeeker¹, которые были введены ближе к концу марта 2020 г. [16; 39].

Согласно сводной таблице показателей владельцев временных виз, на конец марта 2020 г. в стране находилось чуть более 2 млн. временных мигрантов [52]. Помимо граждан Новой Зеландии, самая большая группа обладателей временных виз в Австралии включала иностранных студентов, временных выпускников, временных работников, спонсируемых работодателем, работающих отдыхающих (или бэкпекеров), беженцев и лиц, ищущих убежища, а также лиц, у которых просрочена виза и/или которые находятся в ожидании получения другой визы.

В дальнейшем для удобства каждая из визовых когорт будет указана в порядке убывания по количеству владельцев. Дополнительно автором было принято решение составить *таблицу 1* на основании ниже указанных данных в том же порядке.

Виза специальной категории подкласса 444 или SCV (Special Category visa) – владельцам разрешается посещать Австралию, учиться или работать в ней, если они являются гражданами Новой Зеландии и соответствуют выставленным критериям [40]. На конец марта 2020 г. в стране насчитывалось 672 432 владельца визы специальной категории (на конец марта 2021 г. – 659 254) [52].

Для помощи держателям виз данной категории правительство предприняло ряд изменений:

- Новозеландцы, которые прибыли до 26 февраля 2001 г., будут иметь доступ к социальным выплатам (JobKeeper в том числе).
- Новозеландцы, прожившие в Австралии 10 лет или более, имеют доступ к выплатам JobSeeker в течение 6 месяцев.
- Новозеландцам рекомендовалось вернуться в Новую Зеландию, если они не могут содержать себя даже в случае выплат и поддержки со стороны семьи или знакомых [23].

Далее следует студенческая виза подкласса 500, согласно которой владельцам разрешается оставаться в Австралии на протяжении всего курса обучения с возможностью работать не более 40 часов в две недели [42]. На конец марта насчитывалось 567 924 держателя студенческой визы, из которых 116 271 оставались за границей (377 785 на конец марта 2021 г.) [25; 52].

Правительство Австралии предприняло ряд мер по отношению к иностранным студентам:

- До 30 июня 2023 г. все текущие студенты имели право работать более 40 часов в две недели в любом секторе экономики [64]. 4 апреля 2020 г. постановление было отменено из-за заполнения вакантных мест австралийцами (однако студентам-медикам разрешалось работать более 40 часов, так как их работа шла на благо государства) [16].
- Студенты, прожившие в стране более 12 месяцев и оказавшиеся в затруднительном финансовом положении, имели право получить доступ к австралийской пенсии по выслуге лет².
- Студенты имели привилегии в виде студенческих скидок или пропусков занятий из-за трудного положения в связи с коронавирусной инфекцией [23].

Следующей по списку идет промежуточная виза – владельцам промежуточных виз подклассов 050, 051, 010, 020, 030 позволено оставаться в Австралии на законных основаниях до тех пор, пока не будет принято решение по поводу заявления на другую визу и не будет завершено любое соответствующее судебное рассмотрение [57]. Стоит добавить, что держателям визы подклассов 010, 020, 030 разрешено работать в случае необходимости [10; 11; 12]. ВВЕ виза (подклассы 050, 051) позволяет законно оставаться в Австралии, пока держатель готовится к отъезду, завершает иммиграционный вопрос или

¹ Пособия по социальному обеспечению (JobSeeker payment) и крупномасштабная схема субсидирования заработной платы (JobKeeper payment) [33, p. 1].

² Superannuation или пенсия по выслуге лет – австралийская пенсионная программа, согласно которой средства, внесённые на пенсионный счет работодателем, будут расти за счёт повышения курса и взносов до выхода на пенсию или вывода средств [26].

ждет решения об иммиграции [13]. Держателям BVE визы не разрешено работать [30, p. 44].

На конец марта 2020 г. в стране находилось 256 529 человек, получивших ряд промежуточных виз [52], 12 742 обладателей BVE (не включены в отчет) [53, p. 4], на конец марта 2021-го – 359 981 [52] и 37 473 (на 30.06.2021) обладателей BVE [54, p. 4].

Относительно изменений для владельцев промежуточных виз в период коронавирусной инфекции была предпринята возможность урегулирования вопроса, связанного с иммиграцией, Службой разрешения споров (SRS или The Status Resolution Service) [14].

Владельцев гостевой (или туристической) визы подкласса 600 насчитывалось 206 025 человек на конец марта 2020 г., 28 741 на конец марта 2021 г. [52]. Держателям виз подкласса 600 разрешено находиться в Австралии 3, 6 или 12 месяцев с туристическими или деловыми целями (деловые переговоры или конференции) [61].

Правительство Австралии также предприняло меры по отношению к владельцам туристической визы: заявители на гостевую визу, чья предыдущая виза истекла или истекала на момент объявления, находящиеся за пределами Австралии в период с 20.03.2020 по 31.12.2021, имели право подать заявление на получение гостевой визы с нулевым визовым сбором [17].

Далее следует временная рабочая квалифицированная виза подклассов 482 или TSS (Temporary Skill Shortage), 457, 400, 491, 489, 494. Согласно данным, 139 331 владельцев временной рабочей квалифицированной визы находились в Австралии на конец марта 2020 г., в конце марта 2021 г. их насчитывалось 104 333 человека [52].

18 апреля 2017 г. Малкольм Тернбулл, премьер-министр Австралии, и Питер Даттон, министр иммиграции и охраны границ, объявили, что виза подкласса 457 будет отменена и заменена новой визой временной нехватки навыков (подкласс 482 или TSS) [50], позволяющей работодателю спонсировать квалифицированного работника для заполнения вакансии, на которую не получается найти квалифицированного австралийца [47]. Подкласс 400 дает право выполнять краткосрочную, узкоспециализированную работу в Австралии в срок от 3 до 6-и месяцев [49]. Спонсированная региональная виза подкласса 491 – виза для квалифицированных людей, выдвинутых правительством штата для проживания и работы в региональной Австралии [37]. Виза подкласса 489 – виза для квалифицированных рабочих, которые хотят жить и работать в региональной Австралии (может быть продлена до постоянной визы подкласса 887) [36]. Виза подкласса 494 позволяет работодателям в регионах решать вопрос с нехваткой рабочей силы в своём регионе, спонсируя квалифицированных работников из-за рубежа [35].

Австралийское правительство предприняло ряд изменений для держателей виз данной категории:

- Те владельцы виз, которые были отозваны, но не уволены, сохраняли срок действия своей визы, и предприятия имели возможность продлить визу в соответствии с договорённостями. Предприятия имели право сократить время работы владельца визы без нарушения им условий получения визы.

- Владельцы виз могли получить доступ к пенсии за выслугу лет в размере до 10 000 долл. США.

- Временные рабочие, которые были уволены из-за коронавируса, должны были покинуть страну в случае невозможности найти нового спонсора. Однако если владелец визы сроком на 4 года будет повторно трудоустроен после пандемии коронавируса, его время, уже проведённое в Австралии, будет засчитываться в требования к квалифицированному опыту работы для постоянного проживания [23].

- Визы подкласса 489, 494 и 491 были продлены на 3 года, если владелец визы пострадал от ограничений COVID-19, находясь за пределами Австралии с 1.02.2020 по 14.12.2022 [60].

После временной рабочей визы по списку идет туристическая с правом работать в стране (или бэкпекеры) подклассов 417 и 462. Виза позволяет провести 12-месячный отпуск в Австралии, в течение которого разрешается проходить краткосрочную учебу или работать (обычно не более 6 месяцев у одного

Табл. 1. Владельцы виз: изменения условий и количественные показатели на март 2020-2021 гг.
Table 1. Visa holders: changes in conditions and quantitative indicators for March 2020-2021

Владельцы виз	Изменения	Количество владельцев виз на конец марта 2020 г. (тыс. чел.)	Количество владельцев виз на конец марта 2021 г. (тыс. чел.)
Подкласс 444 (новозеландцы)	Прибывшие до 26.02.2001 имеют доступ к социальным выплатам. Прожившие в Австралии 10 лет или более, имеют доступ к выплатам JobSeeker в течение 6-и месяцев. В случае отсутствия финансовой поддержки новозеландцам рекомендуется покинуть Австралию.	672 432	659 254
Подкласс 500 (иностранные студенты)	До 30.06.2023 студенты могут работать более 40 часов в две недели в любом секторе экономики (4.04.2020 это положение было отменено за исключением студентов-медиков). Пробывшие в стране более 12 месяцев могут получить доступ к австралийской пенсии по выслуге лет. Привилегии в виде скидок студентам или пропуск занятий из-за трудного положения в связи с коронавирусной инфекцией.	567 924 (116 271 остались за границей)	377 785
Подкласс 050 и 051, 010, 020, 030 (промежуточные)	Лица, сталкивающиеся с препятствиями по урегулированию вопроса, связанного с иммиграцией, и владельцы виз BVE могут получить помощь от Службы разрешения споров (SRS или The Status Resolution Service).	256 529 и 12 742 BVE (не включены в отчет)	359 981 и 37 473 (на 30.06.2021) BVE
Подкласс 600 (туристы)	Заявители на визу подкласса 600, чья предыдущая виза истекла, находясь за пределами Австралии в период с 20.03.2020-31.12.2021, имеют право подать заявление на получение гостевой визы с нулевым визовым сбором.	206 025	28 741
Подкласс 482, 457, 400, 491, 489 и 494 (временные квалифицированные работники)	Владельцы виз, которые были отозваны, но не уволены, сохраняют срок действия своей визы. Если владелец визы сроком на 4 года будет повторно трудоустроен после пандемии коронавируса, его время, уже проведенное в Австралии, будет засчитываться в требования к квалифицированному опыту работы для постоянного проживания. Предприятия имеют возможность продлить визу работнику в соответствии с договоренностями. Предприятия могут сократить время работы владельца визы без нарушения им условий получения визы. Владельцы виз могут получить доступ к пенсии за выслугу лет в размере до 10 000 долл. США. Уволенные работники должны покинуть страну в случае невозможности найти нового спонсора. Подклассы 489, 494 и 491 будут продлены на 3 года, если владелец визы пострадал от ограничений COVID-19, находясь за пределами Австралии с 1.02.2020-14.12.2022.	139 331	104 333

Владельцы виз	Изменения	Количество владельцев виз на конец марта 2020 г. (тыс. чел.)	Количество владельцев виз на конец марта 2021 г. (тыс. чел.)
Подкласс 417 и 462 (бэкпекеры)	Освобождены от 6-месячного ограничения на работу у одного работодателя и имеют право на получение дополнительной визы для продолжения работы в важных секторах, если срок действия их текущей визы истекает в течение следующих 6 месяцев.	119 266	38 630
Подкласс 485 и 476 (выпускники)	Выпускники могут получить доступ к своей австралийской пенсии по выслуге лет. Владельцы визы подкласса 476 имеют право на продление визы до 14.04.2024.	96 819	100 325
Подкласс 403, 188, 408 (временные рабочие)	Владельцы визы подкласса 403, которые не смогли осуществить поездку до закрытия границ 20.03.2020, могут вернуть сбор за оформление визы. Владельцы визы подкласса 188 имеют право подать заявление на получение подкласса 888 (постоянная виза инвестора), в том случае, если виза подкласса 188 истекла в период с 1.02.2020. В ответ на COVID-19 правительство ввело гибкие визовые процедуры для поддержания мер общественного здравоохранения Австралии в отношении визы подкласса 408. Владельцы истающих виз любого подкласса и работающие в критически важных секторах государства, могут подать заявление на получение визы указанного подкласса с соответствующими доказательствами.	40 805	39 334
Подкласс 771, 988 и 942 (экипаж и транзит)	На момент заявления (16.07.2020) экипаж может без ограничений въезжать в Австралию по соответствующей визе и покидать Австралию. Члены экипажа не подлежат обязательному 14-дневному карантину, однако нужно соблюдать самоизоляцию. Экипаж может подвергаться дополнительному государственному и территориальному карантину и контролю.	26 252	10 455
Подкласс 785 и 790 (беженцы)	Беженцы с постоянными визами могут получить доступ ко всему спектру государственной поддержки, доступной для людей, сталкивающихся с экономическими трудностями. Беженцы с временными визами для защиты не имеют права на поддержку дохода, такую как JobSeeker и JobKeeper.	17 223 по визам TPV и SHEV	18 108

Источник: составлено автором на основе: [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 21; 23; 24; 25; 29; 30; 31; 32; 33; 35; 36; 37; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 54; 55; 56; 59; 60].

Source: compiled by the author based on: [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 21; 23; 24; 25; 29; 30; 31; 32; 33; 35; 36; 37; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 54; 55; 56; 59; 60].

работодателя) [63;65]. На конец марта 2020 г. в стране насчитывалось 119 266 держателей виз данной категории, на конец марта 2021 г. – 38 630 [52].

Данная визовая категория, чьи владельцы работали в важнейших секторах Австралии, была освобождена от шестимесячного ограничения на работу у одного работодателя и имела право на получение дополнительной визы для продолжения работы в этих секторах, если срок действия текущей визы истекал в течение следующих шести месяцев [23].

Владельцев визы выпускника подклассов 485 и 476 на конец марта 2020 г. насчитывалось 96 819 [52] (часть из них находилась за рубежом [55]). На конец марта 2021 г. количество возросло до 100 325 человек [52].

Виза подкласса 485 предназначена для иностранных студентов, которые недавно получили диплом в австралийском учебном заведении. Она позволяет жить, работать и учиться в Австралии определенное время [45]. Владельцы визы утверждают, что за это время можно набраться опыта в стране и улучшить свой английский [7]. Виза подкласса 476 позволяет недавним выпускникам инженерных специальностей жить, работать или учиться в Австралии до 18-и месяцев [38].

Во время COVID-19 выпускники столкнулись с трудностями в поиске и сохранении работы, что помешало им приобрести соответствующий опыт или отношения с потенциальным работодателем-спонсором, необходимые для продолжения карьерного пути [9]. Тем не менее ряд изменений был принят австралийским правительством по отношению к владельцам визы выпускника:

- Выпускники имели право получить доступ к своей австралийской пенсии по выслуге лет [23].

- Владельцы визы подкласса 476 имели право на продление визы из-за COVID-19 до 14.04.2024. Условия: виза подкласса 476 должна была быть выдана до 14.12.2021 или истекала начиная с 1.02.2020; либо в том случае, когда при получении визы подкласса 476 лица находились за пределами Австралии в период с 1.02.2020 – 14.12.2021 [38].

Следом идет временная рабочая виза подклассов 403, 188, 408, владельцев которой на конец марта 2020 г. насчитывалось 40 805 человек (конец марта 2021 г. – 39 334 человека) [52].

Подкласс 403 – виза, позволяющая работать в Австралии на условиях двустороннего соглашения между правительством Австралии и правительством другой страны [48]. Виза инвестора подкласса 188 позволяет управлять бизнесом, вести деловую и инвестиционную деятельность в Австралии [15]. Виза временной деятельности подкласса 408 позволяет приехать в Австралию для выполнения определённых видов работ на краткосрочной временной основе [44].

Виза данной категории претерпевала следующие изменения:

- Владельцы визы подкласса 403, которые не смогли осуществить поездку до закрытия границ 20.03.2020, могли вернуть сбор за оформление визы [17].

- Владельцы визы подкласса 188 имели право подать заявление на получение подкласса 888 (постоянная виза инвестора), в том случае, если виза подкласса 188 истекла в период с 1.02.2020 [18].

- В ответ на COVID-19 правительство ввело гибкие визовые процедуры для поддержания мер общественного здравоохранения Австралии в отношении визы подкласса 408 (COVID-19 Pandemic event visa). К примеру, владельцы истекающих виз любого подкласса и работающие в критически важных секторах государства, могли подать заявление на получение визы указанного подкласса с соответствующими доказательствами [59].

Владельцев транзитных визы или визы экипажа подклассов 771, 988 и 942 на конец марта 2020 г. насчитывалось 26 252 человека (на конец марта 2021 г. – 10 455 человек) [52].

Виза подкласса 771 позволяет людям находиться в Австралии до 72 часов, прежде чем они должны покинуть Австралию [56]. Виза подкласса 988 предназначена для иностранного экипажа на невоенных судах [29]. Виза подкласса 492 – это электронная иммиграционная карта в рамках виз специального назначения для сотрудников иностранных авиакомпаний, которые

путешествуют в Австралию и из неё по делам, но не имеют австралийских или новозеландских паспортов или действительных австралийских виз [19].

Следующие изменения были предприняты по отношению к владельцам транзитных виз:

- Экипаж мог въезжать в Австралию по соответствующей визе и покидать Австралию.
- Члены экипажа не подлежали обязательному 14-дневному карантину, однако они должны были соблюдать требования к самоизоляции.
- Экипаж мог подвергаться дополнительному государственному и территориальному карантину и контролю [51].

Список завершает гуманитарная виза подклассов 785 и 790, владельцы которой оцениваются в 17 223 беженца по визам TPV и SHEV (временные защитные визы) на конец марта 2020 г [52]. В целом насчитывалось около 61 400 человек, находившиеся на разных этапах процесса защиты [20]. На конец марта 2021 г. количество беженцев составляло 18 108 человек [52].

В соответствии с Конвенцией о беженцах и другими международными договорами Австралия не может высылать беженцев и других лиц, имеющих право на защиту по соображениям прав человека [62, p. 204]. Согласно австралийскому законодательству, только те, кто прибывает в Австралию с разрешением (т. е. по действительной визе), имеют право подать заявление на получение постоянной защитной визы. Те, кто прибыл в Австралию без визы (на лодке, к примеру), могут подать заявление только на одну временную защитную визу двух типов: Временная защитная виза (TPV или Temporary Protection visa) [46], которая действительна в течение 3 лет, и виза подкласса 790 (SHEV или Safe Haven Enterprise visa) [34], которая действительна в течение 5 лет. Обе визы включают право на работу.

Последовавшие изменения:

- Беженцы с постоянными визами могли получить доступ ко всему спектру государственной поддержки, доступной для людей, сталкивающихся с экономическими трудностями.
- Беженцы с временными визами для защиты не имели права на поддержку дохода, такую как JobSeeker и JobKeeper [41].

Результаты изучения материала показали, что в целом исследование о временных мигрантах в Австралии во время пандемии COVID-19 весьма актуально не только для Австралии, но и для всего мирового сообщества. Это может дать ценную информацию о проблемах и уязвимостях, с которыми сталкиваются временные мигранты во время пандемии, и послужить основой для политики, направленной на удовлетворение их потребностей.

Гипотезы, выдвинутые автором исследования, подтвердились. Пандемия COVID-19 действительно привела к ужесточению мер пограничного контроля и снижению уровня миграции в Австралии. В ответ на пандемию Австралия ввела ограничения на поездки и ужесточила меры пограничного контроля, чтобы сдержать распространение вируса. Более того, во время пандемии COVID-19 экономические факторы сыграли значительную роль в определении миграционной политики Австралии. Австралия традиционно полагалась на миграцию для поддержки своей экономики и удовлетворения потребностей рынка труда. Однако пандемия привела к широкомасштабным экономическим сбоям, в ответ на которые австралийское правительство скорректировало свою миграционную политику с учетом меняющихся условий. Однако важно отметить, что влияние на гуманитарные и этические аспекты вызывает различные точки зрения. Предметом дискуссий являются последствия этих изменений, которые подчёркивают сложности, связанные с реализацией миграционной политики в период глобального кризиса.

В общей сложности на конец марта 2020 г. самыми распространенными визами являлись: виза специальной категории для новозеландцев, студенческая виза, туристическая, промежуточная и туристическая с правом работать в стране. В доказательство подтверждения гипотезы о снижении уровня иммиграции стоит отметить, что на март 2021 г. показатели владельцев виз снизились для некоторых категорий критически: например, туристическая виза понесла потери в 177 284 человека; студенческая оценивается в минус 190 139 человек; туристическая виза с правом работать в стране потеряла 80 636 человек. Однако некоторые категории ушли в плюс – владельцев промежуточных

виз стало больше на 103 452 человека; владельцев визы временной защиты и визы выпускника стало больше на 885 и 3506 соответственно.

Можно предположить, что ситуация сложилась подобным образом из-за правительственных мероприятий, нацеленных на борьбу с коронавирусом. Страна закрылась для туристов, а студенты попали в затруднительную ситуацию, где было трудно как оставаться в стране, так и покинуть ее [9]. Важно отметить и тот факт, что у владельцев виз выпускника нет ограничения на работу в 40 часов в две недели, в отличие от студенческой визы, что заметно усложняет финансовое положение вторых, особенно в кризисное время. Резкий рост держателей промежуточной визы объясняется увеличением времени обработки заявлений для подачи виз разных категорий вследствие пограничных ограничений из-за COVID-19. В действительности люди дольше обычного стояли в очередях, чтобы оформить другую визу, оставаясь в Австралии по промежуточной [6].

Несмотря на то, что некоторые категории временных виз имели право на финансовую поддержку в виде австралийской пенсии по выслуге лет (подкласс 500, 485, 444, 457 (теперь 482), 417, 462) и JobKeeper/JobSeeker (только подкласс 444), этого было недостаточно, что побуждало владельцев остальных категорий виз (указанных выше в том числе) работать больше положенного и иногда даже не самым безопасным путем [9, p. 31–34; 38].

Большая часть владельцев временных виз не стала покидать Австралию после объявления о закрытии границ в силу недоступности рейсов и их стоимости. Также наблюдались ситуации, когда люди не могли вернуться домой из-за закрытия границ транзитных стран или ограничений на поездки внутри родной страны. Большая же часть не хотела терять инвестиции, которые они сделали в учебу или работу в Австралии, так как боялись больше не вернуться в страну [9, p. 6].

Высказывание премьер-министра Скотта Моррисона вызвало обсуждение разного характера как среди самих временных мигрантов, так и в мировом сообществе. Не все нейтрально восприняли обращение к мигрантам покинуть Австралию из-за невозможности самообеспечения [9]. В данной ситуации представляется важным обратиться к мнению экспертов ООН Фелипе Гонсалес Моралес и Марии Грации Джаммаринаро, которые утверждают, что каждый человек, независимо от его миграционного статуса, должен быть обеспечен поддержкой и защитой [58].

С точки зрения институциональной теории Д. Норта органы власти выполнили возникшую перед ними задачу, предприняв определенные действия, в том числе стимулировав изменения в визовых правилах. Вместе с тем действия правительства Австралии, направленные на поддержание австралийского общества и временных мигрантов в рамках борьбы с коронавирусной инфекцией трудно оценивать с точки зрения эффективности. Как выразилась Скоробогатых Н. С.: "... опыт борьбы с пандемией COVID-19 в Австралии был весьма успешен. Но в то же время он оставляет больше вопросов, чем ответов" [3].

Однако стоит отметить быструю реакцию на возникающие вызовы и четкую позицию государства относительно приоритета в сторону собственных граждан. Тем не менее концентрация на помощи жителям собственного государства серьезно ударила по имиджу страны, что, в свою очередь, мотивирует рассмотреть вопрос поддержки временных мигрантов более детально в сравнении с политиками других государств в период COVID-19.

Литература

1. Кропачев С.М. Современные теоретические подходы к изучению иммиграционной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 83–90.
2. Скобелина Н.А. Методология институционализма в исследовании общественных движений // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 401–407.
3. Скоробогатых Н.С. Коронавирус в Австралии // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2020. № 2. С. 102–130.

4. Albanese has let Australian voters down on COVID-19 // Official website of Japan-based English-language weekly news magazine Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Albanese-has-let-Australian-voters-down-on-COVID-19> (дата обращения: 05.07.2023).

5. Annual Report of National Skills Commission, 2021 // Australian Government. URL: <https://www.nationalskillscommission.gov.au/reports/state-australias-skills-2021-now-and-future/chapter-6-labour-market-skills-needs> (дата обращения: 05.07.2023).

6. Arora A. Australia's bridging visas hit historic high; experts, applicants call for faster processing // SBS News. 2021. URL: <https://www.sbs.com.au/language/punjabi/en/podcast-episode/australias-bridging-visas-hit-historic-high-experts-applicants-call-for-faster-processing/iwfrmcucj> (дата обращения: 05.07.2023).

7. Australia post-study work visa: More than just a pathway to PR, report // Official website of Study International. 2019. URL: <https://www.studyinternational.com/news/australia-post-study-work-visa-more-than-just-a-pathway-to-pr-report/> (дата обращения: 05.07.2023).

8. Australian Labor Party claims victory in COVID-dominated race in Queensland // Official website of the International News Agency Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-health-coronavirus-australia-election-idUSKBN27H0Y5> (дата обращения: 05.07.2023).

9. Berg L., Farbenblum B., Huang Yuxiang., Lee D., Saleh S., Sharma A., Kintominas A. As if we weren't humans: The abandonment of temporary migrants in Australia during COVID-19 // Migrant Worker Justice Initiative. 2020. URL: <https://opus.lib.uts.edu.au/bitstream/10453/142965/2/As%20if%20we%20weren't%20humans%20Report.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

10. Bridging visa A (BVA), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-a-010#Overview> (дата обращения: 05.07.2023).

11. Bridging visa B (BVB), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-b-020> (дата обращения: 05.07.2023).

12. Bridging visa C (BVC), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-c-030> (дата обращения: 05.07.2023).

13. Bridging visa E (BVE), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-e-050-051> (дата обращения: 05.07.2023).

14. Bridging visas and COVID-19 // Official website of VisaEnvoy Migration Agents Melbourne. URL: <https://visaenvoy.com/bridging-visas-and-covid-19/> (дата обращения: 05.07.2023).

15. Business Innovation and Investment (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/business-innovation-and-investment-188> (дата обращения: 05.07.2023).

16. Campbell K., Vines E. COVID-19: a chronology of Australian Government announcements (up until 30 June 2020) / Parliamentary Library Research Paper Series. 2021. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp2021/Chronologies/COVID-19AustralianGovernmentAnnouncements (дата обращения: 05.07.2023).

17. COVID-19 Concessions // Official website of This is Australia. URL: <https://www.thisisaustralia.com/covid/covid-19-visa-concessions/> (дата обращения: 05.07.2023).

18. COVID-19 concessions for business visas // Official website of VisaEnvoy Migration Agents Melbourne. URL: <https://visaenvoy.com/covid-19-concessions-for-business-visas/> (дата обращения: 05.07.2023).

19. Crew Travel Authority // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/crew-travel-authority-942> (дата обращения: 05.07.2023).

20. Dale S. All in this together? The impact of COVID-19 on refugees and people seeking asylum // Community Legal Centres NSW. URL: <https://www.clcnsw.org.au/all-together-impact-covid-19-refugees-and-people-seeking-asylum> (дата обращения: 05.07.2023).

21. Definitions of migration policy variables, International Migration Policies: Government Views and Priorities // Official website of United Nations Department of Economic and Social Affairs. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/InternationalMigrationPolicies2013/Report%20PDFs/d_definitions%20of%20migration%20policy%20variables.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

22. Entitlements of an Australian permanent resident, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/permanent-resident/entitlements> (дата обращения: 05.07.2023).

23. Former Acting Minister for Immigration, Citizenship, Migrant Services and Multicultural Affairs Alan Tudge has released arrangements during the coronavirus crisis, April 4, 2020 // Official website of Australian Government. URL: <https://minister.homeaffairs.gov.au/alantudge/Pages/Coronavirus-and-Temporary-Visa-holders.aspx> (дата обращения: 05.07.2023).

24. Gibson J., Moran A. As coronavirus spreads, 'it's time to go home' Scott Morrison tells visitors and international students // ABS News. 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-04-03/coronavirus-pm-tells-international-students-time-to-go-to-home/12119568> (дата обращения: 05.07.2023).
25. HURL:ey P. International students are returning to Australia, but they are mostly going to more prestigious universities // The Conversation. 2022. URL: <https://theconversation.com/international-students-are-returning-to-australia-but-they-are-mostly-going-to-more-prestigious-universities-193391> (дата обращения: 05.07.2023).
26. Infosheet 22 – Political parties // Official website of the Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/House_of_Representatives/Powers_practice_and_procedure/00_-_Infosheets/Infosheet_22_-_Political_parties (дата обращения: 05.07.2023).
27. Labor to consider new national Covid strategy to reduce deaths // Official website of the daily British newspaper The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/may/18/labor-to-consider-new-national-covid-strategy-to-reduce-deaths> (дата обращения: 05.07.2023).
28. Labor's failure to investigate States over COVID-19 school closures fails every Australian family // Official website of the Liberal Party of Australia. URL: <https://www.liberal.org.au/latest-news/2023/09/25/labors-failure-investigate-states-over-covid-19-school-closures-fails-every> (дата обращения: 05.07.2023).
29. Maritime Crew visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/maritime-crew-988#Overview> (дата обращения: 05.07.2023).
30. Markus A., Taylor J. No work, no income, no Medicare – the bridging Visa E regime // People and Place. 2006. Vol.14. № 1. P. 43–52.
31. Nevil S. Superannuation: What It Is, How It Works, Types of Plans // Investopedia financial media website. 2022. URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/superannuation.asp> (дата обращения: 05.07.2023).
32. Nicholson K. The difference between being a permanent resident and a citizen / Official website of Migronis LLC. 2021. URL: <https://migronis.com/blog/the-difference-between-being-a-permanent-resident-and-a-citizen> (дата обращения: 05.07.2023).
33. Phillips B., Gray M., Biddle N. COVID-19 JobKeeper and JobSeeker impacts on poverty and housing stress under current and alternative economic and policy scenarios // Australian National University. 2020. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/213186/1/Impact_of_Covid19_JobKeeper_and_Jobseeker_measures_on_Poverty_and_Financial_Stress_FINAL.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
34. Safe Haven Enterprise visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/safe-haven-enterprise-790> (дата обращения: 05.07.2023).
35. Skilled Employer Sponsored Regional (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-employer-sponsored-regional-494> (дата обращения: 05.07.2023).
36. Skilled Regional (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-regional-provisional-489> (дата обращения: 05.07.2023).
37. Skilled Work Regional (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-work-regional-provisional-491> (дата обращения: 05.07.2023).
38. Skilled-Recognised Graduate visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-recognition-graduate-476> (дата обращения: 05.07.2023).
39. Smoleniec B., Truu M. 'No excuse' not to extend JobKeeper to temporary migrants, casuals after \$60 billion bungle: advocacy groups // SBS News. – 2020. URL: <https://www.sbs.com.au/news/article/no-excuse-not-to-extend-jobkeeper-to-temporary-migrants-casuals-after-60-billion-bungle-advocacy-groups/74il1rwbb> (дата обращения: 05.07.2023).
40. Special Category visa (SCV), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/special-category-visa-subclass-444> (дата обращения: 05.07.2023).
41. Spinks H. Seeking asylum in the time of coronavirus: COVID-19 pandemic effects on refugees and people seeking asylum // Official website of Parliament of Australia. 2020. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/FlagPost/2020/May/COVID-19_-_impacts_on_refugees_and_asylum_seekers (дата обращения: 05.07.2023).
42. Student visa, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/student-500#Overview> (дата обращения: 05.07.2023).
43. Subclass 457/482 visa holders, accessing Superannuation and changes in visa conditions // AHWC Immigration Law. URL: <https://ahwc.com.au/australian-immigration-news/media-release-updates-subclass-457-482-visa-holders-accessing-superannuation-and-changes-in-visa-conditions/> (дата обращения: 05.07.2023).

44. Temporary Activity visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-activity-408> (дата обращения: 05.07.2023).
45. Temporary Graduate visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-graduate-485/> (дата обращения: 05.07.2023).
46. Temporary Protection visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-protection-785> (дата обращения: 05.07.2023).
47. Temporary Skill Shortage visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-skill-shortage-482> (дата обращения: 05.07.2023).
48. Temporary Work (International Relations) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-work-403> (дата обращения: 05.07.2023).
49. Temporary Work (Short Stay Specialist) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-work-400#Overview> (дата обращения: 05.07.2023).
50. Temporary Work (Skilled) visa (subclass 457) // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/repeated-visas/temporary-work-skilled-457> (дата обращения: 05.07.2023).
51. The Department answered questions regarding maritime crew changes in Australia, July 16, 2020 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://shippingaustralia.com.au/wp-content/uploads/2020/10/20200716-Maritime-Crew-Changes-FAQs.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
52. The Department of Home Affairs of Australia has released a quarterly snapshot of all temporary entrants and New Zealand citizens present in Australia at a particular date // Department of Home Affairs of Australia. URL: <https://www.data.gov.au/dataset/ds-dga-ab245863-4dea-4661-a334-71ee15937130/details?q=Temporary%20Visa%20Holders> (дата обращения: 05.07.2023).
53. The Department of Home Affairs of Australia has released an overview of the number of illegal maritime arrivals (IMAs) who have been granted a Bridging E visa (BVE), March 31, 2020 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/illegal-maritime-arrivals-bve-march-2020.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
54. The Department of Home Affairs of Australia has released an overview of the number of illegal maritime arrivals (IMAs) who have been granted a Bridging E visa (BVE), June 31, 2021 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/illegal-maritime-arrivals-bve-30-jun-2021.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
55. The Department of Home Affairs of Australia has released an overview of Student visa and temporary Graduate visa program, June 30, 2020 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/student-temporary-grad-program-report-june-2020.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
56. Transit visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/transit-771> (дата обращения: 05.07.2023).
57. Travel on a bridging visa, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/entering-and-leaving-australia/travelling-and-your-visa/travel-on-a-bridging-visa> (дата обращения: 05.07.2023).
58. UN experts call on Governments to adopt urgent measures to protect migrants and trafficked persons in their response to COVID-19, April 3, 2020 // Official website of United Nations. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2020/04/un-experts-call-governments-adopt-urgent-measures-protect-migrants-and> (дата обращения: 05.07.2023).
59. Update on 408 visa for covid-19 pandemic // Official website of VisaEnvoy Migration Agents Melbourne. URL: <https://visaenvoy.com/update-on-408-visa-for-covid-19-pandemic/> (дата обращения: 05.07.2023).
60. Visa extensions for Skilled Regional (Provisional) visa holders // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. 2022. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/news-media/archive/article?itemId=826> (дата обращения: 05.07.2023).
61. Visitor visa, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/visitor-600> (дата обращения: 05.07.2023).
62. Weis P. The Refugee Convention, 1951. The travaux préparatoires analysed, with a commentary by the late Dr. Paul Weis / VRÜ Verfassung und Recht in Übersee 32.3. 1999. URL: <https://www.unhcr.org/4ca34be29.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
63. Work and Holiday // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/work-holiday-462> (дата обращения: 05.07.2023).

64. Work restrictions for student visa holders, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/student-500/temporary-relaxation-of-working-hours-for-student-visa-holders> (дата обращения: 05.07.2023).

65. Working Holiday visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/work-holiday-417>. (дата обращения: 05.07.2023).

References

1. Kropachev S.M. Modern theoretical approaches to the study of immigration policy // Vestnik, St. Petersburg University. International relations. 2015. No. 3. P. 83–90. (In Russ.).
2. Skobelina N.A. Methodology of institutionalism in the study of social movements // Vestnik, St. Petersburg University. 2010. No. 1. P. 401–407. (In Russ.).
3. Skorobogatikh N.S. Coronavirus in Australia // Southeast Asia: actual problems of development. 2020. No. 2. P. 102–130. (In Russ.).
4. Albanese has let Australian voters down on COVID-19 // Official website of Japan-based English-language weekly news magazine Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Albanese-has-let-Australian-voters-down-on-COVID-19> (accessed 05.07.2023).
5. Annual Report of National Skills Commission, 2021 // Australian Government. URL: <https://www.nationalskillscommission.gov.au/reports/state-australias-skills-2021-now-and-future/chapter-6-labour-market-skills-needs> (accessed 05.07.2023).
6. Arora A. Australia's bridging visas hit historic high; experts, applicants call for faster processing // SBS News. 2021. URL: <https://www.sbs.com.au/language/punjabi/en/podcast-episode/australias-bridging-visas-hit-historic-high-experts-applicants-call-for-faster-processing/iwfrmcucj> (accessed 05.07.2023).
7. Australia post-study work visa: More than just a pathway to PR, report // Official website of Study International. – 2019. URL: <https://www.studyinternational.com/news/australia-post-study-work-visa-more-than-just-a-pathway-to-pr-report/> (accessed 05.07.2023).
8. Australian Labor Party claims victory in COVID-dominated race in Queensland // Official website of the International News Agency Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-health-coronavirus-australia-election-idUSKBN27H0Y5> (accessed 05.07.2023).
9. Berg L., Farbenblum B., Huang Yuxiang., Lee D., Saleh S., Sharma A., Kintominas A. As if we weren't humans: The abandonment of temporary migrants in Australia during COVID-19 // Migrant Worker Justice Initiative. 2020. URL: <https://opus.lib.uts.edu.au/bitstream/10453/142965/2/As%20if%20we%20weren't%20humans%20Report.pdf> (accessed 05.07.2023).
10. Bridging visa A (BVA), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-a-010#Overview> (accessed 05.07.2023).
11. Bridging visa B (BVB), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-b-020> (accessed 05.07.2023).
12. Bridging visa C (BVC), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-c-030> (accessed 05.07.2023).
13. Bridging visa E (BVE), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/bridging-visa-e-050-051> (accessed 05.07.2023).
14. Bridging visas and COVID-19 // Official website of VisaEnvoy Migration Agents Melbourne. URL: <https://visaenvoy.com/bridging-visas-and-covid-19/> (accessed 05.07.2023).
15. Business Innovation and Investment (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/business-innovation-and-investment-188> (accessed 05.07.2023).
16. Campbell K., Vines E. COVID-19: a chronology of Australian Government announcements (up until 30 June 2020) / Parliamentary Library Research Paper Series. 2021. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp2021/Chronologies/COVID-19AustralianGovernmentAnnouncements (accessed 05.07.2023).
17. COVID-19 Concessions // Official website of This is Australia. URL: <https://www.thisisaustralia.com/covid/covid-19-visa-concessions/> (accessed 05.07.2023).
18. COVID-19 concessions for business visas // Official website of VisaEnvoy Migration Agents Melbourne. URL: <https://visaenvoy.com/covid-19-concessions-for-business-visas/> (accessed 05.07.2023).
19. Crew Travel Authority // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/crew-travel-authority-942> (accessed 05.07.2023).

20. Dale S. All in this together? The impact of COVID-19 on refugees and people seeking asylum // Community Legal Centres NSW. URL: <https://www.clcnsw.org.au/all-together-impact-covid-19-refugees-and-people-seeking-asylum> (accessed 05.07.2023).
21. Definitions of migration policy variables, International Migration Policies: Government Views and Priorities // Official website of United Nations Department of Economic and Social Affairs. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/InternationalMigrationPolicies2013/Report%20PDFs/d_definitions%20of%20migration%20policy%20variables.pdf (accessed 05.07.2023).
22. Entitlements of an Australian permanent resident, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/permanent-resident/entitlements> (accessed 05.07.2023).
23. Former Acting Minister for Immigration, Citizenship, Migrant Services and Multicultural Affairs Alan Tudge has released arrangements during the coronavirus crisis, April 4, 2020 // Official website of Australian Government. URL: <https://minister.homeaffairs.gov.au/alantudge/Pages/Coronavirus-and-Temporary-Visa-holders.aspx> (accessed 05.07.2023).
24. Gibson J., Moran A. As coronavirus spreads, 'it's time to go home' Scott Morrison tells visitors and international students // ABS News. 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-04-03/coronavirus-pm-tells-international-students-time-to-go-to-home/12119568> (accessed 05.07.2023).
25. HURL:ey P. International students are returning to Australia, but they are mostly going to more prestigious universities // The Conversation. – 2022. URL: <https://theconversation.com/international-students-are-returning-to-australia-but-they-are-mostly-going-to-more-prestigious-universities-193391> (accessed 05.07.2023).
26. Infosheet 22 – Political parties // Official website of the Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/House_of_Representatives/Powers_practice_and_procedure/00_-_Infosheets/Infosheet_22_-_Political_parties (accessed 05.07.2023).
27. Labor to consider new national Covid strategy to reduce deaths // Official website of the daily British newspaper The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/may/18/labor-to-consider-new-national-covid-strategy-to-reduce-deaths> (accessed 05.07.2023).
28. Labor's failure to investigate States over COVID-19 school closures fails every Australian family // Official website of the Liberal Party of Australia. URL: <https://www.liberal.org.au/latest-news/2023/09/25/labors-failure-investigate-states-over-covid-19-school-closures-fails-every> (accessed 05.07.2023).
29. Maritime Crew visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/maritime-crew-988#Overview> (accessed 05.07.2023).
30. Markus A., Taylor J. No work, no income, no Medicare – the bridging Visa E regime // People and Place. 2006. Vol.14. № 1. P. 43–52.
31. Nevil S. Superannuation: What It Is, How It Works, Types of Plans // Investopedia financial media website. 2022. URL: <https://www.investopedia.com/terms/s/superannuation.asp> (accessed 05.07.2023).
32. Nicholson K. The difference between being a permanent resident and a citizen / Official website of Migronis LLC. – 2021. URL: <https://migronis.com/blog/the-difference-between-being-a-permanent-resident-and-a-citizen> (accessed 05.07.2023).
33. Phillips B., Gray M., Biddle N. COVID-19 JobKeeper and JobSeeker impacts on poverty and housing stress under current and alternative economic and policy scenarios // Australian National University. 2020. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/213186/1/Impact_of_Covid19_JobKeeper_and_Jobseeker_measures_on_Poverty_and_Financial_Stress_FINAL.pdf (accessed 05.07.2023).
34. Safe Haven Enterprise visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/safe-haven-enterprise-790> (accessed 05.07.2023).
35. Skilled Employer Sponsored Regional (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-employer-sponsored-regional-494> (accessed 05.07.2023).
36. Skilled Regional (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-regional-provisional-489> (accessed 05.07.2023).
37. Skilled Work Regional (Provisional) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-work-regional-provisional-491> (accessed 05.07.2023).
38. Skilled-Recognised Graduate visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/skilled-recognition-graduate-476> (accessed 05.07.2023).
39. Smoleniec B., Truu M. 'No excuse' not to extend JobKeeper to temporary migrants, casuals after \$60 billion bungle: advocacy groups // SBS News. 2020. URL: <https://www.sbs.com.au/news/article/no-excuse-not-to-extend-jobkeeper-to-temporary-migrants-casuals-after-60-billion-bungle-advocacy-groups/74il1rwb> (accessed 05.07.2023).

40. Special Category visa (SCV), Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/special-category-visa-subclass-444> (accessed 05.07.2023).
41. Spinks H. Seeking asylum in the time of coronavirus: COVID-19 pandemic effects on refugees and people seeking asylum // Official website of Parliament of Australia. – 2020. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/FlagPost/2020/May/COVID-19_-_impacts_on_refugees_and_asylum_seekers (accessed 05.07.2023).
42. Student visa, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/student-500#Overview> (accessed 05.07.2023).
43. Subclass 457/482 visa holders, accessing Superannuation and changes in visa conditions // AHWC Immigration Law. URL: <https://ahwc.com.au/australian-immigration-news/media-release-updates-subclass-457-482-visa-holders-accessing-superannuation-and-changes-in-visa-conditions/> (accessed 05.07.2023).
44. Temporary Activity visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-activity-408> (accessed 05.07.2023).
45. Temporary Graduate visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-graduate-485/> (accessed 05.07.2023).
46. Temporary Protection visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-protection-785> (accessed 05.07.2023).
47. Temporary Skill Shortage visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-skill-shortage-482> (accessed 05.07.2023).
48. Temporary Work (International Relations) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-work-403> (accessed 05.07.2023).
49. Temporary Work (Short Stay Specialist) visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/temporary-work-400#Overview> (accessed 05.07.2023).
50. Temporary Work (Skilled) visa (subclass 457) // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/repealed-visas/temporary-work-skilled-457> (accessed 05.07.2023).
51. The Department answered questions regarding maritime crew changes in Australia, July 16, 2020 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://shipping-australia.com.au/wp-content/uploads/2020/10/20200716-Maritime-Crew-Changes-FAQs.pdf> (accessed 05.07.2023).
52. The Department of Home Affairs of Australia has released a quarterly snapshot of all temporary entrants and New Zealand citizens present in Australia at a particular date // Department of Home Affairs of Australia. URL: <https://www.data.gov.au/dataset/ds-dga-ab245863-4dea-4661-a334-71ee15937130/details?q=Temporary%20Visa%20Holders> (accessed 05.07.2023).
53. The Department of Home Affairs of Australia has released an overview of the number of illegal maritime arrivals (IMAs) who have been granted a Bridging E visa (BVE), March 31, 2020 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/illegal-maritime-arrivals-bve-march-2020.pdf> (accessed 05.07.2023).
54. The Department of Home Affairs of Australia has released an overview of the number of illegal maritime arrivals (IMAs) who have been granted a Bridging E visa (BVE), June 31, 2021 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/illegal-maritime-arrivals-bve-30-jun-2021.pdf> (accessed 05.07.2023).
55. The Department of Home Affairs of Australia has released an overview of Student visa and temporary Graduate visa program, June 30, 2020 // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/student-temporary-grad-program-report-june-2020.pdf> (accessed 05.07.2023).
56. Transit visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/transit-771> (accessed 05.07.2023).
57. Travel on a bridging visa, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/entering-and-leaving-australia/travelling-and-your-visa/travel-on-a-bridging-visa> (accessed 05.07.2023).
58. UN experts call on Governments to adopt urgent measures to protect migrants and trafficked persons in their response to COVID-19, April 3, 2020 // Official website of United Nations. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2020/04/un-experts-call-governments-adopt-urgent-measures-protect-migrants-and> (accessed 05.07.2023).
59. Update on 408 visa for covid-19 pandemic // Official website of VisaEnvoy Migration Agents Melbourne. URL: <https://visaenvoy.com/update-on-408-visa-for-covid-19-pandemic/> (accessed 05.07.2023).

60. Visa extensions for Skilled Regional (Provisional) visa holders // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. 2022. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/news-media/archive/article?itemId=826> (accessed 05.07.2023).

61. Visitor visa, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/visitor-600> (accessed 05.07.2023).

62. Weis P. The Refugee Convention, 1951. The travaux préparatoires analysed, with a commentary by the late Dr. Paul Weis / VRÜ Verfassung und Recht in Übersee 32.3. 1999. URL: <https://www.unhcr.org/4ca34be29.pdf> (accessed 05.07.2023).

63. Work and Holiday // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/work-holiday-462> (accessed 05.07.2023).

64. Work restrictions for student visa holders, Australian Government Department of Home Affairs / Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/student-500/temporary-relaxation-of-working-hours-for-student-visa-holders> (accessed 05.07.2023).

65. Working Holiday visa // Official website of Australian Government Department of Home Affairs. URL: <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/getting-a-visa/visa-listing/work-holiday-417>. (accessed 05.07.2023).

Информация об авторе

Анастасия Станиславовна Киселёва, студентка Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: nastya20001227@gmail.com

Information about the author

Anastasia S. Kiseleva, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nastya20001227@gmail.com

Поступила в редакцию 19.07.2023

Received 19.07.2023

Одобрена после рецензирования 06.11.2023

Approved 06.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть 2

Денис Александрович Литошенко
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского,
Владивосток, Россия, Denis.Litoshenko@ro.ru

Аннотация. В статье исследовательское внимание направлено на взаимосвязь академического капитализма как концептуальной модели и университетской бюрократии, активно привлекающей эту концептуальную модель в качестве источника обоснования и оправдания комплекса своих внутрисистемных функциональных практик. Следовательно, университетская бюрократия выступает носителем и пользователем академического капитализма как идеологии. Вторая часть статьи посвящена исследованию становления современной российской академической бюрократии, социальных и интеллектуальных истоков, различных аспектов функциональности, конкретизации интеллектуальной природы и многим другим особенностям и характеристикам "академического капитализма", а также способам и приёмам преодоления некоторых его негативных проявлений.

Ключевые слова: университетское образование, университетская идеология, концептуальная модель, академический капитализм, университетская бюрократия, университетские реформы, мировой и российский опыт, прагматика отражения угроз и преодоления последствий

Для цитирования: Литошенко Д. А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 164–174. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

Original article

<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part 2

Denis A. Litoshenko
Maritime State University named after Adm. G.I. Nevelsky, Vladivostok, Russia, Denis.Litoshenko@ro.ru

Abstract. The article focuses on the relationship between academic capitalism as a conceptual model and the university bureaucracy, which actively engages this conceptual model as a source of justification and justification of its set of intrasystemic functional practices. The university bureaucracy acts as a carrier and user of academic capitalism as an ideology. The second part of the article is devoted to the study of the formation of modern Russian academic bureaucracy, social and intellectual origins, various aspects of functionality, concretization of intellectual nature and many other features and characteristics of "academic capitalism", as well as ways and techniques to overcome some of its negative manifestations.

Key words: university education, university ideology, academic capitalism, university bureaucracy, university reforms, world and Russian experience, pragmatics of repelling threats and overcoming consequences

For citation: Litoshenko D. A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part 2 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 164–174. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/164-174>

За время, прошедшее с опубликования первой части настоящей статьи [7], произошли значительные перемены, которые не могут не повлиять на ход наших дальнейших рассуждений о содержании идеологического кредо университетской бюрократии как минимум в масштабах отечественной высшей школы. Во-первых, "академический капитализм" утратил значение идейной доминанты развития современного российского высшего образования. Во-вторых, наиболее выдающиеся носители идеологии "академического капитализма", действовавшие на разных уровнях и участках управления отечественной высшей школой потеряли в большинстве своём фiasco и были низринуты с высот политических и административных Олимпов. И в силу этого, в-третьих, современное состояние идеологии и практики "академического капитализма" со всей справедливостью можно описать почти пелевинским "П4" – прощальные песни политических пигмеев, коих судьба-злодейка уже изрядно побила и продолжает трепать с завидным упорством. Беззубый, вынужденный мими-

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 160–167.

крировать лишь для самосохранения, вытесненный на периферию повестки дня общественного сознания, ведущий арьергардные бои, "академический капитализм" остаётся не менее опасным, особенно в виду реальной возможности его реставрации под иными знамёнами в случае изменения ситуации в благоприятном для этого ключе. И наконец, в-четвёртых, дабы отвести от себя возможные подозрения в попытке свести личные счёты, прибегнем к использованному М.С. Восленским приёму [4, с. 563-564] – введём в наши (смею надеяться, всё же научные) рассуждения, вымышленного литературного персонажа, воплощающего в себе собирательный образ многочисленных отечественных адептов идеологии "академического капитализма". Для того, чтобы на этих страницах присутствовала бы не только абстрактная теоретическая схема представителя сообщества университетской бюрократии, но мелькнули бы в ней и реальные краски жизни [4, с. 564], просим любить и жаловать – госпожу Этранжер Павитаровну Вавилонскую (далее – профессор Вавилонская).

Однако, справедливости ради, следует заметить, что "краткое торжество" "академического капитализма" ознаменовалось не только провалами, поражениями и неудачами. Были и достижения. К числу таковых можно отнести возрождение Приморского регионального отделения Российского общества "Знание", реставрацию (пусть и в не до конца понятном формате) высшего педагогического образования в г. Уссурийске и др. Тем не менее названные достижения являются скорее побочным, по большому счёту случайным результатом деятельности отдельно взятых носителей идеологии академического капитализма, а не частью положительного системного эффекта от претворения в жизнь соответствующих идей и практических инструментов. Кроме того, окончание 2022 г. ознаменовалось тревожными вестями из Забайкальского края, где к руководству ключевым государственным университетом региона пришёл наиболее одиозный доморожденный адепт доктрины "академического капитализма" (один из ключевых прообразов незабвенной профессора Вавилонской) [3], но об этом речь более подробно пойдёт под занавес наших рассуждений.

Кроме того, "академический капитализм" обнаружил себя как ключевая составная часть идеологии преобразований догоняющего эшелона развития отечественной высшей школы, в особенности, по отношению к периферийным регионам современного российского научно-образовательного пространства [9]. Наблюдаемые явления со всей очевидностью свидетельствуют о происходящем в настоящее время ренессансе "академического капитализма" как идеологической концептуальной модели и соответствующей ей системной практики.

Стремление выявить социальные и интеллектуальные истоки исследуемых концептов (академический капитализм, академическое предпринимательство, предпринимательский или – но значительно реже – предприимчивый университет, менеджериализм и новый менеджериализм, менеджеризм и новый менеджеризм) приводит к пониманию того, что комплекс мифологемных концептов "академический капитализм" в своём современном значении входит в оборот в результате интервенции радикального (можно даже посчитать – экстремистского) менеджериализма в область академических ценностей соответствующих университетских научно-образовательных сообществ. Происходящая в результате ломка коммунитарной субкультуры является крайне болезненной и, что закономерно, вызывает упорное, принимающее разнообразные формы, сопротивление.

Однако следует акцентировать внимание на принципиальных различиях в обстоятельствах, предопределивших возникновение и последующую реактуализацию комплекса идеологемных концептов "академический капитализм" в реалиях отечественной высшей школы по сравнению с зарубежным опытом (главным образом – американским, и прочим западным – в меньшей степени). Дело в том, что носителями идеологии и практики "академического капитализма" в реалиях современной отечественной высшей школы выступили представители генерации вузовских управленцев, возникшей и окрепшей в условиях сначала ослабления, а затем и полного отсутствия гнёта номенклатурной системы замещения "ответственных" руководящих должностей, характерной для советского общества [4, с. 118-182].

Формирование отечественного сообщества адептов "академического капитализма" происходило в "удельный период" новейшей истории российской высшей школы, пришедший на смену "номенклатурной эпохе". В узком смысле хронологические рамки периода вузовской "удельщины" можно определить временем с 1993 – до 1998 гг., на которые пришёлся "бум высшего образования" в России. Данное замечание открывает нетривиальные горизонты для выявления и интерпретации интеллектуальных и социальных истоков "академического капитализма" в современной отечественной высшей школе. Олигархическая и квазифеодальная природа автохтонной университетской бюрократии раскрывает функциональное многообразие "академического капитализма", в её взаимоотношениях с вышестоящими уровнями управленческой иерархии отрасли. Следует отметить роль идеологического основания для оправдания собственного существования в системе, носящего порой паразитический характер. Не случайно, Э.П. Вавилонская, занимая поочерёдно ответственные посты в вузовской, а потом и в региональной отраслевой администрации, не связанные напрямую ни с исследовательской, ни с преподавательской деятельностью, не жалела усилий для обезвреживания соответствующими учёными степенями и званиями, что позволяло решить одновременно две совершенно разноплановых задачи: 1) гарантированного получения государственного содержания в зарплатной форме; 2) обеспечения положительной идентификации вузовским научно-образовательным сообществом в бинарной системе "свой-чужой", позволяющей преодолевать отчуждение, возникающее между университетским бюрократом и вузовскими коммунитарными агрегациями. "Академический капитализм" выступает защитным демпфером, позволяющим университетской бюрократии счастливо избегать жёстких деструктивных и трансформационных воздействий со стороны своекорыстной вышестоящей управленческой иерархии и политиков-популистов, являясь заявкой на наличие у неё ещё не ставшего очевидным потенциала полезности.

Если в номенклатурный период схемы обеспечения материального благополучия отечественной университетской бюрократии принадлежали, мягко говоря, "серой зоне" социального бытия, то период "удельщины" ознаменовался переносом партикулярных практик материального фундирования в легальную плоскость за счёт возникшего в обществе ажиотажного платёжеспособного спроса на образовательные услуги высшей школы ("образовательного бума"), когда университетская бюрократия могла на законных основаниях обогащаться прилагая усилия лишь к своевременному расширению предлагаемого ассортимента образовательных программ в соответствии с незамысловатым принципом – "чем экзотичнее, тем привлекательнее", и полномасштабной легализации и социальной эмансипации образовательного предпринимательства. Но в начале XXI в. влияние вузовского "образовательного бума" 1993–1998 гг. окончательно сходит на нет, а перед университетской бюрократией встаёт необходимость поиска иных возможностей обеспечения собственного материального благоденствия. В этой то ситуации и была "поднята на щит" идеология "академического капитализма", под знамёнами которой российская университетская бюрократия не только обрела возможность беспрепятственно изыскивать источники собственного преуспеяния в самом широком спектре аспектов функционала высшей школы, но и, что представляется даже более важным, оправдывать собственную своекорыстную деятельность на протяжении последующих полутора десятилетий. Именно в первое десятилетие XXI в. отечественная университетская бюрократия активно заимствует и изобретательно приспособливает к своим нуждам концептуальную модель "академического капитализма", находя в ней обоснование собственного господства в непрерывно и динамично изменяющихся условиях. Отсутствие же, отмечавшееся нами ранее [7, с. 164], публикаций ключевых "авторитетных текстов" "академического капитализма" на русском языке лишь создавало интеллектуальное пространство, которое было умело использовано глубоко индоктринированными (не только трепетно и преданно состоящих на службе у университетской бюрократии или напрямую интегрированных в неё, но исто-во убеждённых в конечной правоте данной концептуальной модели) представителями экспертного сообщества для создания массива нарративов (от фр. и англ. narrative и лат. narrare "рассказывать, повествовать"), призванных

обеспечить перенос содержания концептуальной модели из зарубежных (американских и европейских) реалий в отечественные.

Переходя к оценке образующих концептуальную идеологическую модель "академического капитализма" понятий (академическое предпринимательство, предпринимательский университет, менеджериализм и новый менеджериализм, эффективный менеджмент высшей школы, социальное проектирование в высшем образовании и др.), а так же всей названной концептуальной модели в целом, с позиций их имажинативных (от англ. *imagine* – вообразить, представлять), интерпретативных (от англ. *interpret* – толковать, трактовать, объяснять) и преобразовательных возможностей, целесообразно начать именно с имажинативного потенциала. В силу идеологической природы исследуемой концептуальной модели. Имажинативный потенциал "академического капитализма" раскрывается через практику использования его университетской бюрократией в качестве инструмента построения в сознании доминируемых групп научно-образовательного сообщества высшей школы и более широкого круга заинтересованной общественности образных конструкций, призванных визуализировать "светлое будущее" торжества данной концептуальной модели. Но это только одна сторона её имажинативности.

Вторая сторона имажинативности "академического капитализма" связана с лагерем его противников. Она состоит в демонизации, отождествлении его с воплощением мирового зла в чистом виде. Однако даже культивируемые здесь негативные образы оказываются поставленными на службу продвижению, поддержанию в фокусе общественного внимания, пребыванию в актуальной повестке дня общественного сознания, плодами чего "академический капитализм" пользуется в полной мере. Хотя и с этой стороны "баррикады" есть свои идейные борцы с "буржуазной ересью во храме учёности" [8, с. 5-7], тем не менее их весьма насыщенные эмоционально, порой написанные с искренней болью в сердце описуемые вовсе не способны поколебать позиций и остановить мерную поступь "академического капитализма". Несмотря на кажущуюся недалёкость и тяготение к рутинной деятельности, многие представители университетской бюрократии в совершенстве овладели техниками "информационного айкидо", позволяющими использовать во благо себе любой, даже самый негативный инфоповод.

Однако в наибольшей степени имажинативный потенциал "университетского капитализма" раскрывается в творчестве его самоотверженных сторонников-носителей (т.е. университетской бюрократии как коммунитарной агрегации) и специально привлечённых ими авторов самого разного уровня погруженности в контекст данной концептуальной модели [11; 12]. Усилиями профессора Вавилонской и её коллег по кормилу власти и перу в отдельных вузах были созданы обширные литературные традиции, составляющие их тексты, реализуя имажинативный функционал "академического капитализма", предпринимают порой весьма примечательные попытки разместить измышляемые образные конструкции в пространстве объективной реальности, представить на всеобщее обозрение эдакий "град на горе". Таким образом, в обоих своих аспектах, имажинативный потенциал рассматриваемой концептуальной модели выступает в качестве своеобразного оптического приспособления – наподобие зелёных очков для обитателей и гостей Изумрудного города, – позволяющего представить в виде безупречного воплощения мирового добра либо столь же мирового зла, в прямой зависимости от того, какие исходные оценочные позиции будут предварительно избраны. Кроме того, вполне возможны инверсии занимаемых оценочных позиций.

Раскрывать интерпретационный потенциал "академического капитализма" следует в тесной связи с его имажинативностью. Более того, все три аспекта функциональности (или, если хотите – полезности) "академического капитализма": имажинативность, интерпретативность и реформационность необходимо рассматривать в тесной связке между собой. Если имажинативность сводится к указанию целей и ориентиров, пусть даже самых мистифицированных, дальнейшего развития высшей школы, то интерпретативность отвечает за определение наличествующих условий (отправной точки изменений и трансформаций) как достаточных и необходимых для проведения соответствующих преобразований в духе "академического капитализма", так и за легитимацию полученных результатов в качестве воплощения высоких

идей и принципов базовой концептуальной модели. В то же время преобразовательный потенциал определяется арсеналом средств, методов и режимов осуществления намеченных реформаций.

Как правило, возможности для реализации интерпретативного и преобразовательного потенциалов "академического капитализма" возникают в связи со сменой поколений или господствующих групп университетской бюрократии, в чем можно усматривать частный случай проявления известного механизма ротации элит. Университетская бюрократия может обновляться либо трансформироваться иным образом, как эволюционным путём, под действием внутренних, естественных факторов, так и принудительно, под воздействием внешнего вмешательства. Профессор Вавилонская, например, возглавила ведущий университет одного из регионов после того, как её предшественник был отправлен в отставку учредителем вуза, что создало благоприятные условия для претворения в жизнь программы масштабных преобразований, необходимых для преодоления того "бедственного" положения, в котором вверенный профессору Вавилонской как ректору университет находится в настоящее время, и создания системных предпосылок для обеспечения его хозяйственной эффективности как полноценного субъекта регионального кластера инновационной экономики современной России

Дальнейшее рассмотрение преобразовательного потенциала концептуальной модели "академического капитализма" подводит нас к вопросу о методологии и арсенале средств, используемых его адептами для проведения осуществляемых ими реформ. Следует отметить, что "академический капитализм" отличается методологической и инструментальной "всеядностью", с явным тяготением к использованию трендовых (от англ. trend – тенденция, т.е. отвечающих тенденции) методико-технологических решений, что способствует поддержанию его позиций в фокусе внимания заинтересованных групп и в составе актуальной повестки дня общественного развития. Следует обратить внимание на такую черту реформационности рассматриваемой концептуальной модели, как крайний инструментализм, в полном соответствии со знаменитым высказыванием Дэн Сяопина: "Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей". Отсюда возникает ещё одна особенность "академического капитализма", взятого на вооружение университетской бюрократии, – "безыдейность" или идеологический индифферентизм, возникающие в ситуации, когда преобразования в духе содержания концептуальной модели проводятся, но соответствующая идеологическая подоплёка не рефлексирована, не осознаётся и, соответственно, публично не манифестируется. Зачастую в силу своей одиозности "академический капитализм" искусно маскируется, элиминируется, "выносятся за скобки", однако реальные действия позволяют обнаружить присутствие его "духа", "тени" или "незримой руки". Наглядным примером подобного рода практики может служить деятельность и публичные высказывания профессора Вавилонской последнего времени, когда она последовательно занимала ряд высоких постов в управлении образовательной сферой в нескольких регионах страны.

Подводя итог исследованию различных аспектов и характеристик бытования "академического капитализма" как концептуальной модели, представляется возможным конкретизировать её интеллектуальную природу. Изначально он представлял собой научную гипотезу, призванную ответить на комплекс волновавших главным образом американскую университетскую общественность и близкие к ней заинтересованные группы вопросов, ключевым из которых был: "Откуда и как взять дополнительные деньги, необходимые для дальнейшего существования и развития высшей школы?". Со временем, обзаведясь солидной аргументацией и развитым понятийным аппаратом, гипотеза приобрела статус теории, учения. Однако дальнейшая судьба концептуальной модели складывалась на путях идеологизации, приобретения необходимой социальной базы (в качестве которой и выступила университетская бюрократия) и обрастания объёмным арсеналом соответствующих средств, приёмов, методов и технологий, позволяющим поддерживать высокий уровень функциональности в качестве основания для многообразных и разноплановых преобразований как иницилируемых университетской бюрократией по собственному почину, так и осуществляемых ею в угоду вышестоящей властной иерархии.

В то же время партикулярная сторона идеологической ипостаси "академического капитализма" наводит на мысль, что данная концептуальная модель вполне может выступать и как мировоззренческая парадигма [10, с. 20], функционирующая в групповом и индивидуальном сознании университетской бюрократии. Таким образом, "академический капитализм" приобретает черты ядра мировоззрения, универсального базиса сознания университетской бюрократии, деятельность которой имеет поистине глобальный масштаб.

В целях изучения практики реализации концептуальной модели "академического капитализма" в контексте опыта мировых систем высшего образования обратимся к примерам проведения трансформаций её "в духе" охвативших 5 европейских университетов, расположенных в таких странах, как Англия, Голландия, Шотландия, Швеция и Финляндия, в последней четверти XX в. Вполне успешный опыт предпринимательских трансформаций, проведённых в университетах Уорика, Твенте, Стратклайда, Чалмерса и Йонсуу, был достаточно подробно описан и исследован Б. Кларком [5]. Следует отметить весьма мягкую, вкрадчивую манеру подачи материала, что заметно отличает книгу Б. Кларка от схожих по содержанию сочинений как американских, так и отечественных "летописцев" большого созидательного пути "академического капитализма", для которых свойственна жёсткая, беспепелляционная позиция. Помимо попытки предложить компактный, простой и свободный от негативных коннотаций и ассоциаций тезаурус описания практически полностью умалчиваемой концептуальной модели, автор формулирует собственную концепцию реализации, в условиях соответствующих конкретных университетов, успешных предпринимательских трансформаций.

Предложенная Б. Кларком концепция включает в себя следующие пять направлений предпринимательской трансформации университетов: 1) усиленное направляющее ядро; 2) расширенная периферия развития; 3) диверсифицированная база финансирования; 4) стимулируемые академические структуры; 5) интегрированная предпринимательская культура [5, с. 21-26]. Именно сквозь призму указанных направлений и рассматриваются происходившие в соответствующих европейских университетах трансформации, интересы, позиции, роли, промежуточные достижения и конечные результаты всех участвующих в трансформациях субъектов либо имеющих в них чётко осознанную заинтересованность. В итоге создаётся впечатление о том, что в "европейской редакции" "академический капитализм" предстаёт в качестве комфортного, но в то же время весьма эффективного системного средства решения спектра наболевших финансово-экономических и управленческих проблем высшей школы. Вовсе не удивительно, что именно приведённые Б. Кларком примеры историй успеха "академического капитализма" были опубликованы его российскими адептами – высокопоставленными университетскими бюрократами для широкомасштабного использования в пропагандистских целях.

На фоне мерной поступи от достижения к триумфу, а от триумфа к очередному эпохальному свершению, демонстрируемой "академическим капитализмом" на просторах Северной Америки, Западной и Северной Европы, результаты отечественной высшей школы впечатляют значительно меньше. Наряду с весьма ограниченным рядом примеров успешного насаждения концептуальной модели на почве нескольких отдельно взятых российских вузов, общее влияние "академического капитализма" на ландшафт национального научно-образовательного пространства высшего образования современной России остаётся всё ещё достаточно ограниченным. Более того, далеко не везде локально действующая университетская бюрократия в полной мере освоила и приняла концептуальную модель в качестве своей мировоззренческой парадигмы. Здесь же следует оговориться, что новые генерации отечественной университетской бюрократии, осваивают "академический капитализм" в более либеральной, компромиссной редакции, нежели та, которая стала идеологическим и мировоззренческим кредо предыдущего поколения, в том числе профессора Вавилонской.

Рассмотрение отечественного опыта реализации концептуальной модели "академического капитализма" в практике высшей школы должно осуществляться с учётом объективно существующей её региональной неоднородности и предопределяемых этим обстоятельством различиях в объёме

напластований соответствующих коммунитарных традиций и институтов университетской жизни. Наиболее неблагоприятная ситуация в этом отношении сложилась именно в южных районах российского Дальнего Востока, где коммунитарное измерение общества в целом находится либо в незрелом, либо умеренно угнетённом состоянии. В подобной ситуации коммунитарные консолидации возникают по обыкновению ситуативно и отличаются негативной направленностью. Неудивительно, что переменный успех профессиональной деятельности профессора Вавилонской напрямую коррелирует со степенью развития коммунитарных традиций и институтов в тех регионах, где расположены те вузы, в которых она протекала. Слабость коммунитарных агрегаций вузовского научно-образовательного сообщества способствовала успеху деятельности профессора Вавилонской, тогда как их сила – создавала сложности и препоны на пути её преобразовательных начинаний.

Внесение необходимых коррективов (в плане как предупреждения, отражения существующих угроз со стороны "академического капитализма", так и ликвидации последствий попыток его претворения в жизнь) в практику использования исследуемой концептуальной модели при принятии управленческих решений в современной отечественной системе высшей школы следует ориентировать на преодоление негативных последствий усилий университетской бюрократии (а если шире – всей отраслевой бюрократии в целом), повседневная управленческая и преобразовательная деятельность которой зиждется на соответствующей концептуальной модели, выступающей не только интерпретационно-объяснительным инструментом осмысления реалий современной отечественной высшей школы, но основанием для принятия управленческих решений на всех уровнях администрирования сегмента российской национальной образовательной метасистемы, в рамках которого осуществляется образовательная деятельность высшего порядка. Исходя из указанных соображений, представляется необходимым в очередной раз прибегнуть к массиву доступного в русскоязычном изложении зарубежного опыта. По обыкновению, выступающий с либерально-консервативных позиций Д. Бок [2, с. 40-41] цитирует британского философа П. Кавса, который ещё в 1970 г., характеризуя современную ему университетскую бюрократию, заметил: "Они, по сути, являются вспомогательным персоналом, не имеющим отношения к настоящему делу в университете, и только замена общественной модели корпоративной позволила им занять нынешнее доминирующее положение" [2, с. 40-41]. Завершает же свой пассаж бывший ректор Гарвардского университета, приводя ещё одну цитату, на сей раз из сочинения американского социолога С. Ароновича, сетовавшего уже в 2000 г. на власть университетской "администрации, которая наращивает своё влияние, всё меньше считается с интересами профессоров и студентов и всё больше действует в интересах политических и корпоративных сил, добивающихся полного контроля над высшей школой" [2, с. 41]. С нашей точки зрения, в русскоязычном переводе цитаты из статьи П. Кавса допущена неточность, не позволяющая в полной мере понять отказ от чего, позволил господству университетской бюрократии (иногда его ещё называют – менеджериализмом [1, с. 38-40]) процвести в американской высшей школе в последней четверти XX в. Судя по всему, речь должна идти о коммунитарной модели, предполагающей у университета ещё и ипостаси общества, а не только учреждения (организации), всё больше приобретающего черты доходного предприятия.

Книга Д. Бока в связи с предметом нашего интереса в рамках настоящей статьи упомянута вовсе не без умысла. Хотя в работе экс-ректора Гарвардского университета на протяжении более двухсот страниц понятие "академический капитализм" не упоминается ни разу, тем не менее вся она посвящена осмыслению реалий бытования современной американской высшей школы и оправданию поистине титанических усилий университетского менеджмента (т.е. той же университетской бюрократии, только на американский лад), прилагаемых для обеспечения процветания высшей школы США и сохранения за ней лидирующих позиций в глобальном масштабе [2, с. 42]. Следовательно, "академический капитализм" как концептуальную модель идеологической природы необходимо понимать как результат адаптации университетского образования к реалиям постиндустриального (информационного) общества и к вызовам, исходящим от инновационной экономики – экономики, основанной

на знании. Соответственно, "академический капитализм" сам по себе не плох и не хорош. Он лишь реакция на стремительно, но неотвратно изменяющиеся условия бытования университетского образования в глобальном масштабе, что не исключает существования различий в локальном, субрегиональном, национальном, региональном и метарегиональном контекстах. Последствия же претворения в жизнь данной концептуальной модели идеологической природы определяются руководствующейся ей в своей повседневной деятельности университетской бюрократией. В связи с чем возникает закономерный вопрос: каким образом возможно изменить, характер, мировоззрение и *modus operandi* университетской бюрократии? В качестве ответа просматриваются два равно возможных пути изменений. Первый из которых подразумевает радикальный социальный реинжиниринг самой университетской бюрократии, ориентированный на трансформацию состава и мировоззренческих установок её представителей. Второй же предполагает значительное изменение условий её рекрутирования, существования и функционирования. Данные перемены должны поставить университетскую бюрократию в жёсткую зависимость от общества в целом, с одной стороны, и от вузовского научно-образовательного сообщества – с другой. Преодолев, таким образом, присущее ей на сегодня обыкновение бытовать, исходя исключительно из собственных, узко партикулярных интересов, т.е. к автономизации, в том смысле этого понятия, который используется при характеристике социальных систем и подсистем. Социетальный и коммунитарный контроль за деятельностью и основанная на этих началах система сдерживания менеджериалистского административного аппарата высшей школы видятся достаточно эффективными средствами обуздания олигархического самовластия и партикулярного благодеяния университетской бюрократии.

После этих строк так и хочется воскликнуть вслед за коллегами из Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, исследовавшими российскую корпоративность, воспроизводя известное народное выражение: "Гладко было на бумаге, да забыли про овраги" [6, с. 8-9]! Исходя из чего возникает закономерный вопрос о том, какие же реальные шаги необходимо предпринять, дабы избежать попадания в эти самые "овраги" сумеречной, "зазеркальной" изнанки отечественной университетской бюрократии?

Наметим ряд приёмов, которые могут использоваться как совокупно, даже в качестве последовательных шагов, так и по отдельности, для отражения деструктивных воздействий, исходящих от идеологии "академического капитализма", а также обосновываемой и оправдываемой ею практики университетского менеджмента.

Во-первых, непрестанно задавать вопросы и публично подвергать сомнению любые принимаемые межеумочно решения, вселяя представителям университетской бюрократии высшую степень неуверенности в своих мыслях и действиях, граничащую с полной невротизацией. Поступая таким образом, можно обеспечить университетской бюрократии остроту ощущения внутрикорпоративного "бремени власти" и вытеснение им доминирующего в настоящее время переживания своего положения в системе управления высшей школой как "вечного медового месяца с властью".

Во-вторых, оказывать давление на вышестоящие уровни отраслевой бюрократии, тем самым вынуждая нижестоящих университетских бюрократов действовать по принципу "не можешь пресечь, должен возглавить!" Реализация этой меры в качестве ключевого фактора эффективности подразумевает возрождение и обновление институтов внутриуниверситетской "советской власти", которые должны демпфировать самовластные интенции университетской и отраслевой бюрократии.

В-третьих, угрожать "выносом сора из избы", а в случае отсутствия положительной реакции – "выносить сор из избы" – обращаться в судебные и надзорные органы. В последнем случае в качестве таковых могут выступать как универсальные (прокуратура), так и отраслевые (Рособрнадзор и др.) государственные надзорные органы. Университетская бюрократия, как и вся бюрократия сферы образования, до дрожи в поджилках боится любых инспекций и проверок, а также "визитов дружбы" и "заглядываний на огонёк" со стороны "людей в штатском" (отраслевые надзорные органы, ФСБ) и "государственных

служилых людей в голубых мундирах" (прокуратура). Пугать ими университетских бюрократов можно до бесконечности.

В-четвёртых, компроментация в глазах общественного мнения и создание повода для "шумихи" в СМИ. Перефразируя известное высказывание одного приморского парламентария, можно сказать, что "власть и деньги любят тишину". В силу того, что "академический капитализм" как концептуальная модель отвечает на два животрепещущих для университетской бюрократии вопроса: и о власти, и о деньгах, поэтому для последней нет более болезненной ситуации, чем муссирование в СМИ отдельных сведений, фактов, персоналий, напрямую или косвенно затрагивающих академическую бюрократию, что закономерно провоцирует недовольство всё той же властной иерархии, у которой может возникнуть представление о неспособности, некомпетентности и, что ещё хуже, нелояльности местной университетской бюрократии и вызвать стойкое желание сменить "весь состав действующих лиц", а это уже само по себе смерти подобно и да же хуже того.

В-пятых, привлечение профессиональных политиков, жадных до возможности приобрести политический капитал, эксплуатируя нетривиальные сюжеты, в качестве актуальной политической повестки дня в деле обеспечения общественных интересов. Дело в том, что образование (в том числе и высшее) входит в группу ключевых потребностей общества, а поэтому любые посягательства, ущемления прав и возможностей, а также разного рода злоупотребления в этой области всегда вызывают острую реакцию общества. Скандалы, разбирательства и расследования в рядах "святого семейства" университетской бюрократии создают повод к практически неограниченному приобретению политического капитала, который в ходе выборной кампании всегда можно по выгодному курсу обменять на голоса избирателей, а их, в свою очередь, на искомую должность в органах власти соответствующего уровня.

Таким образом, подводя итоги статьи, со всей определённости следует признать, что сопряжение ограниченного арсенала понятий теоретического плана в рамках соответствующей концептуальной модели, ядром которой является понятие "академический капитализм", а сама эта модель используется для описания, интерпретации и трансформации реалий бытования современных систем высшего образования, представляется в полной мере правомерным. Кроме того, ключевым субъектом всех указанных аспектов деятельности выступает достаточно многочисленная, но одновременно в значительной мере замкнутая общность профессиональных носителей управленческих функций, как в границах отдельно взятой образовательной организации высшего образования, так и в масштабах всей вузовской подсистемы как составной части соответствующих национальных образовательных метасистем – университетская бюрократия. Необходимо подчеркнуть, что взаимосвязь "академического капитализма" как концептуальной модели и университетской бюрократии, активно привлекающей эту концептуальную модель в качестве источника обоснования и оправдания комплекса своих внутрисистемных функциональных практик, т.е. выступающей его носителем и пользователем, следует признать в полной мере обоснованной и доказанной.

Литература

1. Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие. С. 37-47. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/07/1270377914/Abramov.pdf> (дата обращения: 23.08.2020)
2. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования / пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 224 с.
3. Бунт студентов и скандалы на местах. Что известно об и. о. ректора ЗабГУ Оксане Мартыненко?. URL: <https://yubimiiigorod.ru/Chita/news/16471855?ysclid=IdOz9lfrhy304956495> (дата обращения: 18.01.2023)
4. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / предисловие М. Джиласа. 2-е изд., испр. и доп. London: Overseas Publications Interchange, 1990. 671 с.

5. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. А. Александрова; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
6. Корпоративность "по-русски": лицо и изнанка: 1/2: научные труды, записки, исследования института социально-политических проблем управления / Науч. ред. Е.А. Куликова. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2008. 200 с.
7. Литошенко Д.А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть I // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 160–167.
8. Мамедов О.Ю. Коррупция, коммерциализация и бюрократизм в американских университетах // Terra economicus. 2010. Т. 8 № 3 С. 5–7.
9. Программа "Приоритет-2030". URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 07.07.2023)
10. Сальников А.А. Парадигмальные основания мировоззрения: к постановке проблемы // Вестник Военного университета. 2011. № 1. С. 15–21.
11. Управление современным университетом: Кол. монография / Под общ. ред. проф. Г.И. Лазарева. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 324 с.
12. Управленческие инновации в вузе: Кол. монография / Под общ. ред. проф. Г.И. Лазарева. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. 300 с.

References

1. Abramov R.N. Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction. P. 37–47. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/12/07/1270377914/Abramov.pdf> (accessed 08.23.2020) (In Russ.).
2. Bok D. Universities in the market-place. Commercialization of higher education / translated from the English by S. Karp; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 224 p. (In Russ.).
3. Student revolt and scandals on the ground. What is known about the acting Rector of ZabSU Oksana Martynenko?. URL: <https://lyubimigorod.ru/Chita/news/16471855?ysclid=idOz9lfrhy304956495> (accessed 01.18.2023) (In Russ.).
4. Voslensky M.S. Nomenclature. The Ruling class of the Soviet Union / foreword by M. Djilas. - 2nd ed., ispr. and add. London: Overseas Publications Interchange, 1990. 671 p. (In Russ.).
5. Clark B.R. Creating entrepreneurial universities. Organizational Pathways of Transformation / translated from English by A. Smirnov; edited by A. Alexandrov; National. research. uni-t "Higher School of Economics". 2nd ed. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 240 p. (In Russ.).
6. Corporatism "in Russian": the face and the wrong side: 1/2: scientific papers, notes, research of the Institute of Socio-Political Problems of Management / Scientific. ed. E.A. Kulikova. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2008. 200 p. (In Russ.).
7. Litoshenko D.A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part I // Oikumen. Regional studies. 2021. No. 1. P. 160–167. (In Russ.).
8. Mammadov O.Y. Corruption, commercialization and bureaucracy in American universities // Terra economicus. 2010. Vol. 8 No. 3 P. 5–7. (In Russ.).
9. The program "Priority-2030". URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (accessed 07.07.2023) (In Russ.).
10. Salnikov A.A. Paradigmatic foundations of the worldview: towards the formulation of the problem // Bulletin of the Military University. 2011. No. 1. P. 15–21. (In Russ.).
11. Management of a modern university: Number of monographs / Under the general editorship of prof. G.I. Lazarev. Vladivostok: Publishing House of VSUES, 2005. 324 p. (In Russ.).
12. Managerial innovations in higher education: Number of monographs / Under the general editorship of prof. G.I. Lazarev. Vladivostok: Publishing House of VSUES, 2007. 300 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Денис Александрович Литошенко, канд. ист. наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия, e-mail: Denis.Litoshenko@ro.ru

Information about the author

Denis A. Litoshenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and State Legal Disciplines, Maritime State University named after adm. G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia, e-mail: Denis.Litoshenko@ro.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023

Received 14.07.2023

Одобрена после рецензирования 10.11.2023

Approved 10.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Рецензия
УДК 378
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/175-178>

Terra incognita в отечественной урбанистике, подлежащая осмыслению

Елена Евгеньевна Тиникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, lena.tinikova.ru

Аннотация. Рецензируемая книга посвящена анализу малоизученного феномена "частного сектора" российского города. Безусловным достоинством монографии является постановка проблемы релевантности существующих в урбанистике подходов, строящихся на описание специфики отечественного города без учета значительной его части и по площади, и количеству проживающего в нем населения. Авторы убедительно смогли показать процесс трансформации советского частного сектора в нечто новое по архитектурному ландшафту и организации локальных сообществ в нем, что требует дальнейшего пристального изучения и осмысления на источниковой базе других регионов страны.

Ключевые слова: *рецензия, монография, частный сектор, социология города*

Для цитирования: Тиникова Е. Е. Terra incognita в отечественной урбанистике, подлежащая осмыслению // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 175–178. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/175-178>

Review
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/175-178>

Terra incognita in Russian Urbanism, subject to comprehension

Elena E. Tinikova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Abstract. The reviewed book is devoted to the analysis of the little-studied phenomenon of the "private sector" of the Russian city. The absolute advantage of the monograph is the formulation of the problem of relevance of existing approaches in urbanism, based on the description of the specifics of the domestic city without taking into account a significant part of it both in area and the number of people living in it. The authors were able to convincingly show the process of transformation of the Soviet private sector into something new in the architectural landscape and the organization of local communities in it, which requires further close study and reflection on the source base of other regions of the country.

Key words: *review, monograph, private sector, sociology of the city*

For citation: Tinikova E. E. Terra incognita in Russian Urbanism, subject to comprehension // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 175–178. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/175-178>

Вопрос о специфике отечественного (средневекового, дореволюционного, социалистического, современного) города и урбанизации поставлен в общественно-гуманитарных науках давно. В современной российской науке трудами социологов и историков сложилось отдельное направление по изучению сибирского города. К настоящему времени накоплен большой опыт изучения различных сторон данного феномена: его типологизации, основных этапов становления, демографического и социального развития городского населения, роли этнического фактора в его развитии, архитектуры, городского образа жизни, городской экономики, взаимоотношений власти и городских сообществ и прочее.

В сибирской историографии города сформировалась особая исследовательская традиция в Иркутске, где "местное сообщество историков-урбанистов отличают оригинальные концептуальные подходы" [8, с. 95]. Иркутск сегодня является одним из центров сибирской исторической урбанистики. И во многом это является заслугой авторов рецензируемой монографии [3].

Авторским коллективом уже описан целый ряд конкретных сюжетов развития сибирского города [2; 4; 5; 6; 7; 9], что является свидетельством сплоченности и успешности в работе их научной коллаборации. Рецензируемая книга посвящена анализу еще одного малоизученного сюжета в отечественной и сибирской урбанистике – феномену "частного сектора" российского города.

Рецензия на монографию "Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. "Частный сектор": не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2023. 128 с.

Авторы справедливо указывают, что частный сектор является "неизведанным пространством", выпадающим из научного дискурса и потому нуждающимся в осмыслении. Данное исследование – первый серьезный шаг на этом пути.

Вступление на поле, почти не затронутое исследованиями, диктует необходимость разобраться с самим понятием "частный сектор", выявить его основные критерии, к которым, по мнению авторов, относятся частная форма собственности (в большинстве случаев), индивидуальная одноэтажная застройка усадебного типа (в современный период – до 3-х этажей включительно), до недавнего времени неблагоустроенность [3, с. 28, 36].

Предлагаемая авторами источниковая база исследования, в основе которой лежат интервью с жителями частного сектора, визуальные наблюдения, выполненные методом фланирования, и собственный опыт проживания в частном секторе [3, с. 15–17] позволяют всесторонне рассмотреть представления горожан о частном секторе. Однако заявленный предмет исследования требует привлечения и других видов источников, в том числе, например, статистических, какими бы недостатками они не обладали. Описание зарождения феномена "частного сектора" в динамике начиная с момента становления советской власти и заканчивая постсоветским периодом предполагает использование всего комплекса имеющихся в распоряжении источников. Вместе с тем указанные ограничения не повлияли на результат исследования, так как авторы убедительно смогли показать процесс трансформации советского частного сектора от не-городского пространства в нечто новое по архитектурному ландшафту и организации локальных сообществ в нем.

Стоит отметить, что, несмотря на изначально диаметрально противоположные цели, связанные с сохранением частного сектора со стороны советской власти и "собственников" частных домов, администрацией и обществом частный сектор воспринимался как явление временное. Это порождало особые практики повседневности. Их подробная характеристика дается во второй главе книги. Здесь показано, как неблагоустроенность жилья влияла на бюджет времени жителей частного сектора, что их образ жизни в большей степени соотносится с сельским, нежели с городским. Подобный образ жизни способствовал сохранению тесных добрососедских связей, описанных авторами как "реципрокные практики".

Исследование частного сектора в дискурсе власти и медиа основано на материалах газет, сообщениях пресс-служб органов государственной власти и текстов цифровых медиа. Необходимость использования последних в качестве эмпирической базы пояснена, также как и обоснована методика их отбора. Привлечение широкого круга разноплановых источников в этой части приводит автора третьей главы к выводам о существовании как минимум трех разных образов частного сектора в коллективном сознании властных структур, средств массовой информации и городских обывателей. Контент-анализ, с одной стороны, позволил нащупать смысловое содержание "частного сектора" каждой из выделенных групп акторов, но, с другой – не раскрывает специфики данного феномена ни во временной, ни пространственной плоскостях. Однако сама по себе постановка проблемы в подобном ракурсе чрезвычайно интересна.

Четвертая глава показывает, как за последние 30 лет менялись застройка частного сектора, уровень его благоустройства, размеры индивидуальных жилых домов. Исследователи на материалах интервью подтверждают ослабление соседских связей среди жителей частного сектора. Имущественная дифференциация влечет за собой социальную. "Безусловно, доверие и реципрокные практики как основа соседства продолжают сохраняться у малообеспеченных групп и пожилых жителей, однако и они здесь постепенно заменяются рыночными отношениями" [3, с. 81]. Именно эта характеристика лежит в основе социальной трансформации частного сектора в постсоветский период.

В результате сформированный в частном секторе новый образ жизни оценивается авторами как близкий к субурбанизму. Сопоставительный анализ ответов интервьюеров показал, что повседневность жителей новых районов частного сектора близка к загородному образу жизни. Сами жители даже если и не определяют себя как "городские", то точно не соотносят себя с "сельчанами". В сибирском макрорегионе существует множество вариантов формирования субурбий, в том числе описанных одним из авторов монографии К.В.

Григоричевым [1]. Мозаичная картина, сложившаяся из сделанных исследователями наблюдений в шести разных по своим характеристикам городах, показывает, что сегодня частный сектор является внутренним пригородом сибирского города.

В пятой главе авторы обращают внимание на такую важную характеристику частного сектора внутри города, как невозможность полностью контролировать место своего проживания. Подобная ситуация характерна как для жителей ветхого жилья, которые вынуждены ждать своего расселения, так и жителей так называемых "памятников", ставших заложником этого статуса и лишенных возможности определять облик места своего проживания. Эта ситуация хорошо известна жителям всех сибирских городов и активно обсуждается в последние годы в условиях реализации программы реновации городских территорий. Столкновение интересов прав собственников и властных структур различного уровня – отдельный сюжет, требующий дальнейших исследований. Особо стоит отметить названные авторами механизмы монетизации своего маргинального положения жителями ветхого жилья и "памятников", подкрепленные конкретными примерами из жизни интервьюеров и базирующиеся на правовом плюрализме [3, с. 108–113].

В заключении авторы, исходя из сделанных наблюдений, оценивают частный сектор как социальный конструкт, являющийся порождением советской эпохи. Жители частного сектора в иерархии советского общества заняли определенную нишу, обусловленную не только и не столько такими критериями, как уровень дохода, образованности и прочее, а особым отношением и навешиванием ярлыков (стигматизация) со стороны советской власти. Эти черты частного сектора, а также восприятие его как явления временного не позволили распространиться здесь урбанизму. Даже сейчас городской образ жизни – не типичный кейс для сибирского частного сектора. Основной вектор его эволюции на данном этапе – субурбанизм.

Рецензируемая монография является новаторской как по постановке обсуждаемых исследовательских вопросов, так и по предлагаемым подходам к их решению. Сами авторы определили свой научный труд как "приглашение к дискуссии" [3, с. 18]. Несомненно, их книга станет объектом обсуждения в научной среде не только сибирского региона, а также станет важной вехой в создании общей картины развития не-городских пространств на территории российских городов.

Литература

1. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Издательство "Оттиск", 2013. 248 с.
2. Григоричев К.В., Дятлов В.И. "Китайские рынки" России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–132.
3. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. "Частный сектор": не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Издательство "Оттиск", 2023. 128 с.
4. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Издательство "Оттиск", 2019. 288 с.
5. Григоричев К.В., Тимошкин Д.О. Базар в движении: Иркутский открытый рынок как точка концентрации мобильностей // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 26–39.
6. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.
7. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Издательство "Оттиск", 2013. 624 с.
8. Стась И.Н. Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Ойкумена. Региональные исследования. 2019. № 3(50). С. 93–104.
9. Тимошкин Д.О., Григоричев К.В. "Не-место" вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140.

References

1. Grigorichev K.V. In the shadow of the big city: the social space of the suburbs. Irkutsk: Publishing house "Ottisk", 2013. 248 p. (In Russ.).
2. Grigorichev K.V., Dyatlov V.I. "Chinese markets" of Russia: role in post-socialist transformation (the case of Irkutsk) // Bulletin of Tomsk State University. 2017. No. 419. P. 121–132. (In Russ.).
3. Grigorichev K.V., Dyatlov V.I., Timoshkin D.O. "Private sector": non-urban spaces and communities of the Russian city. Irkutsk: Publishing house "Ottisk", 2023. 128 p. (In Russ.).
4. Grigorichev K.V., Dyatlov V.I., Timoshkin D.O., Bryazgina D.E. Bazaar and the city: people, spaces, images. Irkutsk: Publishing house "Ottisk", 2019. 288 p. (In Russ.).
5. Grigorichev K.V., Timoshkin D.O. Bazaar in motion: Irkutsk open market as a point of concentration of mobility // Regionalism. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 26–39. (In Russ.).
6. Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. Siberia: dynamics of ethnization of urban space of the resettlement society // News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2014. Vol. 10. P. 8–19. (In Russ.).
7. Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities. The frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries. Irkutsk: Publishing house "Ottisk", 2013. 624 p. (In Russ.).
8. Stas I.N. Historical urbanism in Eastern Siberia and the Far East // Oikumena. Regional studies. 2019. No. 3(50). P. 93–104. (In Russ.).
9. Timoshkin D.O., Grigorichev K.V. "No place" outside of time: uncertainty as a specificity of the existence of localities of a post-Soviet city (on the example of Irkutsk) // Anthropological Forum. 2018. No. 39. P. 118–140. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Information about the author

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023

Received 14.07.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Accepted 23.11.2023

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять** ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация даётся через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи или сноской). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2023 № 4 (67)

Подписано к печати 05. 12. 2023 г. Вышло в свет 21. 12. 2023 г. формат 70х108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

